

ИСТОРИЧЕСКИЕ **С**ИЛУЭТЫ

ВЫБИТЫЙ ГЕНЕРАЛИТЕТ

АНАТОЛИЙ КОРОЛЬЧЕНКО

СЕРИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ СИЛУЭТЫ»

Анатолий Корольченко

ВЫБИТЫЙ ГЕНЕРАЛИТЕТ

Историческое повествование

Ростов-на-Дону

«Феникс»

2000

ББК 84(2Рос=Рус)6-4
К75

Корольченко А.Ф.

К75 Выбитый генералитет: Историческое повествование. — Ростов н/Д: Феникс, 2000. — 512 с. — (Сер. «Исторические силуэты»).

ISBN 5-222-01052-X

В книге рассказывается о судьбе выдающихся советских маршалов, генералов, адмиралов, внесших значительный вклад в развитие Советских Вооруженных Сил и победу в Великой Отечественной войне. Необоснованно репрессированные в 1937—1950-х годах, большинство из них были уничтожены. Впоследствии реабилитированные, они оставили делами своими добрый след в российской истории.

Адресована широкому читателю.

ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 5-222-01052-X

© Корольченко А.Ф., 2000
© «Феникс», обложка, 2000

Об этой книге

Ранее созданные произведения писателя А. Корольченко были посвящены отдельным выдающимся личностям прошлого: Платову, Скобелеву, Жукову, Рокоссовскому. Название же «Выбитый генералитет» предупреждало, что речь идет о другом, а именно — о трагичной участи выдающихся военачальников Красной Армии.

«Неужели о 37-м годе?» — проскользнула догадка. Да, именно с событий второй половины 30-х годов начинается повествование, охватившее более чем десятилетний период позорной подозрительности и расправы над выдающимися военачальниками прошлого и признанными тружениками Победы в Великой Отечественной войне.

Автор рассказывает о плеяде военачальников различных рангов и должностей, выбитой из большой и активной деятельности в области руководства армией и флотом.

Как известно, в 30-е годы генеральских званий в Красной Армии не было. На петлицах высшего

комсостава поблескивали знаки — ромбы, которые определяли воинские звания: комбриг и комдив, комкор и корпусной комиссар, командарм или армейский комиссар 2-го или 1-го ранга. Лишь 7 мая 1940 года в Красной Армии были введены генеральские звания, появился генералитет, пришедший на смену ушедшим из жизни комдивам и командармам. Это пояснение для читателя, который возьмет в руки книгу.

Ранее подобные книги не издавались. Бдительные цензоры строго следили, чтобы в свет не выходили произведения, в которых бы рассказывалось о позорном прошлом, о жертвах власти и деяниях сильных мира сего.

Автор затронул важную и памятную для истории России и ее Вооруженных Сил тему расправы над руководящим составом армии и флота в преддверии второй мировой и Великой Отечественной войн.

В шести главах рассказывается не только о тех, кто стал жертвой ничем не оправданного судилища в 1937 году, но и о тех, кто в судный день 11 июня находился за судьейским столом и подписывал своим боевым товарищам смертный приговор. Вторая глава посвящена их короткой, но столь же трагичной судьбе.

Чудовищному произволу по уничтожению военных кадров в 37-м году не уступали последующие:

38-й, 39-й, 40-й... Они стали последними в жизни многих военачальников — героев гражданской войны, кто в боевом строю с оружием в руках отстаивал и завоевывал свободу и светлую жизнь, обещанную советскими лозунгами.

В одной из глав рассказывается о чуде уцелевших выдающихся полководцах Рокоссовском, Мерецкове, Горбатове, Петровском. О страшных испытаниях, перенесенных ими в тюремных застенках.

Весьма уместны приведенные статьи, очерки, воспоминания этих героев. Они позволяют глубже познать достоинства военачальников, определить их роль в проводимых ими боях и сражениях.

В книге прослеживается судьба сорока восьми генералов, адмиралов, маршалов, незаслуженно осужденных и варварски уничтоженных. Это рассказы о Блюхере и Егорове, Ковтюхе и Примакове, Кутякове и Качалове, Каширине. Всех их позже за отсутствием состава преступления полностью реабилитировали.

В числе героев книги генералы Великой Отечественной войны, чья судьба завершилась не на поле брани, а в тюремных подвалах: Павлов, Штерн, Смушкевич, Рычагов, Локтионов.

В заключительной главе рассказывается о тех, кто с честью выполнил свой воинский долг в сражениях Великой Отечественной войны и понес по-

том несправедливое осуждение: о маршалах авиации Новикове и Худякове, генералах Телегине, Гордове и других известных военачальниках.

Читателям хорошо известно, что одними из источников Победы в Великой Отечественной войне были наша передовая военная наука, военное искусство, умелое руководство войсками.

В годы войны в Вооруженных Силах выросла блестящая плеяда полководцев — крупных военачальников. В числе тех, кто на заключительном этапе войны вел наши войска к Победе, было 12 маршалов Советского Союза, 3 Главных маршала видов Вооруженных Сил, 10 маршалов родов войск и 5 959 генералов и адмиралов. Среди них Г.К. Жуков, А.М. Василевский, К.К. Рокоссовский, И.С. Конев, Л.А. Говоров, К.А. Мерецков, Ф.И. Толбухин, Р.Я. Малиновский, Н.Ф. Ватутин, И.Х. Баграмян, А.И. Еременко, И.Е. Петров, В.Д. Соколовский, М.М. Попов, И.Д. Черняховский, Б.М. Шапошников, А.И. Антонов, руководители Военно-Морского Флота Н.Г. Кузнецов, А.Т. Головкин, В.Ф. Трибуц, И.С. Юмашев, С.Г. Горшков, И.С. Исаков, Ф.С. Октябрьский и многие другие; командующие фронтами, армиями, корпусами и дивизиями.

Наши Вооруженные Силы одержали полную победу над фашистской Германией, и в том числе над ее такими опытными военачальниками, как Бок,

Клейст, Браухич, Гудерман, Манштейн, Кейтель, Модель и другими.

Совершенно очевидно, что в блестящих победах нашего генералитета есть большая доля самоотверженного труда выбитых военачальников в 1937—1941 годы. Они внесли большой и достойный вклад в развитие Вооруженных Сил, советскую военную науку и искусство.

Это признают и за рубежом, в том числе в Германии. Так, на Нюрнбергском процессе фельдмаршал Паулюс заявил: «Советская стратегия оказалась настолько выше нашей, что я вряд ли мог понадобиться русским хотя бы для того, чтобы преподавать в школе унтер-офицеров. Лучшее тому доказательство — исход битвы на Волге, в результате которой я оказался в плену, а также и то, что все эти господа сидят здесь, на скамье подсудимых».

Советское правительство, решая задачу подготовки военных кадров накануне войны и в ходе ее, учитывало богатый боевой опыт гражданской войны, знания и рекомендации офицеров и генералов, невинно погибших в печально памятный довоенный период.

Что касается автора настоящей книги, то он — военный профессионал, участник Великой Отечественной войны, сочетающий в себе знатока военной истории и опытного литератора, — сумел лаконич-

но и волнующе рассказать о судьбах героев книги. Его очерки объективны, обстоятельны, правдивы.

Убежден, что книга вызовет большой интерес у читателей, особенно у ветеранов Вооруженных Сил, слушателей и курсантов военных учебных заведений, офицеров и генералов нашей армии. Несомненно, она будет способствовать дальнейшему усилению патриотического воспитания граждан нашей державы — Великой России.

*Член-корреспондент Академии
военных наук Российской Федера-
ции, кандидат исторических наук,
полковник в отставке*

А.С. Давыдов

*Памяти тех, кто безвинно
вынес тяжко-жестокие испыта-
ния далеких трудных лет.*

Глава первая

ЗАГОВОР, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

1937-й год вошел в анналы российской истории как год незаслуженно тяжелых испытаний народа, его унижения и истребления. Он дал начало массовому уничтожению без суда и следствия ни в чем неповинных людей, заточению безвинных в мрачные тюрьмы, ссылки их в отдаленные места, откуда не было возврата.

Это было время подавления у народа чувства свободы, независимости, личного достоинства, их заменили страх, недоверие, подозрительность.

Под прессом узаконенного беззакония и самовластия находились честные труженики, горожане и сельчане, люди труда, науки, культуры и искусства. Особому гонению подвергался личный состав Вооруженных Сил страны и прежде всего их руководящий состав. Если за всю Великую Отечественную войну наши потери убитыми, умершими от ран, пропавшими без вести составили около 600 генералов, то с 1937 по 1939 год было уничтожено военных из высшего командного руководства в три раза больше. За этот короткий период погибло до 55 про-

центов командного и политического состава армии и флота — от командира полка и выше.

В ту пору в докладе на Военном совете нарком обороны Ворошилов заявил: «Мы «вычистили» из Красной Армии около четырех десятков тысяч человек...»

Началом этой чистки послужило судилище в июне 1937 года над лицами высшего командного руководства Красной Армии, наиболее подготовленными в военном отношении. С мая 1937 года по сентябрь 1938 года репрессиям подверглись около половины командиров полков, почти все командиры бригад и дивизий, все командиры корпусов и командующие войсками военных округов, члены военных советов и начальники политуправлений округов, большинство политработников соединений и полков, многие преподаватели высших и средних военных заведений.

Среди безвинно погибших командиров и политработников были крупнейшие военачальники: М.Н. Тухачевский, В.К. Блюхер, А.И. Егоров, И.Э. Якир, И.П. Уборевич, А.И. Корк, В.М. Примаков, И.Ф. Федько, П.Е. Дыбенко, Д.П. Жлоба, Р.П. Эйдеман, Я.Б. Гамарник, покончивший жизнь самоубийством, и многие другие.

Всех обвинили в антигосударственных связях с руководящими военными кругами одного из иностранных государств, ведущего недружелюбную по-

литуку в отношении СССР. Находясь на службе, обвиняемые якобы систематически «доставляли шпионские сведения, совершали вредительские акты в целях подрыва мощи Рабоче-Крестьянской Красной Армии, подготовляли на случай военного нападения на СССР поражение Красной Армии и имели своей целью содействовать расчленению Советского Союза и восстановлению в СССР власти помещиков и капиталистов».

Таким образом, незадолго до Великой Отечественной войны Красная Армия лишилась многих подготовленных и опытных военных руководителей. К началу войны только 7 процентов офицеров имели высшее военное образование, а 37 процентов не закончили даже и училищ. Тяжесть утраты усугублялась тем, что многие из репрессированных генералов и офицеров были знакомы с немецкой школой военного искусства, новые же кадры ее не знали. Многие командиры к началу войны были назначены на новые должности и только их осваивали. Все это отрицательно сказалось на боеспособности нашей армии.

Однако заговора как такового не было. Его сфальсифицировали в Германии с целью руками советского правосудия уничтожить талантливых военных руководителей Красной Армии, обезглавить ее и тем самым создать условия для сокрушения советского государства в спешно подготавливаемой нацистами войне.

В их зловещем плане главной фигурой мнимого заговора стал заместитель наркома обороны маршал Тухачевский. Он был наиболее яркой фигурой среди многих советских военачальников. «Гигант военной мысли, звезда первой величины в плеяде выдающихся военачальников Красной Армии», — так его характеризовал маршал Жуков.

И вот в начале 1937 года в заграничных газетах вдруг замелькало его имя.

В связи со смертью английского короля Георга V на его похороны были направлены советские представители, среди которых был и Тухачевский.

В Лондоне он встречался с английскими генералами и после одной беседы начальник генерального штаба Великобритании генерал Дилл заявил советскому послу:

— Я вашим маршалом восхищен! У него светлая голова! Если в Красной Армии такие командиры, я меняю свое мнение о ее качествах.

Во Франции Тухачевский посетил центр технических испытаний военных самолетов, побывал на авиазаводах, беседовал с генералом Гамеленом — главнокомандующим французской армией.

Была остановка и в Берлине, и по заявлению Геринга Тухачевский будто бы намеревался встретиться с самим Гитлером и командованием вермахта.

В газетах сообщалось, что советский маршал является крупным военным теоретиком, знатоком

природы современной войны, смело заглядывающим в будущее, в настоящее время он фактически строитель армии, которая станет надежным щитом страны. Авторы статей не скрывали удивления относительно его молодого возраста в столь высоком звании и должности.

Не остались в стороне и белогвардейские эмигранты. У одних имя маршала вызывало негодование: как посмел он, дворянин, предать интересы России и перейти на услужение большевикам. Другие восхищались его храбростью и мужеством, когда он, командуя в первой мировой войне пехотной ротой, за полгода фронтовой службы сумел заслужить шесть боевых наград!

А в России о нем молчали, несмотря на его частые публикации в военных журналах и газетах. Писатели и журналисты предпочитали рассказывать о Ворошилове и Буденном, Чапаеве и Котовском, лихих первоконниках.

Еще раньше, в декабре 1936 года, попавший на сборище белых эмигрантов немецкий агент услышал заявление бывшего царского генерала Скоблина, что де-мол скоро в России произойдут важные события, переворот и его возглавит маршал Тухачевский.

— В России зреет заговор военных. Это мне доподлинно известно, — утверждал Скоблин.

Агент поспешил направить информацию об этом в Берлин, в управление имперской безопасности СС,

самому шефу Гейдриху. Ярый приверженец Гитлера, он был мастером шантажа и многих грязных дел.

По сценарию Гейдриха летом 1934 года таинственно ушел из жизни глава одной немецкой католической партии. Его нашли мертвым в кабинете за письменным столом. И никаких следов. Позже, осенью 1939 года Гейдрих срежиссировал якобы нападение поляков на немецкую радиостанцию в Глейвице. Заполучив дюжину приговоренных к смерти уголовников, он облачил их в польские мундиры и заставил совершить «нападение» на немецкую радиостанцию. Уголовников перебили (так и было задумано), но у фашистского руководства оказался повод для объявления Польше войны.

В 1942 году Гейдрих стал наместником в Чехии и Моравии и отличился там изощренной жестокостью. 27 мая в Лидице чешские патриоты уничтожили его. В отместку фашисты сожгли в городе 95 домов, расстреляли всех мужчин старше 15 лет, отправили в концентрационные лагеря женщин и детей. Лидице стало символом жестокости фашизма.

Все это будет потом, а в январе 1937 года, прочитав донесение агента, Гейдрих задумал новую провокацию. Он решил вызвать у болезненно-подозрительного Сталина недоверие к молодому маршалу.

Первый, с кем Гейдрих повел осторожный разговор, был шеф войсковой разведки вермахта ад-

мирал Канарис. Они были не только коллеги, но и давнишние знакомые. Гейдрих еще кадетом, юнцом попал на крейсер «Берлин», которым командовал Канарис. Он же и списал кадета с корабля за неблаговидное дело. Списал и тем замял последствия. Об этом Гейдрих помнил, и когда у него возникали какие-либо затруднения по службе, он обращался за советом к опытному разведчику.

Теперь Гейдриху была необходима информация о высшем командовании Красной Армии. Она нужна была для разработки «дела». Материалы с полной информацией имелись в архиве. И здесь ему мог помочь Канарис.

— О ком идет речь? — насторожился тот, когда к нему обратился Гейдрих.

— О советских военачальниках, которые учились в нашей военной академии.

— У нас обучались Якир, Уборевич, Эйдеман, — начал перечислять Канарис. — Еще был Тимошенко. Неоднократно военное министерство посещал нынешний маршал Тухачевский.

— Что вам еще известно об этом человеке?

— Что известно о Тухачевском? Прежде всего то, что для маршала он молод, но весьма опытен и вполне заслуживает столь высокое звание. В двадцать пять лет командовал армией, в двадцать шесть — фронтом. Ныне он первый заместитель военного мини-

стра Ворошилова, личности весьма посредственной и недалекой. В прошлом Тухачевский возглавлял военную академию, автор многих трудов по стратегии, имеет свой, отличный от других взгляд на ведение будущей войны и использование в ней видов вооружения. Ныне он ведает вопросами вооружения Красной Армии.

— Мне нужно на него досье, — сказал Гейдрих.

— О, для этого нужно письменное разрешение самого фюрера. Без его согласия ни один документ не может быть выдан из секретного архива, — заявил Канарис.

— В таком случае я обращаюсь к нему, — показал настойчивость Гейдрих.

Через несколько дней он добился приема к Гитлеру.

— Мой фюрер, у меня есть возможность обезглавить руководство русской армии.

— Каким образом? — заинтересовался Гитлер. — Докладывайте!

— Нужно сфабриковать мнимую переписку маршала Тухачевского с неким правительством, скажем, Англии, на предмет кремлевского переворота. А затем эту переписку довести до сведения Сталина. Уверен, что он предпримет к этим «заговорщикам» крайние меры. Мы постараемся включить в этот круг побольше лиц высшего ру-

ководства, «пристегнуть» к Тухачевскому наиболее влиятельных сообщников.

— А почему вы предлагаете переписку с англичанами? — возразил Гитлер. — Пусть письма будут адресованы неким немецким лицам.

Предлагая этот вариант, он хотел включить в «дело» не внушающих доверия генералов вермахта, от которых нужно было избавиться.

В беседе Гейдрих упомянул о Канарисе.

— Его к участию не привлекайте, действуйте сами. Документы получите, какие вам будут нужны.

В тот же день Гейдрих поручил одному из начальников отдела, а именно — Вильгельму Шелленбергу, подготовить справку о встречах советских военных руководителей с немецкими генералами.

В прошлом, особенно до 30-х годов между руководителями Красной Армии и германским вермахтом поддерживалось довольно тесное сотрудничество. Немецкие летчики, артиллеристы, танкисты обучались в военных училищах Советского Союза. В частности, небезызвестный Гудерман проходил учебу в Казани. Советские же командиры генерального штаба учились в Германии.

Другому офицеру, Беренсу, Гейдрих поручил разработать план «дела». И тот, не лишенный авантюризма, к назначенному сроку выполнил задание.

Глубокой ночью здание генерального штаба вдруг запылало огнем. Горела та часть здания, где на-

ходились наиболее важные службы и архив, в сейфах которого находились секретные документы.

— Никого к зданию не подпускать! — кричал примчавшийся генерал: — Ничего не выносить!

Военный чин более всего боялся, как бы из начиненного архисекретными документами здания не исчезла какая-либо бумага.

К утру с большим трудом пожарным удалось огонь усмирить. Еще тлели головешки, как в здание устремились военные во главе с генералом. Ступая по лужам, битому стеклу, они спешили к сейфам... И, о ужас! Многие сейфы были вскрыты, на полу валялись обгоревшие остатки некогда особо секретных, важных дел.

Кто мог такое сделать? Агент какого государства решился на такое? Англии, Франции, а может, Советского Союза?

А утром в кабинет Гейдриха вошел сияющий Беренс. Вскинув руку, он не сдержал улыбки.

— Экселенц, приказ выполнен!

— Знаю. Благодарю за службу. Несите сюда документы. Сколько их?

— Три портфеля... Те самые, о которых шла речь. Я сам отбирал.

Гейдрих извлекал из портфелей зеленые папки: Якир... Уборевич... Тимошенко... Эйдемман... А вот и Тухачевский! С него и начнем.

Он внимательно читал биографические сведения о маршале, его высказывания, описания встреч с

ним. Тут были и письма, адресованные в различные учреждения и вермахт. В конце многих была подпись: Тухачевский. То, что особенно нужно.

Рассматривая фотографию маршала, Гейдрих старался понять, каков этот человек, разгадать характер: спокойное лицо, крепкий подбородок, такой бывает у сильных людей, прямой, смелый взгляд. Полководец.

— А быть тебе под топором...

Пряча доставленные из архива документы, он вспомнил Канариса: «Получил щелчок, старый кот».

Теперь осталось написать письма, составить ложное досье, найти гравера, который бы с безупречным мастерством выполнил фальшивку.

Как паук, Гейдрих старательно и с крайней осторожностью плел липкую паутину, которая бы надежно оплела намеченные жертвы, исключив даже малейший промах. Все должно быть выверено, обосновано, скрыто. «О-о, это будет грандиозный удар, от которого Красная Россия не скоро оправится».

За составление писем Гейдрих усадил того же Беренса. Кроме прочих качеств, гестаповец обладал бойким пером.

— Превосходно, Беренс, — ознакомившись, одобрил старание подчиненного Гейдрих.

Из состряпанного нетрудно было заключить, что часть советских военачальников проявляет недо-

вольство к захватившему власть партийному руководству; что к их числу относится и маршал Тухачевский, поддерживающий связь с оппозиционно настроенными генералами немецкой армии; что в стране, таким образом, зреет военный заговор.

— В эту записку нужно еще внести вот эти фамилии немецких чинов. — Гейдрих протянул одобренный Гитлером список неугодных ему генералов.

А потом началась скрупулезная техническая работа. На документах нужно было проставить поддельные штампы и печати управления Канариса, так как по задуманной версии переписка и все «дело» должны проходить по ведомству войсковой разведки. Более того, нужно было подделать подписи и рукописные заметки различных лиц. Предусматривалась резолюция не только Канариса, но и самого Гитлера, которого якобы поставили в известность о криминальной переписке.

После долгих поисков разыскали искусного мастера-гравера Путциса. Узнав, что ему придется иметь дело с гестапо, тот поначалу наотрез отказался. Однако под настойчивым нажимом все-таки дал согласие, но потребовал письменное подтверждение, что сделал это по заданию гестапо и без какого-либо вознаграждения.

Еще в 1926 году, когда Тухачевский ездил в Германию для переговоров с одной германской авиационной фирмой, он подписал несколько докумен-

тов о техническом сотрудничестве. Теперь его подпись была использована при подделке документов.

Изготовленную фальшивку принесли Гейдриху. Он тщательно, с лупой в руке вглядывался в нее, сравнивал с подлинными документами. Пытался найти различие в машинописи — и не мог: шрифт берлинской машинки был идентичен с той, что находилась в Москве.

— А бумага! Это же финская! Найти русскую, с водяными знаками! И старого изготовления!

И вот, наконец, фальшивое досье находилось в папке со штампом военного министерства, с визами Канариса, Бормана, с пометками на полях должностных лиц, письмами. Тут же расписки советских военачальников в получении крупных сумм за предоставленную информацию. Всего в «деле» 15 листов документов, сработанных со старанием и мастерством. Меж строк улавливается скрытый подтекст недовольства руководством Сталина.

Гейдрих доволен. Теперь можно идти с докладом к фюреру.

И Гитлер тоже не скрыл восхищения.

— Что от меня требуется?

— Написать Канарису указание о наблюдении за нашими подозреваемыми чинами.

Гитлер молча написал на первом листе досье текст указания.

— Число поставите сами, — и оттолкнул от себя папку. — Немедля дайте делу ход.

В кабинет Сталина вошел его помощник Поскребышев.

— Звонит Литвинов. Просит принять по крайне неотложному делу.

— Пусть едет.

Литвинов появился с озабоченным видом. В руках папка.

— Товарищ Сталин, сегодня прибыл из Праги наш посол Александровский. Два дня назад он имел беседу с президентом Бенешем. Тот сообщил ему о произошедшем. — И Литвинов положил на стол папку.

Сталин читал неспеша, хмурил брови. То, что сообщал президент Чехословакии Бенеш, который два года назад подписал дружественный договор с Советским Союзом, Сталину уже было известно. Начальник Главного разведывательного управления Красной Армии комкор Урицкий неделю назад сообщил, что в Берлине ходят слухи о готовящемся в Советском Союзе военном заговоре. Уточнить источник пока не удалось.

И вот снова о том же.

— Тут посол ссылается на документальные улики. Они действительно имеются?

— Думаю, что имеются. Сотруднику нашего посольства Израйловичу удалось читать два подлинных письма Тухачевского. Его заверили, что имеется целое досье, которое намерены продать.

— Так за чем же дело?

— За ценой, товарищ Сталин. Они требуют три миллиона.

— Ну и что! Этим делом займется человек Ежова. Помогите ему.

Вечером того же дня в Чехословакию отправился с особыми полномочиями сотрудник НКВД. В Праге работник советского посольства Израилович свел его с человеком в цивильном. Тот себя не назвал. А это был господин Беренс, тот самый, что лепил фальшивку.

— Вот письмо Тухачевского... — представил он чекисту документ. — А вот это — резолюция фюрера после ознакомления с досье.

— Самого Гитлера? Что он пишет?

— Организовать слежку за немецкими генералами вермахта, — перевел Израилович.

— Вы можете представить все досье? — спросил энкаведист.

— Конечно. Если сговоримся в цене, — ответил Беренс.

— Сколько?

— Три миллиона рублей.

— Согласен. Завтра вы их получите.

Сделка состоялась.

На следующий день представитель Ежова получил фальшивое досье, а гестаповец Беренс уносил в распухшем портфеле три миллиона рублей.

М.Н. Тухачевский

1893—1937

Войдя в кабинет, Михаил Николаевич распахнул окно. Утро было по-майски ясным, солнечным, и он ощутил свежесть чуть влажноватого после дождя воздуха.

Постояв немного у окна, Тухачевский сел за стол, перекинул на календаре листок: 11 мая, вторник. Потянулся за папкой с документами, которую положил адъютант. Он всегда просматривал бумаги с утра, чтобы они не залеживались. Но тут зазвонил телефон.

— Товарищ маршал, здравствуйте. — Он узнал порученца по особым делам наркома. — Вас вызывает товарищ Ворошилов.

Нарком был явно не в духе. Не ответив на приветствие, поднялся, уперся руками об стол.

— Принято решение об освобождении вас от должности моего заместителя, — произнес он глухим голосом и бросил короткий взгляд на стоящего перед столом маршала.

Воцарилось молчание. Его нарушил Михаил Николаевич.

— Могу я узнать причину отстранения? — Голос выдавал волнение. — В чем причина?

— Решение принято правительством. Для пользы дела. — Ворошилов вертел в руках карандаш и, отведя взгляд, будто бы читал лежавший на столе документ. — Вы назначаетесь командующим Приволжским военным округом. Завершайте дела и не медля отправляйтесь в Самару. Приказ о назначении и документы вам вручат. Есть вопросы?

— Вопросов нет. — Тухачевский повернулся и решительным шагом направился к двери.

Еще несколько дней назад на совещании он заметил подозрительную настороженность к нему наркома. Тот как бы его не замечал, словно первого заместителя в зале не было. Впрочем, отношения между ними всегда были официальными, без доверительной и полезной для дела близости. Обнаруживалась как бы естественная несовместимость, не позволявшая достигнуть взаимопонимания.

Они и в самом деле были разными людьми: и по интеллекту, и по профессиональному уровню, и по характеру. Все окружающие это видели, отдавая предпочтение не наркому, а его заместителю.

Приволжский военный округ — далеко не перворядный, командовать туда посылают чаще всего для стажировки, перед назначением на крупный пост. Или проштрафившихся. Но в чем он виноват?

Тухачевский шел по длинному коридору, не замечая вокруг никого. Один полковник обратился к

нему с вопросом, но он ответил, что не может сказать ничего определенного, потому что он уже не заместитель наркома.

— Как? — воскликнул полковник, провожая маршала полным недоумения взглядом.

Михаил Николаевич опустил в кресло, осмотрел ставший сразу чужим кабинет, в котором проработал шесть лет. Какие здесь решались дела! Какие разгорались споры! И все — в интересах армии, укрепления ее мощи, боеспособности.

Да и сейчас у него непочатый край неотложных дел. Сможет ли его преемник продолжить начатое и успешно его решить? Надо позвонить Сталину. Не мог Ворошилов без санкции Сталина сместить его с должности. Сталин обязательно должен об этом знать.

Мысль о Сталине заставила вспомнить 1 мая 1937 года. Шел военный парад. Неожиданно он поймал на себе взгляд генсека. Как всегда тяжелый и холодный, на этот раз, казалось, он пронизал его насквозь, заставил насторожиться. Не подавав вида, Михаил Николаевич стал смотреть на людской поток, разлившийся на Красной площади. Однако до конца церемонии чувствовал на себе этот подозрительный взгляд.

Летом прошлого года между ним и Сталиным пролегла тень настороженности. Тогда на Военном

совете решался вопрос: послать ли в Испанию войска.

— Непременно нужно послать, — изрек генсек.

Его тут же поддержал Ворошилов. Он не имел своего мнения и всегда соглашался со Сталиным.

Но Тухачевский тогда возразил:

— Если мы пошлем в Испанию войска, мы даем полное право Германии и Италии сделать то же, и война разрастется. Наше участие в военных действиях обнажит и покажет слабости Красной Армии, а их у нас предостаточно. На испанских полях мы потеряем лучшие кадры и ослабим армию.

— Что же вы предлагаете? — не без раздражения спросил Сталин.

— Ограничиться посылкой добровольцев и боевой техники.

Большинство членов Военного совета согласились с предложением Тухачевского, а не Сталина, что покорило его самолюбие...

Рука потянулась к телефону правительственной связи.

— Тухачевский. Соедините меня с товарищем Сталиным.

— Сейчас, Михаил Николаевич, — отозвался помощник генсека Поскребышев. Он побаивался маршала. Однажды в разговоре с ним он назвал Сталина хозяином. «А мы, выходит, его холоуи?» — строго

спросил Тухачевский. И ему пришлось извиняться, а в дальнейшем проявлять осторожность.

Послышался характерный с акцентом голос:

— Слушаю.

— Товарищ Сталин, прошу вас принять меня для объяснения.

— Что случилось, товарищ Тухачевский? Вы чем то взволнованы?

«Зачем он спрашивает? Ведь все же знает!» — пронеслось в сознании маршала.

— Мне сейчас объявили приказ о новом назначении.

— Куда?

— В Самару, командующим округом.

В трубке наступило молчание.

— А вас это не устраивает? Что же вам надо, товарищ Тухачевский?

— Встретиться с вами.

— Хорошо, подъезжайте.

Сталин выслушал его. Подойдя почти вплотную, уставился в его глаза. Генсек смотрел не моргая, как бы пытаясь проникнуть в мозг маршала и узнать его мысли. Когда-то Тухачевский был по должности выше, теперь он в его, Сталина, власти и от него зависит судьба этого человека.

«Он просит защиты? Но, нет! После того, что сообщил в письме Бенеш, он пальцем не шевельнет, чтобы защитить этого молодого маршала, со-

ветского Бонапарта. От него можно ждать всего. Конечно, у него светлая голова и богатейший военный опыт, не то что у этого балабона, «первого красного офицера» Клима. Равных ему в армии нет. Но он опасен, опасен для него, Сталина», — размышлял генсек. Но сказал другое:

— Я вам верю, товарищ Тухачевский. — И неожиданно положил руку на его плечо.

Жест был проделан с такой участливостью, что дал полную уверенность в благополучном разрешении досадного недоразумения.

— Благодарю, товарищ Сталин! Спасибо.

— Не надо благодарности. Забота о человеческой судьбе есть обязанность каждого честного коммуниста. В Самаре, думаю, вы не задержитесь. Мы тут разберемся. Счастливой дороги...

Знал бы Михаил Николаевич, какие черные мысли затаил генсек!

Всего три дня назад произошла встреча Сталина с Ворошиловым, на которой решилась его судьба. Ежов только что доставил новое досье.

— Ну, Клим, ты и теперь будешь настаивать, что у тебя в армии порядок и нет предателей?

— Уверен, что таких нет.

— Но донесения оттуда утверждают обратное. По-твоему выходит, что Бенеш не прав, а ты прав. Ты пытаешься защитить Тухачевского. Говоришь, что он честный. Но мы имеем новые улики...

— Уж не те ли, что купил Ежов у немцев?

— А если и они? Улики убедительны...

— Для того, Куба, кто уже убежден. Ведь все это фотокопии. А сфабриковать их для умельца не составит никакого труда.

— Ты, Клим, защищаешь свое ведомство, а значит, и себя. А потому делай выбор: или признаешь улики, или объявляешь себя соучастником заговора...

Ворошилов молча развел руками...

В Самару Тухачевский уезжал с Ниной Евгеньевной. Дочь Светлана оставалась с бабушкой в Москве, ей предстояли годовые экзамены в школе.

Провожал их порученец Евгений Васильевич Шилов и шофер Иван Федорович Кудрявцев.

— Ну, Ваня, не поминай лихом, — обнял он на прощание шофера. — Если пришло вызов, приедешь?

— Обязательно! Столько лет вместе. — Когда-то в 1918 году он помог Михаилу Николаевичу освободиться из-под ареста, и с той поры они не расставались.

Поезд тронулся, в окнах поплыли строения вокзала. «Надолго ли из Москвы?» Сколько в его жизни было таких неожиданных назначений, сборов, переездов. И сколько еще будет?

В Самару они прибыли утром. Едва поезд подкатил к платформе, в вагоне появился командарм 2-го

ранга Дыбенко. Ему предстояло сдать командование округом Михаилу Николаевичу и выехать к новому месту службы.

— Куда предписание? — спросил тот.

— Командующим Ленинградским военным округом. — И осторожно спросил причину столь странного назначения.

— Мне самому непонятно. Но не будем об этом, Павел Ефимович. Время рассудит.

За эти дни он сильно изменился: похудел, голова засеребрилась, нервы натянуты, как струны. Но он сдерживал себя, старался быть спокойным, ровным.

26 мая проходило совещание политсостава округа. Тухачевский выступил на нем, определил, какие предстоит решать задачи в ходе летней учебы.

Его слушали внимательно. Перед собравшимися предстал высокообразованный человек, глубоко знающий теорию и практику военного дела, владеющий методикой воспитания и обучения.

— Объясните, почему вас сняли с должности заместителя наркома? — послышался из глубины зала голос. Наступила тягостная тишина. В который уже раз ему задавали этот вопрос, а ответа он так и не находил.

— Так решило правительство. Более ничего сказать не могу.

После совещания он и Дыбенко отправились в штаб. Они только приступили к деловому разгово-

ру, как в кабинет вошли трое в форме сотрудников НКВД.

— Гражданин Тухачевский, вы арестованы, — и старший в чине майора положил на стол листок. — Вот ордер на ваш арест. Пройдемте к машине.

— Павел, — обратился арестованный к Дыбенко перед тем как покинуть кабинет, — скажи Нине, чтобы она возвращалась в Москву. Помоги ей.

Дыбенко прибыл на квартиру Тухачевского бледный и взволнованный.

— Что случилось, Павел Ефимович? Где Миша?

— Нина Евгеньевна, случилось несчастье. Вернее — недоразумение: Михаила Николаевича арестовали. Вы сегодня должны вернуться в Москву. Билет доставят и вас проводят.

В тот же день она выехала в Москву. И этим же поездом в специальном вагоне под охраной везли ее мужа.

Пребывание в Самаре, действительно, было недолгим.

— Итак, гражданин Тухачевский, я — следователь Ушаков, — произнес сидевший за столом. Худое, с впалыми щеками лицо, глубоко запавшие глаза, голый череп. — Мне поручено провести следствие на предмет вашей враждебной деятельности.

— Вы несете чушь! — не сдержался Михаил Николаевич. — Так я арестован по этой причине?

— Давайте сразу условимся: вопросы буду задавать я. Вам дано право только на ответ. Итак, гражданин Тухачевский, продолжим. Чтобы не осложнять отношения, лучше будет, если вы во всем признаетесь сами.

— Я еще раз повторяю, что мне не в чем признаваться. Я честно исполнял свой воинский долг.

— Если бы... — многозначительно изрек следователь. — На вас имеется достаточно компромата. Вот заявление одного члена антисоветской организации. Оно подтверждает, что вы являетесь инициатором заговора... Вот и второе заявление...

— Написано под копирку.

— Зачем вы так? Они написаны в разное время, различными лицами... А вот любопытная информация секретаря парткома штаба Западного военного округа. Он обвинял вас в третировании коммунистов.

В памяти возникло лицо губастого партийного секретаря, бездельника и болтуна. Однажды Михаил Николаевич при всех упрекнул его в демагогии. Тот в отместку накатал в Москву донесение. На имя наркома Фрунзе.

Ознакомившись с письмом, Михаил Васильевич написал: «Партия верила тов. Тухачевскому, верит и будет верить». И вот этот «документ» приобщен теперь к делу.

— Так это же кляуза! — воскликнул подследственный. — Фрунзе не поверил, а вы пытаетесь ее использовать.

Следователь промолчал.

— Вот еще свидетельство. В нем прямо указывается, что в военных кругах готовится заговор против нашего правительства, против народа, и вы, Тухачевский, стоите во главе его.

— Я отказываюсь признать это. Все, в чем вы меня пытаетесь обвинить — ложь и клевета.

Но следователь будто не слышал, перевернул лист и продолжил читать.

Совсем не просто было опровергнуть подтверждаемую фальшивыми документами версию умельцев из НКВД.

Заплатив огромную сумму из средств своего ведомства за берлинское досье, Ежов делал все возможное, чтобы подтвердить достоверность немецкой фальшивки. На карту теперь была поставлена его, «железного наркома», карьера и жизнь. Сталин ошибок не прощал. Подручные Ежова стали спешно стряпать дело о военном заговоре.

Начали они с ареста заместителя начальника строительства столичной больницы Михаила Евгеньевича Медведева. Он был вне подозрений, но в прошлом комбриг руководил одним из управлений штаба РККА, который возглавлял Тухачевский.

Четыре года назад Медведева уволили из рядов Красной Армии.

— Арестовать, — приказал «железный нарком», когда кто-то услужливо донес, будто бы от него, Медведева, когда он еще служил в армии, слышали о каком-то заговоре. — Сейчас же арестовать!

И Медведева арестовали и начали кроить «дело».

— Когда вы слышали о заговоре? От кого?

— Кто-то мимоходом сказал, не помню уже кто. Дело-то было шесть лет назад, — признался комбриг.

Попытки навязать разработанную на Лубянке версию арестованным отвергались.

— Не церемониться! Уломать! — последовал приказ Ежова. И Медведева «уломали»: он безропотно стал подписывать все, что ему представляли.

К «делу» о заговоре подключили ранее арестованных военачальников Примакова и Путну. Оба они, герои гражданской войны, теперь в тюрьме переносили нечеловеческие мучения. Вскоре к ним присоединили и начальника главного управления кадров Красной Армии комкора Фельдмана. Не вынеся пыток, он написал письмо Ежову: «...Я готов, если это нужно для Красной Армии, выступить перед кем угодно и где угодно и рассказать все, что я знаю о военном заговоре...» Человека «сломали».

— Значит, вы отказываетесь давать показания? — со зловещим спокойствием спросил Тухачевского следователь.

— Мне не в чем признаваться. Никаких дел против народа я не вел.

— А вы подумайте. Добровольное признание смягчит вашу участь.

— Я вас не понимаю. Вы просите давать показания о делах, которые я не совершал.

— Не прошу, а требую, гражданин Тухачевский. И требую не я, а народ.

— Вы еще скажите — партия, — усмехнулся Михаил Николаевич.

— Не улыбайтесь! Именно партия требует.

— Партия не нуждается в измышлениях.

— Да, измышления ни к чему. Нужна правда, которую вы пытаетесь скрыть. Но вам это не удастся! Вы изблечены не только показаниями ваших сообщников, но и документами.

— У меня нет сообщников и нет документов.

— Хорошо. Это ваша подпись? — прикрывая текст рукой, следователь протянул переснятый на фотобумагу документ. — Нет, нет, в руки я не дам, смотрите так.

— Да, подпись моя. Но что это за документ? Ведь я подписывал тысячи.

— Потом покажем. Важно было установить подлинность вашей подписи... Так вы отказываетесь

давать показания? — Следователь нажал под столешницей кнопку.

Вошел конвоир.

— Уведите арестованного.

Его отвели в камеру, где находился стол, пришел Ушаков, принес бумагу, чернила, стал уговаривать написать признание. В полночь его сменил другой следователь и тоже, не давая спать, требовал сделать признание.

А с утра опять продолжился допрос. Но он остался безрезультатным.

— Так продолжаться не может, — не скрывал раздражения следователь, и Тухачевского увели.

На этот раз Михаила Николаевича поместили в камеру с ярко светящимися лампами, свет которых жег каждую клетку тела. Единственный табурет. Спать не разрешали.

Утром его опять вызвали к следователю. И снова он отказался признать не существовавшее.

— Ну что ж, тогда я вынужден применить к вам другие меры.

Вошли два охранника и провели его к дверям соседней комнаты. Втолкнули внутрь и тотчас захлопнули дверь. Он успел увидеть трех бравых парней. И тут же удар свалил его с ног. Потом последовал жесткий удар в лицо, пах, живот...

Он не помнил, сколько времени был без сознания.

— Смойте с лица кровь, приведите себя в порядок, — приказал один из парней, когда он открыл глаза.

— Надеюсь, теперь вы согласитесь отвечать на вопросы, — не глядя на него, сказал следователь. — Пишите, как вам удалось связаться с польским агентом Домбалем...

— Поляком Домбалем? Он же был секретарем ЦК польской компартии.

— Не секретарем, а польским шпионом. Так и пишите — польским шпионом. И все такое прочее.

Склонившись над листом бумаги, он задумался, словно собираясь с мыслями. Две капли крови скатились по рассеченной брови и упали на бумагу. Он вытер лоб платком, а капли не стал смахивать.

— Возьмите, промокните, — протянул следователь промокашку.

Повинуясь, Михаил Николаевич взял ее, но не вытер кровь, а положил под влажную ладонь.

Эти два кровавых пятна так и остались на подшитом к делу 165-м листе допроса...

А где же была прокуратура страны, это недремлющее око справедливости? Что делал главный прокурор — совесть советской государственности? Должность эту в те трудные годы исполнял небезызвестный краснобай Вышинский. Получив юридическое образование и обладая эрудицией, он использовал

их в своих личных интересах. В 1917 году, будучи председателем Якиманской районной управы Петрограда, он подписал распоряжение о розыске, аресте и придании суду как немецкого шпиона Ленина. Затем переметнулся от меньшевиков к большевикам. Был ректором Московского университета, потом стал работать в прокуратуре.

Став прокурором СССР, Вышинский в угоду сталинского произвола подменил вековые принципы законности порочной практикой насилия. Возведя критерий виновности в признании обвиняемого, он дал свободу применения к арестованным пыток и насилия.

Когда следствие по «делу» о заговоре было закончено, Вышинский пожелал с ним ознакомиться.

В присутствии Тухачевского полистал документы, сделал в тетради заметки. В заключение спросил:

— Вы признаете свою вину?

— Нет.

— Но тут же ваша подпись, удостоверяющая обратное... Я посоветовал бы вам не вступать в противоречие с теми показаниями, что давали на следствии. Признание ложных показаний лишь усугубит ваше положение. Надеюсь, жалоб нет?..

Весь разговор занял не более получаса.

И вот перед Вышинским восемь папок, восемь дел вчерашних военачальников, сегодня — врагов

народа. «Нарушений в производстве следствия не установлено. Все обвиняемые признали вину. Можно судить».

За несколько дней до суда нарком Ворошилов вызвал к себе главного военного юриста Красной Армии Ульриха.

Небольшого роста, толстенький, светловолосый человек с пухлыми щечками, он всем своим видом показывал лакейскую преданность грозному начальству.

— На вас возложена честь председательствовать на судебном заседании, судить этих мерзавцев. В качестве заседателей будут назначены лица из высшего военного руководства. Завтра они будут здесь и вы проведете с ними инструктаж: расскажите им, как и что делать, какие вопросы задавать, как себя держать.

— Слушаюсь... Так точно... Есть... — поспешно отвечал военный юрист.

Он знал, что нарком говорит с голоса Сталина, что нерешительный Ворошилов почувствовал над собой угрозу. Особенно это стало ясно после похорон Орджоникидзе. Ульрих знал, что Серго застрелился после разговора со Сталиным. Ворошилов же не хочет такой участи.

— Суд военный и потому должен быть коротким, жестким. Все решить в течение дня, — наиздал нарком. — Чтобы не было повадно другим, если такие еще появятся.

— А приведение в исполнение когда? Возможно обжалование...

— Никаких обжалований. Приведение приговора в исполнение — ночью.

— Слушаюсь.

А Михаилу Николаевичу, меж тем, вспоминалось далеко ушедшее прошлое, когда он был командующим Кавказского фронта.

В Саратов, где находился штаб Кавказского фронта, Михаил Николаевич прибыл ночью. У станционных ворот, через которые хлынула толпа приехавших, его остановил военный.

— Товарищ Тухачевский? Приказано вас сопровождать. Автомобиль на привокзальной площади.

И уже в этот день, 3 февраля 1920 года, он вместе с членом Реввоенсовета фронта Орджоникидзе и начальником штаба с головой ушли в дела предстоящей операции.

На приеме в Ставке перед отъездом из Москвы, главком Каменев его предупредил: «Главная задача вашего фронта — разгром войск Деникина. Вы, как командующий фронтом, должны сделать все возможное и даже невозможное, чтобы выполнить эту задачу. С Деникиным должно быть до лета покончено. Во что бы то ни стало его нужно разгромить».

Боевая линия Кавказского фронта на карте была обозначена красным карандашом. Она начиналась

от устья Дона, продолжалась к станицам Багаевской и Цимлянской, далее тянулась вдоль Маныча и Сала на восток, к Астрахани.

— В нашем фронте четыре полевых армии и 1-я Конная армия, — докладывал начальник штаба Пугачев прибывшим. — На правом крыле, у Ростова находится 8-я армия Сокольников, 9-я, 10-я и 11-я соответственно обороняются восточнее.

— А где Конная армия? — спросил Тухачевский.

— После неудачных боев у Батайска она сосредоточена в районе Багаевской. Приводит себя в порядок.

— Большие потери? — насторожился командующий. На 1-ю Конную армию он возлагал особые надежды. Это была та подвижная сила фронта, которая в предстоящей операции должна выполнить главную роль.

— Существенные, товарищ командующий, — ответил начальник штаба. — Но меры к ее пополнению приняты.

Орджоникидзе тактично молчал. От него не ускользнуло, что вначале в тоне начальника штаба угадывалась легкая снисходительность: ну как же, опытный полковник царской армии отчитывается перед вчерашним подпоручиком, к тому же намного моложе его! А Михаилу Николаевичу еще не исполнилось двадцати семи... Но разговор шел на равных.

Пугачев сообщил, что в настоящее время красные части потеснили деникинские войска, вышли к Манычу, а вот у Батайска потерпели неудачу. Более того, 30 января белогвардейские части сами перешли в наступление и вышли на подступы к Ростову.

Слушая доклад, Михаил Николаевич ловил себя на мысли, что прежнее командование не в полную меру оценивало силы противника, как бы занижало их, и что в действительности войска Деникина обладают боеспособностью, позволяющей не только отразить наступление красных войск, но и самим перейти в контрнаступление. И это контрнаступление, вероятно, произойдет не где-нибудь, а у Ростова, против войск 8-й армии, и что необходимо предпринять решительные меры. Но какие?

Ему представили сведения о деникинских войсках, против которых предстояло действовать. Сравнение их с силами Кавказского фронта было неутешительным: у белогвардейцев было превосходство и в пехоте, и в кавалерии. При равенстве орудий и пулеметов неприятель имел значительное количество бронепоездов, броневедомостей, самолетов. У деникинцев сильная боевая линия, значительные резервы, в том числе кавалерийские, а резервы Кавказского фронта, направленные главкомом, еще в пути, они подойдут недели через две, никак не раньше.

Из представленных разведчиками документов явствовало, что неприятель непременно предпримет наступление. И в ближайшие дни, нанеся удар по ослабленным частям 8-й армии.

— В том, что это произойдет, нет никакого сомнения, — сказал начальник штаба. — А потому предлагаю Конную армию подтянуть ближе к Ростову. В случае опасности она сможет без промедления быть в нужном месте.

Возможно, командующий и согласился бы, но у него были свои соображения по использованию Конной армии. Она — главная, решающая сила в предстоящей операции.

— Когда можно ожидать наступление противника? — спросил Тухачевский начальника штаба.

— Полагаю, не ранее 15 февраля, — ответил тот и стал перечислять обстоятельства, по которым определил срок.

— Верно говорит, — согласился Орджоникидзе.

«Конечно, это так», — соглашается и командующий, но он думает о том, что нельзя допустить, чтобы противник перешел в наступление и тем самым навязывал бы свою волю войскам Кавказского фронта. Никак этого нельзя допустить! Нужно вырвать из рук противника инициативу.

— Если Деникин начнет наступать 15 февраля, то мы должны упредить его. Перейти в наступление раньше... На сутки раньше, 14 февраля.

— До подхода наших резервов? — в голосе начальника штаба слышалось недоумение.

— Именно так. Мы нанесем удар теми войсками, какими ныне располагаем. Резервы используем по мере их прибытия, для развития успеха. И еще: до настоящего времени главный удар нацеливался на Батайск. Я предлагаю иное решение. Нужно сделать так, чтобы главный удар был для врага внезапным не только по времени, но и по месту. Мы нанесем его в полосе 10-й армии, у станицы Платовской.

— А Конная армия? Где же она будет использована? — спросил Серго.

— Конечно, на главном направлении.

— Но к 14 февраля она не сможет там быть! — поддержал сомнения Серго начальник штаба.

Михаил Николаевич небольшим циркулем стал измерять по карте маршрут, что-то подсчитал, недовольно качнул головой: Конная армия и в самом деле не успевала к 14 февраля сосредоточиться у станицы Платовской.

— Может, начать наступать позже? — предложил Серго. — А я поговорю с Москвой, попрошу поторопить подход резервов.

— Нет, нет! Всякая отсрочка нам во вред. Только 14 февраля!

— Но как же быть с Конной армией? — спросил начальник штаба. — Начинать без нее?

— Может, не стоит рисковать? — тревога передалась и Орджоникидзе.

— Без риска в нашем деле не обойтись. Тот не начальник, кто не рискует. А ответственность я готов взять на себя.

— Зачем так говоришь? Мы все будем отвечать: и ты, и он, и я, — вспыхнул Серго. — Ну ладно, ты командующий, предлагай. Мы верим тебе.

Новый план операции существенно отличался от разработанного ранее прежним командованием. Удар из района станиц Великокняжеской и Платовской приходился на наиболее слабый участок белой армии и выводил красные войска в тыл вражеской группировки, к станице Тихорецкой. По выходу к ней отрезались пути отхода деникинским войскам, они оказывались в кольце.

— Идея замысла операции на первом ее этапе заключается в разгроме противника на передовых позициях, — объяснил командующий. — Затем в прорыв должна войти Конная армия и решительным наступлением развить успех.

Начальник штаба предложил включить в главную ударную группировку, которая должна нанести неприятелю поражение, четыре дивизии.

— Четыре дивизии мало, — не согласился командующий. — Необходимо добиться решительного превосходства, и четырех дивизий недостаточно. Нужно стянуть сюда другие дивизии.

— Но мы оголим другие участки фронта. Там будут пустоты.

— Пойдем на риск.

Для главного удара удалось сосредоточить тринадцать дивизий. Такого количества сил и средств еще никогда ранее не привлекалось. Тринадцать боевых единиц, стянутых к неширокому участку, где решался исход операции.

Развивая мысль, командующий объяснял Серго и начальнику штаба:

— Дивизии первой линии должны смять противостоящие неприятельские части, пробить в их расположении брешь. Следующие за ними части расширяют участок прорыва, оттеснят силы белых к флангам, а заодно и углубятся в их расположение. А тогда уже введем в дело Конную армию. К этому времени она сумеет завершить переход и сосредоточиться в назначенном ей районе.

Рассуждения командующего были столь логично обоснованы и подтверждены расчетами, что против уже не возражал ни Орджоникидзе, ни начальник штаба, ни другие члены Реввоенсовета.

Но шла подготовка к наступлению и в штабе Деникина. Белогвардейской разведке удалось заполучить нужные сведения о частях Кавказского фронта, и специалисты скрупулезно изучали состав и состояние войск, анализировали и предугадывали

возможные действия красных. Стало известно о переброске Конной армии Буденного на восток, к станции Платовской.

— Замысел большевиков ясен, — сказал Деникин. — Они хотят ударить по нашим силам с фланга, отрезать в тылу нашу основную коммуникацию. Но вместе с тем они ослабили ростовскую группировку. Мы этим воспользуемся.

Деникин давно вынашивал план отбить у красных Ростов, овладеть этими «воротами на Кавказ», а заодно захватить и столицу Войска Донского — Новочеркасск. После того, как он свершит это, перед ним откроется путь на Москву. И Антанта, он был уверен, окажет ему необходимую помощь.

Угадывая мысли главнокомандующего, генерал штаба Раковский стал излагать план наступления на Ростов. Две сильные группировки пехоты и кавалерии одновременно должны охватить город с запада и востока и выйти в тыл ростовской группировки. Город, таким образом, окажется в кольце.

— Ну что ж, пусть будет так, — дал согласие главнокомандующий.

— Кстати, Антон Иванович, у нас есть досье на нового командующего Кавказским фронтом красных Тухачевского, он сменил Шорина.

Раковский раскрыл папку и положил на стол. Среди офицеров Добровольческого корпуса нашлись такие, кто знал подпоручика Тухачевского, учился

с ним вместе, а потом и воевал против германцев. Проворные контрразведчики сумели раздобыть его фотографию.

Деникин взял фото, всмотрелся в лицо молодого и полного уверенности человека. В прищуре глаз, решительном подбородке с ямочкой он угадал человека с сильной волей.

— У Тухачевского был чин гвардейского подпоручика, — пояснил штабник.

— Даже не поручика... Всего лишь взводный.

— Лет ему двадцать шесть. Кончил кадетский корпус и военное училище. Родом из дворян, начитан, весьма храбр. Участвовал в войне, удостоился шести орденов.

— Шести? Вы не ошиблись? — сообщение вызвало у него чувство уважения к противнику. Но он тут же отверг это чувство: отвага офицера отнюдь не равнозначна мудрости полководца. — Ну что ж, посмотрим, каков из него командующий. — Деникин отодвинул от себя папку-досье.

14 февраля войска Кавказского фронта перешли в наступление. И хотя в штабе Деникина ожидали от красных активных действий, но такой удар был для них полной неожиданностью, к тому же раньше намеченного срока. В наступление перешли сразу три армии: 8-я, 9-я и 10-я. Первые две атаковали белогвардейцев у Ростова, однако их удары были

отражены, а в отдельных местах даже заставили красных отступить. Но зато успех выпал на долю 10-й армии, где наносился главный удар. Преодолев по льду Маныч, красные войска после упорных боев ворвались во вражеское расположение.

Находясь в отдалении от войск, Тухачевский переживал за исход сражения. Это была его первая фронтовая операция... Нет, на Восточном фронте, где он командовал 1-й, а потом 5-й армиями, он проводил операции и не без успеха. Даже не очень дружелюбный Сталин назвал его завоевателем Сибири и победителем Колчака. Но там были армейские операции, а здесь фронтовая, в ней участвуют целых пять армий. В его подчинении находились 22 стрелковых и 7 кавалерийских дивизий, да, кроме того, еще конный и экспедиционный корпуса, действовавшие в Прикаспии.

Почти все время он проводил у карты, на узле связи, получая от войск донесения и тут же передавая свои распоряжения. Однако связь работала плохо, несмотря на все старания телеграфистов.

Вглядываясь в выведенные на карте значки и линии, он видел не только штабы армий и корпусов, их начальников, но и лихих конников, трудяг-пехотинцев, неторопливых расчетливых артиллеристов. Видел боевые колонны и цепи, предугадывал действия сторон, развернувшееся сражение на огромном, почти восьмисотверстном пространстве...

Конная армия вошла в прорыв с опозданием. Находившаяся впереди 4-я кавалерийская дивизия Городовикова пошла не на запад, к станции Мечетинской, как было определено планом и приказом, а повернула на юг, к Торговой (ныне Сальск). Там вели бой стрелковые дивизии 10-й армии. Поддержанные конниками, 16 февраля они овладели этим важным пунктом. Туда же направились и главные силы Конной армии. А между тем их ждали у Мечетинской. Там вели неравный бой с превосходящими силами врага стрелковые полки 28-й дивизии Азина и кавалеристы Кавказской дивизии легендарного Гая. Эти дивизии приняли на себя удар белогвардейских конников генерала Павлова. Часть их сил схватилась с кавказцами, а остальные обошли фланги пехотинцев и зашли в тыл. Азин находился в боевой цепи.

— Отходите, товарищ командир! Мы тут без вас! — требовали красноармейцы. — Мы прикроем! Отходите, пока не поздно!..

Азину с ординарцем и двумя красноармейцами из охраны удалось вырваться из кольца. За ними пустились в погоню. Почти полторы версты продолжалось преследование. И тут случилось непредвиденное: лопнула седельная подпруга, Азин оказался на земле.

Под усиленной охраной Азина доставили в Тихорецкую.

— Кто вы? — спросил его полковник. Допрашиваемый молчал. — Не желаете отвечать? Но нам известно, кто вы. — Полковник положил на стол отобранные у командира именные часы и документы. — Вы — Азин. Нам известно, что вы — казак, уроженец Ростова. Не так ли? Мы предлагаем вам службу у нас. Этим вы спасете себя.

— Условия неприемлемы. Я — коммунист, к тому же не казак, а латыш. А коммунистов и латышей в плен вы не берете. Так что расстреливайте...

Сообщение о разгроме 28-й дивизии и Кавказской дивизии Гая поступило в штаб фронта с опозданием. Читая телеграмму, Михаил Николаевич испытывал щемящее чувство горькой утраты. Начдива Азина он знал по Восточному фронту как бесстрашного командира, до конца преданного делу партии. А лихого Гая он обожал, как брата.

Однако, несмотря на потери, 1-я Конная и 10-я армии продвигались вперед. Создались благоприятные условия для развития наступления на Тихорецкую. Замысел намеченной операции, в целом, претворялся. Все развивалось так, как предвидел командующий.

— Только вперед! — требовал он от войск. Он понимал, что всякое промедление непременно повлечет серьезные последствия. — Главный удар на Тихорецкую!

Деникин видел нависшую над ним смертельную угрозу. Но он не был бы Деникиным, если б поддался панике.

— Посмотрим, как красные запляшут, когда мы ударим по Ростову, — и приказал овладеть городом.

Этот план готовился еще раньше, и только неожиданный переход в наступление красных частей спутал карты белогвардейского командования.

В ночь на 20 февраля белогвардейские силы незаметно переправились через Дон и на рассвете атаковали части 8-й армии. Отбросив их за Мертвый Донец, к Семерникам, неприятель вышел к предместью Ростова. Одновременно его коннице удалось прорваться к станице Александровке, занять Большелогскую. У Ростова закипело горячее сражение. Бой шел с переменным успехом. Вскоре противник атаковал части соседней, 9-й армии, его конница прорвалась к Багаевской.

Брошенный туда корпус Думенко успеха не принес. Понеся потери, красные конники отступили.

Положение на правом крыле Кавказского фронта было критическим, и Реввоенсовет Республики принял решение об усилении 8-й армии силами Юго-Западного фронта. Немедля Ленин направил члену РВС этого фронта Сталину телеграмму:

«Положение на Кавказском фронте приобретает все более серьезный характер. По сегодняшней об-

становке не исключена возможность потери Ростова и Новочеркасска, а также попытка противника развить успех далее на север с угрозой Донецкому району. Примите исключительные меры для ускорения перевозок 42-й и латышской дивизий и по усилению их боеспособности. Рассчитываю, что, оценивая общую обстановку, вы разовьете всю вашу энергию и достигнете серьезных результатов».

Обстановка у Ростова и сам характер телеграммы настоятельно требовали незамедлительного исполнения ленинского распоряжения. Однако ответ Сталина был не таков.

«Мне не ясно, почему забота о Кавфронте ложится прежде всего на меня, — писал он. — Забота об укреплении Кавфронта лежит всецело на Реввоенсовете Республики, члены которого, по моим сведениям, вполне здоровы, а не на Сталине, который и так перегружен работой».

Ленин тотчас дал Сталину ответ:

«На вас ложится забота об ускорении подхода подкреплений с Юго-Западного фронта на Кавфронт. Надо вообще помогать всячески, а не препираться о ведомственных компетенциях».

Ленинские телеграммы возымели действие: к Ростову стали стягиваться войска не только двух фронтов — Кавказского и Юго-Западного, но и резервы главкома. Но чтобы ввести их в бой, требовалось время; белогвардейские же войска продолжа-

ли нескончаемые атаки. 21 февраля бои перенеслись в город. Особенно упорными они были в Нахичевани, где оборонялась 16-я дивизия. Кипел бой и в Новочеркасске.

Вечером главком Республики Каменев вызвал Тухачевского к прямому проводу.

— Обстановка под Ростовом и Новочеркасском достаточно катастрофична, — начал он, и Михаил Николаевич почувствовал недовольный тон строгого начальника. Представил его не улыбочливое лицо, пронизательный взгляд. — Какие меры вы приняли, чтобы помочь 8-й армии?.. Как идет сосредоточение 42-й дивизии, что уже прибыло из этой дивизии? — допытывался он.

Пристроившись с картой у стола телеграфиста, Тухачевский называл дивизии, места их нахождения, доложил, как использовались поступившие в его распоряжение резервные части. Сообщил, что из 42-й дивизии сосредоточились три полка, которые находятся у Матвеева Кургана, что к опасному участку срочно подтягиваются и другие силы, назвал какие, упомянув в их числе и три пехотных полка Буденного, находившиеся в Синявке. Заверил, что все эти части могут оказать быструю помощь.

Наступила пауза: главком оценивал ответ. Сухо, вхолостую трещал телеграф, ползла чистая лента. Наконец, на ней обозначился текст:

— Я просто не могу понять, как вы могли перейти в наступление 14 февраля, если у вас фактически на этом фронте сосредоточились только две дивизии?

В вопросе не трудно было угадать если не раздражение, то решительное несогласие с принятым им, Тухачевским, решением. Стараясь не поддаваться чувствам, Михаил Николаевич отвечал:

— Относительно перехода в наступление — прежде всего, оно было необходимо, чтобы расстроить готовившегося к наступлению пополнившего противника... Если бы мы остались пассивны, то давно были бы уже за Донцом. Пополнения от мобилизации могли поступить только через полтора месяца, к тому же сроку могли лишь подтянуться перебрасываемые вами дивизии. Такого времени противник, приведший свои части в порядок, нам бы не дал... Считаю, что наступление не исключает возможности ввести со временем решающие силы подходящих резервов.

Он сделал паузу, и телеграфист, словно поторапливая, посмотрел на него.

— Подождите, — произнес Михаил Николаевич, осмысливая заключение ответа. Он догадывался, что главком не одобряет отход частей фронта, да и он, как командующий, осознает свою вину за это, но ведь на войне случается всякое и отход отнюдь не запрещенный маневр, он присущ современной войне, а потому и вполне допустим.

— Продолжайте, — сказал он телеграфисту и стал докладывать: — Кроме этих соображений, я считаю наше дело вовсе не проигранным, и если бы вместо Ростова и Новочеркаска стояли деревни, вас бы не беспокоил этот участок.

Видимо, главком принял доводы командующего, понял допустимость отдельных неудач в проводимой большой фронтовой операции.

— Считаю, что и без предварительных разговоров со мной вы вправе были это сделать, — ответил главком после некоторой паузы. — Теперь может идти речь лишь о том, насколько правильно вами была оценена обстановка. Больше вопросов не имею. Всего хорошего.

В ответе главкома угадывалось согласие с тем, как поступил командующий фронтом.

Тухачевский вытер со лба пот, сдерживая волнение, аккуратно сложил карту.

А в штабе Деникина ликовали:

— Красные завладели Тихорецкой, а мы Ростовом и Новочеркасском. Поглядим, что они будут делать, когда мы двинемся на Москву.

Тухачевский понимал всю сложность обстановки. Но потеря Ростова и Новочеркаска не поколебала его решимости продолжать намеченную операцию. Не отказываясь от развития успеха 10-й и Конной армий, он приказал командарму 8-й армии

Сокольникову совместными усилиями его войск и частями Юго-Западного фронта выбить врага из Ростова, отбросить за Дон. Конной армии Буденного и 10-й продолжать наступать.

С утра 23 февраля части Соколькова перешли в наступление, к исходу того же дня они выбили из города врага. Над Ростовом снова взвилось красное знамя. А вскоре пал и Батайск. Началось преследование отходивших к Кубани деникинцев.

Конная армия получила в эти дни передышку. Ее дивизии сосредоточились в районе Егорлыкской. Тогда-то Ворошилов и Буденный решили побывать в Ростове, в штабе Кавказского фронта, представиться командующему и члену Реввоенсовета Орджоникидзе. Выехали они на отбитом у белогвардейцев бронепоезде, к утру подкатили к Батайску.

Неподалеку от станционного здания стояло несколько пассажирских вагонов, маячили часовые.

— Чьи вагоны? — поинтересовался начальник бронепоезда у красноармейца.

— Комфронтом и члена РВС, — ответил тот.

Михаил Николаевич вышел в тамбур и увидел двух военных. Туго обтянутые ремнями полушубки, оба в валенках. Передний, усач, козырнув, представился: «Буденный».

— Ворошилов, — назвал себя второй.

Неожиданное появление Буденного и Ворошилова в Батайске, когда армия находится далеко от него, насторожило Тухачевского. Ему вдруг вспомнились события 17 февраля, гибель Азина, разгром 28-й дивизии и жестокое поражение 2-й, кавалерийской дивизии Гая.

— Почему, товарищ Буденный, вы не выполнили мое распоряжение? Я требовал наступать Конной армии в направлении станицы Мечетинской, а вы повели ее в район Торговой? — Он произнес это сдержанно-спокойно.

Требовательный к себе, Тухачевские умел строго спросить с подчиненных начальников, и даже с тех, кто был в больших чинах.

Буденный стал объяснять, что полки были утомлены переходом, что выпал глубокий снег и стояли морозы, и что движение к Мечетинской при сложившейся обстановке было не целесообразным.

Тухачевский, терпеливо выслушав, спросил:

— Вам известно, к чему привело невыполнение вами боевого приказа?

Конечно же, командарм знал о разгроме павловцами дивизий Азина и Гая. Ему также было известно, что там пострадал и конно-сводный корпус Думенко.

— Решение на разгром Донского и Кубанского корпусов белых принималось совместно с командованием 10-й армии, — объясняя, сказал командарм.

— Но это решение не совпадало с замыслом операции, не способствовало быстрейшему выходу кавалерийских дивизий на пути отхода белогвардейских дивизий, — отметил Тухачевский. — Почему вас не оказалось у Мечетинской?

Неподалеку с тяжелым перестуком прогромыхал бронепоезд первоконников. В амбразурах торчали тупорылые «максимы», на бронеплощадке у орудия стояла артиллерийская прислуга.

— А почему вы здесь? Ведь я вас не вызывал, — спросил Тухачевский.

— Мы ехали в Ростов...

— Почему без разрешения оставили армию?

Неслышно войдя в салон, у двери стоял Орджоникидзе. Он сразу понял, что здесь происходит.

— Зачем, Михаил Николаевич, придираешься? Ведь противник разбит. Разбит усилиями Конармии... А ты говоришь... Даже Екатерина Вторая сказала, что победителей не судят... Будем знакомы — Орджоникидзе, — Григорий Константинович протянул Буденному руку.

Эта встреча состоялась 13 марта, а на следующий день Михаил Николаевич вместе с Орджоникидзе был в частях Конной армии, проводил смотр. Перед отъездом Тухачевский примирительно сказал Буденному:

— За вчерашнее, командарм, не сердитесь. Мне положено строго спрашивать за организованность.

Без дисциплины — нет армии. Вы с Ворошиловым это знаете.

В конце марта штаб Кавказского фронта вновь переместился в Ростов, заняв пятиэтажную гостиницу «Палас-отель» на широком Таганрогском проспекте.

Придя однажды в свой кабинет, находившийся на втором этаже, Михаил Николаевич увидел на столе две аккуратно перевязанные стопки книжек.

— Что это? — спросил он адъютанта.

— Принесли из типографии, — ответил тот. — Ваша работа. А сдавал ее в печать товарищ Орджоникидзе.

Михаил Николаевич вытащил из пачки книжку и прочитал на обложке свою фамилию, заголовок, набранный крупным шрифтом: «Стратегия национальная и классовая». Внизу — Ростов-на-Дону, 1920 год. Он с благоговением держал свой первый печатный труд... Пройдет несколько лет и будут напечатаны многие его работы, журнальные статьи, книги. Но эта первая книжечка в скромной обложке будет для него самой дорогой.

Первый экземпляр он в тот же день направил в Москву, Владимиру Ильичу. Позже станет известно, что Ленин, прочитав работу, отзовется о ней положительно и, сделав на обложке надпись «Экз. Ленина», будет хранить в личной библиотеке. Вторым экземпляром автор вручит Серго.

А 7 апреля на Таганрогском проспекте в театральном помещении города Ростова произошло первое заседание городского совета. Открыл его Тухачевский. Он окинул взглядом притихший зал.

— Дорогие товарищи славного города Ростова! Дорогие нахичеванцы! От имени героической Красной Армии поздравляю вас с освобождением и установлением на всей донской земле Советской власти. В жестоких зимних боях, преодолевая яростное сопротивление врага и проявляя решимость и храбрость, красные бойцы освободили многие города. В их числе Ейск, Армавир, Минводы, Георгиевск, Ставрополь, Екатеринодар. Выйдя к Новоросийску и Туапсе, красные воины столкнули в холодные воды Черного моря остатки деникинских войск. Только благодаря героизму, мужеству красных бойцов нам удалось добиться такой великой победы. На ваши плечи, дорогие ростовчане, легла нелегкая ноша. После свершения Октябрьской революции рабочие города два года выдерживали невыносимый гнет буржуазии, гнет Добровольческой армии. И все это время мы вели на фронте жестокие бои за ваше освобождение...

Он говорил взволнованно, убедительно, звонко, и когда закончил, зал долго аплодировал. Потом председатель Донревкома Вегер от имени трудящихся Дона вручил Тухачевскому полевой бинокль.

— Пусть он послужит вам в грядущих боях.. Война-то ведь еще не кончилась. Пусть бинокль напоминает вам о Ростове, люди которого благодарны вам за ваши боевые успехи.

Председатель был близок к истине. Незадолго до того, в конце марта, Каменев направил Ленину письмо, в котором говорилось: «Ввиду важности польского фронта и ввиду серьезных предстоящих здесь операций, главнокомандование предлагает к моменту решительных операций переместить на Западный фронт командуящего ныне Кавказским фронтом Тухачевского, умело и решительно проведенного последние операции по разгрому армий Деникина».

Владимир Ильич не стал возражать. Судьба молодого командуящего определилась.

В апреле Михаил Николаевич уезжал из Ростова. В сопровождении адъютанта и военного коменданта станции он поднялся в вагон. Рядом прогромыхал тяжелый состав. На платформах — орудия, передки, бронеавтомобили, повозки. У распахнутых дверей теплушек теснились красноармейцы, виднелись конские головы, дымилась полевая кухня. Поезд следовал с юга.

— Эшелоны Первой Конной идут, — пояснил комендант.

— Их пропускайте без задержки. — Михаил Николаевич знал, что железнодорожные составы

идут из Майкопа на Украину, вдогонку ушедшей туда Конной армии.

Сам же он ехал в Москву. На днях прислали вызов, дав на сборы трое суток. Он догадывался о новом назначении, хотя и не знал, какая должность ожидает.

Паровоз дал гудок, состав дрогнул, вагоны медленно покатались. В окне показались дома на крутояре с широкой на склоне улицей, проплыла базарная площадь с рядами лавок и навесов, церковь с зеленой крышей. Ничто уже не напоминало о недавних жестоких боях. Остро кольнула мысль: «Придется ли еще здесь побывать?» После всего произошедшего город был дорог Михаилу Николаевичу. Но грусть прощания оттеснило сознание того, что Ростовский узел разрублен, с Деникиным покончено, в донском крае утвердилась советская власть. Навсегда.

В девять часов утра 11 июня председательствующий Ульрих объявил о начале заседания Специального присутствия Верховного суда СССР.

Военный юрист Ульрих обратил на себя внимание немногих присутствующих и прежде всего сидящих за барьером на скамье подсудимых. Их было восемь.

Михаил Николаевич Тухачевский, 1893 года рождения, Маршал Советского Союза, командую-

щий армиями и фронтами в годы гражданской войны, награжден орденами Ленина и Красного Знамени, кандидат в члены ЦК ВКП(б), член ЦИК СССР, первый заместитель наркома обороны СССР, а с 11 мая 1937 года — командующий войсками Приволжского военного округа.

Иона Эммануилович Якир, командарм 1-го ранга, 1896 года рождения, награжден тремя орденами Красного Знамени, член ЦК ВКП(б) и ЦИК СССР, командующий войсками Киевского военного округа.

Иероним Петрович Уборевич, командарм 1-го ранга, 1896 года рождения, награжден тремя орденами Красного Знамени, кандидат в члены ЦК ВКП(б) и ЦИК СССР, командующий войсками Белорусского военного округа.

Август Иванович Корк, командарм 2-го ранга, 1887 года рождения, награжден двумя орденами Красного Знамени, член ЦИК СССР, начальник Военной академии имени М.В. Фрунзе.

Роберт Петрович Эйдеман, комкор, 1895 года рождения, награжден двумя орденами Красного Знамени и орденом Красной Звезды, член ЦИК СССР, председатель Центрального Совета Осоавиахима СССР.

Виталий Маркович Примаков, комкор, родился в 1897 году, награжден орденом Ленина и тремя орденами Красного Знамени, член ЦИК СССР, за-

меститель командующего войсками Ленинградского военного округа.

Витовт Казимирович Путна, комкор, 1893 года рождения, награжден тремя орденами Красного Знамени, военный атташе в Великобритании.

Борис Миронович Фельдман, комкор, 1890 года рождения, начальник Главного управления Красной Армии.

Небольшой зал почти пуст. Заседание закрытое.

За широким судейским столом, покрытым красным сукном, расположились по обе стороны от Ульриха заседатели. Все начальники высокого ранга, субординация соблюдена: маршалы Советского Союза Буденный и Блюхер, командарм 1-го ранга начальник Генерального штаба Шапошников, заместитель наркома обороны, начальник Военно-Воздушных Сил РККА, командарм 2-го ранга Алкснис, командующие войсками военных округов: Белорусского — командарм 1-го ранга Белов, Ленинградского — командарм 2-го ранга Дыбенко, Северо-Кавказского — командарм 2-го ранга Каширин. Здесь же и командир 6-го кавалерийского казачьего корпуса имени Сталина комдив Горячев. Все они при орденах, в отличие от сидящих за барьером подсудимых, с гимнастеров которых ордена давно сняты.

Восемь заседателей были определены Ворошиловым. Прежде чем утвердить их для этого поруче-

ния, он представил список Сталину. Тот пробежал глазами текст и сказал:

— Люди вашего ведомства, вы и решайте.

Назвав сидящих на скамье подсудимых, Ульрих огласил:

— Все указанные лица привлечены по обвинению в преступлениях, предусмотренных статьями 58-один-Б, 58-восемь, 58-одиннадцать Уголовного кодекса РСФСР. Следственными материалами установлено участие обвиняемых, а также покончившего жизнь самоубийством Я.Б. Гамарника в антигосударственных связях с руководящими военными кругами одного из иностранных государств, ведущего недружелюбную политику в отношении СССР. Находясь на службе у военной разведки этого государства, обвиняемые систематически доставляли им шпионские сведения, совершали вредительские акты в целях подрыва мощи Рабоче-крестьянской Красной Армии, готовили на случай военного нападения на СССР поражение Красной Армии и содействовали расчленению Советского Союза и восстановлению в СССР власти помещиков и капиталистов.

Ульрих читал сухо, беспристрастно, как и подобает судье, творящему справедливое дело. Однако он умело, словно артист перед микрофоном, придает то усилением голоса, то едва заметной паузой и скороговоркой нужный оттенок.

Михаил Николаевич слушал его, и в нем все более и более нарастало возмущение, неприятие всей этой лжи. И тут же вспоминались просьбы следователей и прежде всего Ушакова молчать, признавать все ради снисхождения суда и конечного искупления. «Своим отказом от показаний следствия вы только усугубите положение, — наставлял его Ушаков. — Кайтесь и просите прощение».

«Молчать? Смириться с ложью?» Нет, это не в его правилах. Он откажется от всех показаний, отвергнет наговор и от себя, и от всех, сидящих рядом на скамье.

— Подсудимый Тухачевский! — вдруг слышит он голос Ульриха, уверенный, даже торжествующий. — Признаете ли вы свою вину?

Он встает, видит, как напряжены сидящие в зале следователи и в том числе Ушаков.

И взоры сидящих за столом членов Присутствия — вчерашних его боевых сподвижников — Буденного и Блюхера, Белова и Дыбенко, Шапошникова и Алксниса, Каширина и Горячева — устремлены на него. Они ждут: признает он обвинение или отвергнет? Многие, если не все, не верят тому, что огласил председательствующий. Не верят, но боятся не только в том признаться, но даже думать об этом: сразу угодишь в пособники врага, а то и соучастники.

— Все, что зачитано — ложь, — слышатся в наступившей тишине слова Тухачевского.

— Михаил! Что ты? — воскликнул Уборевич.

И сидящие на скамье подсудимых приходят в движение. Застывают от неожиданности следователи.

Заявление, однако, не обескураживает Ульриха. На его лице проскальзывает что-то вроде усмешки.

— Но ведь вы сами дали показания! Вот они. — Ульрих поднимает со стола серенькую папку. — С ваших слов записано. Везде ваша подпись.

— Все это вырвано силой.

— Уж не заявляете ли вы, что к вам применяли недозволенные приемы, пытки?

— Михаил, прекрати! — дернул его за гимнастерку Якир.

Михаил Николаевич медлит с ответом: он как бы оценивает ситуацию.

— Подсудимый Тухачевский! Я к вам обращаюсь: признаете ли вы свою вину?

— Признаю, — говорит он глухим, чужим голосом. И видит, как меняется в лице Ушаков, откидываясь на спинку кресла...

— Признаю, — отвечает Якир.

— Признаю... Признаю... Признаю...

Тухачевского обвинили в шпионской деятельности сразу на два государства. В архиве нашли документы, связанные с его поездкой в 1931 году в Германию под фамилией Тургуева. Тогда же пустили слух, что этот генерал Тургуев — шпион. Об этом

донесли начальнику НКВД Ягоде. Тот прочитал шифровку, усмехнулся: «Это несерьезно. Сдайте в архив». Теперь этот документ извлекли из архива и обвинили Тухачевского в том, что он вел тайные переговоры с немцами.

Появилось еще одно обвинение: в 1925 году он, Тухачевский, встречался с польским шпионом Домбалем, передавал ему секретные сведения.

— Состоялась ли у вас с ним встреча? — спросил Ульрих.

— Да, состоялась, но только с Домбалем — главой Центрального Комитета Компартии Польши.

— Вы подтверждаете показания, которые давали на допросе в НКВД?

— Подтверждаю.

— Там же ясно указано, что Домбаль — польский шпион. Так, с этим все ясно. Теперь, подсудимый, ответьте на такой вопрос, — продолжал Ульрих. — Был ли у вас сговор по поводу отстранения Ворошилова от руководства Красной Армией?

Заседатели за столом насторожились. Многие считали назначение Ворошилова на пост наркома Оборона случайным. В военных делах разбирается с трудом, и слава первого полководца не что иное, как мыльный пузырь.

— Сговора не было, но военные руководители не желали мириться с его некомпетентностью в делах.

— Суд не интересуют качества, которыми вы наделяете товарища Ворошилова. Отвечайте: был ли у вас сговор против наркома?

— Сговора не было, высказывалось недовольство его руководством.

— А вот Уборевич говорил, что он намеревался поставить в правительстве вопрос о Ворошилове, а вы с Гамарником должны были на него нападать. И Гамарник должен был крепко ударить. Не так ли?

— Да, такой разговор был.

— Это не разговор, а сговор, а точнее — заговор, — подытожил Ульрих. — Только так, и не иначе можно квалифицировать ваши действия. Теперь, подсудимый, ответьте: разделяли ли вы взгляды лидеров троцкизма, правых оппортунистов, их платформу?

После недавних побоев у него часто болела голова. Неожиданно кровь прилила к затылку, он чувствовал, как она пульсировала, стучала в висках. Он слышал вопрос, но не мог ответить.

— Вы слышите, подсудимый? — напомнил о себе Ульрих, переложив на столе какую-то бумажку.

— Да, — ответил он, вцепившись в перила барьера. Собрав волю, продолжил: — Я всегда был против Троцкого. И на всех дискуссиях выступал против правых. Я вступил в партию в трудное для Республики время, был предан делу и до конца дней моих останусь таким же.

Взглянув в сторону Шапошникова, председательствующий сказал:

— Вы хотели что-то спросить? Пожалуйста.

Высокий, интеллигентного вида начальник Генерального штаба откашлялся.

— Скажите, то... то есть, подсудимый, вас обвиняют в деяниях по ослаблению мощи Красной Армии. Об этом имеется запись в следственном деле. В чем это выразилось?

Уж кто-кто, а Шапошников не мог не знать о лживости этого обвинения. Вместе с Тухачевским они разрабатывали многие дела, обсуждали и писали в правительство предложения, многие из которых или отклонялись, или оставались без ответов.

Подсудимый хотел было ответить на вопрос вопросом: «Неужели вы этому верите?», но воздержался. Он вспомнил, что такой же вопрос задавал ему и следователь и сам тогда же записал ответ в столь утвердительной форме, что Михаил Николаевич возразил и подписал страницу после долгих уговоров.

— Наша армия в своем развитии отстала от армий многих стран Европы и прежде всего от германской: замедленные темпы строительства военных объектов, медленно шло формирование воздушно-десантных частей, механизированных и танковых соединений, воздушных сил. Было немало упущений в боевой подготовке войск. Происходили они по

ряду причин, и я, как заместитель наркома, не снимаю с себя вины за эти промахи.

Командарм Шапошников склонил голову, как бы удовлетворенный ответом.

И опять Ульрих, заглянув в лежащий перед ним лист, спросил:

— Подсудимый, как можно расценить настойчивое отстаивание концепции ускоренного формирования танковых соединений за счет сокращения численности и расходов на кавалерию?

При упоминании о кавалерии Буденный насто-рожился.

— Оно вполне объяснимо и закономерно, — начал Михаил Николаевич. — Будущая война будет войной моторов...

— Вы не читайте нам лекций, — прервал его Ульрих. — Отвечайте на поставленный вопрос.

Его дополнил Буденный:

— Пусть скажет, как он оценивает роль конницы в будущей войне? Как он оценивает Конную Армию?

Маршал говорил запальчиво, с нескрываемой обидой, как бы мстя за прошлое. А в прошлом они не раз конфликтовали по оценке участия конных соединений в будущей войне. Здесь у них взгляды были диаметрально противоположные. Ворошилов и Буденный делали высокую ставку на участие конницы, он же, Тухачевский, утверждал, что конни-

ца утратила свое значение и будущее за танками, самолетами, бронетехникой.

— Отвечайте на вопрос члена Присутствия, — потребовал председательствующий.

— В гражданской войне роль Конной армии трудно переоценить. Во многих сражениях она была мощной и решающей силой в достижении победных результатов. Однако в настоящее время кавалерия, убежден, отошла на второй план. При насыщенности войск огнем, кавалерия более других родов войск подвержена поражению. Нужно делать ставку на танки, бронетехнику...

— Ну вот, видите! Так может говорить только враг народа! — воскликнул Буденный. — И он руководил нашей Красной Армией!

— Все ясно, — произнес Ульрих. — К подсудимому Тухачевскому вопросов пока нет. Можете садиться.

Искушенный в судебных делах, Ульрих вел заседание уверенно, ловко отсекая то лишнее, что мешало или уводило от намеченного плана. Исход процесса ему давно был известен. Решение было predetermined еще тогда, когда его после наркома вызвал генсек. Тот не стал интересоваться ходом следствия и степенью виновности каждого. Сказал коротко и ясно: «Судить мерзавцев так, чтобы неповадно было другим». Этим было все сказано. Ульрих не посмел даже уточнять.

Весь этот суд с допросами, ссылками на документы, вопросами заседателей, или как их назвали, членами Присутствия и прочими правилами процессуального кодекса — есть ничто иное как умело инсценированный спектакль без свидетелей, защитников, без права на помилование. Правда, есть секретарь, но он знает, что писать в протоколе, а что пропустить.

Но сознавая, что процесс — спектакль, все играют в нем на полном серьезе. Понимали это и сидящие за барьером люди. И, понимая, вынуждены были в нем участвовать, надеясь на благополучный исход.

Подошло время обеда, был объявлен перерыв, и подсудимых под охраной провели в специальное помещение, подали в металлических мисках похлебку, кашу. И вчерашнему, разжалованному маршалу досталась алюминиевая ложка с перекрученным черенком и выцарапанной фамилией неизвестного владельца.

Потом их отвели в комнату ожидания, и здесь к ним поспешили следователи. Возле Тухачевского оказался Ушаков.

— Михаил Николаевич, вы держали себя достойно, только не возражайте, если опять будут спрашивать. И в своем последнем слове просите о снисхождении. Это поможет.

И опять зал, скамья за барьером.

— Встать! Суд идет!

Заседатели, словно спохватившись, вдруг стали задавать, порой невпопад, вопросы, недвусмысленно обвинять всех во враждебной деятельности.

Глядя на вчерашних соратников, Михаил Николаевич с трудом скрывал удивление: «Что с ними? Неужели они не понимают, что все это — грандиозный спектакль, не понятно кем и для кого устроенный». Допрос, однако, продолжался.

И вот, наконец, он закончился. Суд определил истину и степень вины каждого. Да вины ли?

— Подсудимый Тухачевский. — обращается Ульрих, — вам предоставляется последнее слово.

Михаил Николаевич готовился к нему, наметил даже, что сказать, но едва он встал, как боль снова охватила голову железным обручем. «Чертова боль!.. Вот она отходит... отпускает... Только бы не началась снова...»

— Председательствующий, члены Присутствия, боевые мои сподвижники... Обращаясь к вам, я честно заявляю, что у меня была горячая любовь к Красной Армии, горячая любовь к Отечеству, которое защищал с гражданской войны. И потом, на каких должностях бы я не находился, старался честно и достойно защищать интересы страны и интересы родной армии. Что касается встреч, бесед с представителями различных стран, и в том числе немецкого генерального штаба, их военного атта-

шата в Советском Союзе, то они, действительно, были, но носили официальный характер, происходили на маневрах, приемах. Немцам показывалась наша военная техника, они имели возможность наблюдать за изменениями, происходящими в организации войск, их оснащении. Впрочем, такую возможность имели и мы и поступали точно так же. Но все это было до прихода Гитлера к власти, когда наши отношения с Германией резко изменились.

Его выступление находящиеся в зале воспринимали по-разному. Ульрих чертил что-то с отсутствующим видом на бумаге. На лицах многих заседателей застыла напряженность. Затаилась усмешка на губах Буденного. Строчил в тетради секретарь, пытаясь уловить последнюю мысль подсудимого, его последние слова. Впрочем, все равно потом его записи проверят и отредактируют... Ушаков слушал, нервно покусывая губы.

— Конечно, в моей работе были ошибки, недостатки, большие и малые, не признать их нельзя. И я признаю за это вину. Но никак не могу согласиться с тем, что они сделаны умышленно, что причислило бы меня к шпионам, предателям, врагам народа. Пусть люди знают, что я честно жил и честным приму каким бы оно ни было обвинение настоящего суда.

Он сел, чувствуя в теле такую слабость, словно сбросил с плеч стопудовый груз.

И выступления остальных были короткими. Даже Эйдеман, признанный поэт и умница, который часами мог декламировать с легким латышским акцентом свои стихи, на этот раз оказался косноязычным и сдержанным.

— Прошу сохранить жизнь.

Стрелки часов показывали 23 часа 36 минут, когда Ульрих закончил читать приговор.

— Приговор окончательный и обжалованию не подлежит, — висело в мертвой тишине пустого зала.

Было слышно, как Ульрих захлопнул папку, кто-то из сидевших за длинным столом громыхнул тяжелым стулом, кто-то с опозданием подавил вырвавшийся сон.

— За что? — Якир непонимающе уставился на военного юриста. Но его не слышали.

В окружении конвойных осужденных вывели из-за барьера, провели отдельным ходом к «черному ворону».

Они сидели, ошеломленные произошедшим, никто не проронил ни слова. Лишь когда автомобиль остановился и снаружи послышался металлический лязг открываемых тюремных ворот, кто-то определил:

— Лефортово.

Это была знаменитая московская тюрьма, известная строгостью режима и глухотой каменных стен.

И была последняя ночь.

Тухачевского провели в камеру с решетчатым окном, заделанным снаружи металлическим щитом, с парашей у двери и топчаном со свалявшимся матрацем. Под потолком ярко светила лампочка.

Он лег на топчан, пытаясь осмыслить пережитое. «Высшая мера наказания... Расстрел... Приговор окончательный, обжалованию не подлежит... Не подлежит...» — остро били слова приговора.

Это конец. Его уже никто и ничто спасти не сможет. Теперь он весь — в прошлом. И прошлое, вся его жизнь, волнения, тревоги, дела — стали неожиданно далекими, серыми, будничными.

Назойливо светила лампочка, и он прикрыл лицо руками, призывая самого себя к успокоению, к, возможно, еще зыбкой, как огонек свечи, надежде, что все обойдется, что кто-то внесет ясность. Ведь миновала же его смерть, когда он поднимал в атаку солдатские цепи! И в побегах из плена косая пощадила его. В 18-м году он был бы расстрелян, но остался жив.

Потом он впал в забытие и ему почудилось, будто лязгнул засов двери и кто-то вошел и остановился подле него.

Он отвел от лица руку, огляделся: нет, камера пуста. «Неужели галлюцинация?..» — «Сын мой, послушай меня, внемли Божьей воле». — «Кто ты?» —

спросил он склонившегося над ним в черной сутане. Длинные седые волосы обрамляли немолодое благообразное лицо. Серебрился большой крест с изображением распятого Христа. «Кто ты?» — спросил он снова. «Я тот, кто по воле Божьей пришел, чтобы облегчить твою душу. Настал час избавления от грехов, лежащих тяжким камнем. Покайся, сын мой, в грехах своих, отрекись от них, и ты избавишься от страдания, пред уходом в мир иной». — «Мне не в чем каяться. Я жизнь свою и помыслы отдал великому делу освобождения народа от...» — «Не надо громких и фальшивых слов, они не твои, не повторяй чужих мыслей. Внемли моим словам: отрекись от того, что терзает совесть и душу. Очисти душу свою от скверны, и тебе станет легче». — «Я не творил ничего грешного». — «О, нет! Творил, сын мой! Были! И малые грехи, которых ты не замечал, и тяжкие, с людской невинно пролитой кровью. Их трудно простить, но Бог простит, если ты покаешься».

Незримый пришелец говорил с такой убежденностью, что противиться было невозможно.

«Хорошо, святой отец, я попытаюсь. Только мне тяжело. Я устал за эти дни. Трудно вспомнить».

Повинуясь странному пришельцу, Михаил Николаевич затих, стараясь вспомнить прошлое. И тут вдруг перед ним замаячил образ большеголового, с чуть пробивающимися усиками юнкера Яновского, балагура и любимца роты. Он стоит перед ним, фельд-

фебелем роты Тухачевским, одногодком и в прошлом товарищем, и просит его дать увольнение в город.

«Я прошу вас отменить отданное вами наказание. Готов потом нести вдвое большее, но разрешите сегодня увольнение в город».

«Нет, — отвечает Михаил с решительной непреклонностью. — Я лишен права отмены наложенного мной взыскания».

«Но это же совсем не так! Именно, только вы имеете такое право. Поймите, в город приехала моя сестра, всего на три дня, она проездом. Мы не виделись более двух лет».

«Не хочу вас отпускать, юнкер Яновский. Это мое право, и я им пользуюсь. — Он торжествует, что этот лихой гимнаст и насмешник вынужден подчиняться ему, и готов на все, что заблагорассудится ему, ротному фельдфебелю. — Пройдут две недели, и тогда можете обратиться ко мне с просьбой».

«Но сестра не может ждать! Поймите же! Вы, господин Тухачевский, без души, вы начисто лишены чувств...» Никто не слышал выстрела. Лишь после вечерней проверки нашли тело юнкера Яновского.

Начальник училища генерал Геништа тогда заметил: «Ревностность в службе, фельдфебель Тухачевский, отнюдь не исключает человечность».

Юнкера не простили ему смерть товарища. Написали оскорбительное письмо, назвали его холодным и расчетливым служакой, для которого личные интересы превыше всех человеческих чувств.

«Господи, прости меня... Прости тяжкий грех», — произнес глухим голосом Михаил Николаевич.

А потом явился образ жены Машеньки, Марии Владимировны, его первой любви. Он тогда был в Ростове, командовал Кавказским фронтом, когда получил от нее последнее письмо. «Я уйду из жизни, продолжая тебя любить. Простить измену не могу...» Он явственно почувствовал укол в сердце.

«Господи, прости... Прости».

Образ круглолицей женщины со спадающей с плеча косой сменился мужчиной в казачьей, с заломом папахе: Думенко — командир конного корпуса.

Его обвинили в измене, судили и суд вынес приговор: расстрел. Дело представили на утверждение командующему Кавказским фронтом Тухачевскому.

Он нехотя перелистал вшитые в папку показания с корявыми подписями: Буденный, Ворошилов, Щаденко. Вчерашние вахмистры и неучи, едва умеющие скрипеть пером, в один голос чернили лихого командира. Он мог тогда отвергнуть навет, и передать Думенко в соседний, Южный фронт. Об этом просили Сталин и Егоров, но он этого не сделал. Демонстрируя принципиальность и твердость

большевика, он утвердил смертельный приговор. Росчерк пера стоил командиру жизни.

«Господи, прости меня... Господи, это в твоей воле...»

Потом припомнился Кронштадт: множество тел в солдатских шинелях и матросских бушлатах, они впаяны в лед, а между ними полыньи с черной водой. Снаряды с крепости крушили лед и валили людей, чтобы защитить засевших в фортах вчерашних мужиков. Они возмущались неприкрытым грабежом советской властью сельского люда.

Бывшему комфронта Тухачевскому была поставлена Вождем задача: уничтожить тех, кто осмелился выступить против новой власти! И он со свойственной ему точностью и непререкаемой исполнительностью выполнил приказ Вождя, заслужив за тысячи смертей благодарность из Кремля.

А вскоре последовало новое чрезвычайное поручение: ликвидировать на Тамбовщине мужичью смуту, уничтожить их отряды и принудить несогласных к неукоснительному исполнению высылаемых из Москвы директив. Он справился с этим заданием с блеском. О, сколько тогда было побито мужиков! Сколько семей лишились своих кормильцев!

«Господи, прости...»

Неужели пришел час расплаты? Неужели наступило время Божьего назидания: мне отмщение из воздам?

Но, ведь, он не виноват. Он исполнял чужую волю, потому что присягал на верность, был предан тому, кто диктовал...

Словно в тумане всплыл профиль Вождя: вздернутый крутой подбородок, большой лоб. Он даже вздрогнул от явственного видения человека, с которым встретился в Кремле в далеком 18-м году.

И тут осужденный и кающийся услышал внутренний голос: «А если бы тебе поручили убить царскую семью, исполнил бы ты этот приказ?» Он попытался не отвечать, но почувствовал от самого себя укор: «Отвечай же, кайся. Ты сам себе судья». И он признался, что исполнил бы это, как делали тогда другие: не щадя ни женщин, ни детей, если бы ему приказал Вождь.

«Господи, прости меня... Суди меня за все грехи тяжкие. Суди полной мерой...»

Отрешенный от всего, он не слышал ни шагов, ни голосов за дверью камеры. Только лязг замка и тяжкий скрип двери прервали его сон.

Вошли двое военных. Еще один в дверях.

— Одевайтесь.

С тревожным предчувствием он натянул сапоги. Неторопливо застегнул пуговицы гимнастерки. «Неужели опять допрос?» — промелькнула догадка.

В щель окна виднелась на черном небе одинокая звезда. «Тогда... Нет, не может быть... Какая нелепость...»

— Руки за спину! Выходите! — приказал щуплый человек в серой коверкотовой гимнастерке. Словно капельки крови на петлицах алели три квадрата.

«Щуплый» вышел из камеры первым. За ним, заложив руки за спину и твердо ступая, шел Тухачевский. Сзади следовал долговязый военный, с плоским лицом и тоже в форме, но без знаков различия в петлицах. Дежурный по коридору быстро захлопнул дверь.

Они прошли мимо освещенного стола дежурного, где лежала большая, раскрытая и исписанная чернилами конторская книга. Спустились по лестнице.

«Да, на допрос... Возможно, возникли сомнения в деле».

Прошли этаж... Еще один... Спустились еще... Путь преграждала решетка во всю ширину коридора. Завидя их, дежурный поспешил отомкнуть в решетке дверь, и тот маленький, с тремя «кубарями» в петлице, остался у двери, пропустив Михаила Николаевича.

Далее они шли уже вдвоем: впереди он, а за ним «долговязый».

Коридор неподалеку круто изгибался, и шедший сзади скомандовал:

— Налево! Не оглядываться!

По коридору гулко разносились шаги, казалось, их было не двое, а шел целый взвод.

Он не видел, как долговязый заученным движением поспешно вытащил из кобуры револьвер, выбросив вперед руку, навел оружие в затылок идущему.

Выстрел с треском разорвал тишину подземелья. Но Михаил Николаевич выстрела не слышал.

И.Э. Якир

1896—1937

В фальсифицированном сценарии Якиру отводилась роль первого помощника руководителя заговора. Он — командарм 1-го ранга, чуть ли не маршал, командующий войсками наиболее сильного, Киевского военного округа, как и Тухачевский был ярким противником развития конницы и сторонником всемерной механизации армии. «Будущая война — война моторов», — утверждал он.

Его дело вел тот же следователь, что и Тухачевского, а именно — изощренный Ушаков.

Расправившись с Тухачевским, палачи пришли к нему.

— Одевайтесь!

Накануне суда он упросил прокурора Вышинского передать письмо Ворошилову.

— Передадим непременно, — пообещал тот.

Обращаясь к Ворошилову, Иона Эммануилович писал:

«В память многолетней в прошлом честной работы моей в Красной Армии я прошу Вас поручить посмотреть за моей семьей и помочь ей, беспомощной и ни в чем неповинной». Командарм предвидел, чем закончится это судилище.

Прочитав письмо, Ворошилов написал в верхнем углу листа, как привык ставить на документах резолюцию: «Сомневаюсь в честности бесчестного человека вообще».

Якир был эрудированным и весьма грамотным в военном отношении начальником. Родившись в Кишиневе, он учился в Базельском университете в Швейцарии, затем в Харьковском технологическом институте. Вспыхнувшая мировая война заставила его идти на военный завод, где он овладел специальностью токаря.

В родном Кишиневе Якир в декабре 1917 года был избран членом Бессарабского совета. Через два месяца возглавил красногвардейский отряд, выступивший против румынских оккупантов. С июля 1919 года — начальник 45-й стрелковой дивизии. Попав в окружение, принял командование Южной группой войск 12-й армии и вывел ее из опасности. В 1919—1920 годах командовал группами войск 14-й армии на Юго-Западном фронте. В 1921—1923 годах — командующий войсками Крымского района. С 1923 года — командир 14-го стрелкового корпуса, а затем помощник командующего вооруженными силами Украины и Крыма. С ноября 1925 года — командующий войсками Украины, позже — Киевского военного округа.

Будучи командующим, Якир сделал многое, чтобы создать сильную группировку войск на вероят-

ном направлении главного удара предполагаемого противника. Он был одним из тех военачальников, которые стояли у истоков зарождения воздушно-десантных войск. Идея об использовании в будущей войне воздушных десантов возникла после долгих размышлений, научных споров с военными учеными, теоретических разработок. Он полностью разделял мнение Тухачевского, что по мере развития техники на смену кавалерии придут броневые машины, танки. Семимильными шагами развивается и авиация. Самолеты становятся более мощными, увеличивается дальность и высота их полетов, растет грузоподъемность. «Пройдет не столь уж много времени и будут созданы такие образцы самолетов, которые сумеют вместить в себя целую роту солдат и в короткий срок перебросить их на сотни километров».

Все эти новшества не могли не отразиться на характере будущей войны, на способах проведения боевых операций. Зарождалась новая военная теория, в которой боевые действия приобретали новые черты. Увеличивался размах операций, во много крат шире становился фронт боевых действий, возрастала глубина операций. Противник подвергался ударам средств подавления не только на переднем крае и в ближней глубине, но одновременно нес поражение от авиации и в дальней своей глубине.

Развивая теорию, маршал Тухачевский заверял, что в недалеком будущем появятся роты, батальоны и даже полки воздушной пехоты. В отличие от обычных стрелковых войск, действующих с фронта, новые формирования, переброшенные самолетами, будут решать большие задачи в далеком неприятельском тылу.

— Без артиллерии? Неужто одними винтовками? — возражали противники новой теории.

— Нет. Десантники будут вооружены автоматическим оружием, гранатометами, облегченными пулеметами, непременно артиллерией, автомобилями и даже танками.

— И все будет сброшено на парашютах? Это сколько ж надо их иметь? А самолетов? Парашютов у нас и летчикам не хватает, — не сдавались противники.

Да, действительно, не хватало многого. Страна испытывала серьезные трудности, после мировой и гражданской войн народное хозяйство было полностью разорено. Однако мыслящие военачальники оставались при своем мнении и верили в прогресс.

Наступила осень 1935 года. По настоянию Тухачевского было решено провести учения в Киевском военном округе с использованием большого воздушного десанта. Руководить учением предложили Якиру.

О-о, он помнит этот день во всех деталях!

Он проснулся раньше, чем дежурный заявился в палатку.

— Прошу прощения, товарищ командарм. Вы приказали разбудить...

— Благодарю. Как погода?

— Отличная, товарищ командарм.

— Тогда совсем хорошо.

Он вышел из палатки. Рассветало, над землей курился легкий туман, в частых его разрывах виделось белесоватое небо.

Погода беспокоила всех. Накануне метеослужба обещала чистое небо и безветрие, но синоптики не боги, ошибались и они... Но нет, на этот раз не промахнулись. Сегодня от погоды зависело многое. Предстояла непростая для авиации задача, и от погоды зависел успех: целая дивизия должна быть переброшена по воздуху. Никогда, ни в одной армии мира такое еще не проводилось.

Зазвонил телефон.

— Это Тухачевский. Какая обстановка?

— Все в порядке, Михаил Николаевич. Войска действуют по плану. Десантники в готовы к посадке. Самолеты ждут, у авиаторов полный порядок.

— Напомните всем парашютистам, чтобы не мешкали при десантировании. Выброска должна быть плотной, иначе не миновать большого рассеивания на земле.

— Непременно, — отвечал Якир. Голос у него был спокойный, уверенный, с легкой картавинкой.

А на аэродромах, где находились десантники и самолеты, давались последние указания.

В строю — рослые парни, облаченные в комбинезоны, матерчатые шлемы. У каждого, кроме парашюта, оружие, боеприпасы, нож, лопатка, фляга.

Вдали слышался рев моторов. Шло последнее опробование моторов.

Но вот прозвучала команда:

— По самолетам! — И десантники направились к тяжелым бомбардировщикам.

В небо взвилась красная ракета. Один за другим самолеты поднимались в воздух и ложились на курс. Они летели к месту выброски десанта, к Броварам, звено за звеном, эскадрилья за эскадрильей.

Самолеты обладали большой грузоподъемностью, но не были приспособлены для перевозки людей. Во время полета парашютисты размещались в крыльях за бензобаками, в проходе между кабиной летчиков и радиорубкой, у бомблюков, где было неудобно. Прыгать же приходилось не только из дверей, но и с плоскостей самолета, добираясь до назначенного места ползком, цепко удерживаясь за протянутый металлический трос.

Где-то внизу пролежала «линия фронта». опережая десант, первыми к месту выброски прилетели самолеты-штурмовики и бомбардировщики. Они

нанесли удары по противовоздушным орудиям «противника», командным пунктам, узлам связи, нарушив систему управления.

В ожидании прибытия наркома, командарм Якир был у центральной трибуны, где находились командующие всех военных округов, а также зарубежные гости.

Ворошилов приехал не один. С ним были его заместители, руководители Украины: Косиор, Постышев, Петровский.

— Начнем, — сказал нарком, выслушав рапорт Якира.

К большой, вывешенной перед трибуной схеме вышел помощник руководителя учения, комдив: в петлицах гимнастерки алели два ромба. Вода указкой по схеме, он стал объяснять сложившуюся в ходе учения обстановку.

Западной стороне удалось оттеснить «восточных» и, имея превосходство, добиться успеха на главном направлении. С целью задержки подхода их резервов командование «восточных» приняло решение на выброску воздушного десанта. Задача его заключалась в захвате переправ через Днепр и удержание их до подхода своих наступающих главных сил.

— В настоящее время, — говорил комдив, — самолеты с десантом в воздухе. Они поднялись с аэродромов, находящихся от места десантирования почти в трехстах километрах. Ровно в двенадцать

ноль-ноль они достигнут назначенного района и приступят к выполнению боевой задачи.

Находящиеся на трибуне и вблизи ее военные взглянули на свои часы. Стрелки показывали одиннадцатая тридцать.

— Самолеты с десантом имеют надежное прикрытие истребителей, — продолжал объяснение комдив. — Они сопровождали их на всем пути. А другая группа самолетов уже наносит удары по наземным целям «западных».

В том направлении, куда указал помощник руководителя учения, все увидели кружившие самолеты. Оттуда доносились глухие взрывы бомб и частые строчки пулеметных очередей. Там находились зенитные батареи, и самолеты «уничтожали» их.

Последовательность действий войск руководителю учения Якиру известна до мелочей. В подготовительный период она неоднократно выверялась и уточнялась. И теперь, слушая помощника, он с удовлетворением отмечал согласованность войск и точность расчетов.

Он поглядывал то на часы, то в небесную даль, где должны появиться самолеты с десантом. Он знал, что на каждом воздушном корабле находится до трех десятков человек, что на парашютах будет сброшено тысяча двести десантников и всего за несколько десятков минут.

Вслед за первым эшелонам подойдет второй, который доставит тяжелое вооружение. А потом на захваченный аэродром приземлятся самолеты с посадочным десантом и высадят целую стрелковую дивизию с орудиями, танками, автомобилями...

В ожидании самолетов руководитель учения испытывал волнение. Где они? Когда появятся?

— Якир, где же ваши самолеты? — взглянув на часы, спросил Ворошилов.

— На подлете, товарищ нарком, — ответил он, предупрежденный радистом. Авиационная рация находилась неподалеку от трибуны. И тут все услышали далекий, едва различимый мерный гул, исходивший от множества самолетов. Якир взгляделся в небо, потом поднес к глазам бинокль и увидел черточки широких плоскостей бомбардировщиков. Черточек было множество, их невозможно было сосчитать. Шел десант.

И все, кто находился на трибуне и подле нее, устремили взгляды в сторону приближающихся самолетов. Они летели тройками, словно стая птиц. От мощного гула сотен моторов воздух упруго вибрировал, в мелкой лихорадочной дрожи, казалось, билась земля.

Первое звено приближалось, в бинокль были видны колеса шасси, надписи на плоскостях, проем рас-

пахнутой двери на фюзеляже. И вдруг из этого проема, плоскостей, густо посыпались точки.

— Прыгают!.. Началось!.. Пошли!.. — слышались голоса наблюдавших.

Десантники падали не долго, потом над ними вырастал длинный шлейф строп и еще не распустившегося шелка купола. В следующий миг они оказывались под куполом. Подошла вторая волна самолетов и с них снова посыпались точки, а распустившиеся купола составили как бы второй ярус. Не успели первые десантники достигнуть земли, как подлетела третья волна самолетов.

Якир наблюдал эту картину с волнением. Он более всего боялся, что десантирование затянется. Но нет, опасение оказалось лишним: оно продолжалось в точно назначенные минуты.

— Они прыгают, как боги! — донесся чей-то восторженный возглас.

Запрокинув голову, застыл французский генерал, пытаясь сосчитать купола на небосклоне. Рядом с ним, надвинув на лоб фуражку, вглядывался в необыкновенное зрелище высокий чех. Экспансивный итальянец восторженно восклицал:

— Колоссалы! Брависсимо! Мольте бено!

Не мог скрыть своего восхищения и Якир, руководитель учения. Он воочию видел, как то, что еще было теорией, теперь воплотилось в реальность,

что перед всеми — новый род войск, рожденный в Красной Армии, сильный, дерзкий, неустрашимый.

Его внимание привлекли действия приземлившихся воинов. Сбросив с себя парашюты, они объединялись в подразделения и спешно выдвигались к указанным рубежам. Неподалеку находился полевой аэродром, и они должны были его захватить, чтобы принять посадочный десант.

— Господин генерал, — обратился к Якиру англичанин. — Какова численность посадочного десанта?

— Более трех тысяч человек. Кроме того, в их распоряжении находятся танки и артиллерия.

Спустя немного времени Якир направился к Ворошилову.

— От командира дивизии получена радиограмма: «Десантировались в расчетной численности. Потерь нет. Отразив с ходу контратаку противника, дивизия овладела мостом через Днепр. Аэродром готов к приему посадочного десанта».

— Хорошо, командарм. Объявите от моего имени благодарность своим войскам. Они действовали отлично.

В конце мая 1937 года в Киев прибыл новый командующий войсками округа, командарм Федько. Нарком Ворошилов сообщил по телефону Якиру, чтобы тот не задерживался со сдачей должности и поспешил с отъездом в Ленинград: он назначается туда.

— Советую ехать без семьи: там пока туго с квартирой.

— Если надо поспешить, то я вылечу самолетом, — предложил Якир.

— Нет, нет! Поезжайте поездом. На сей счет уже дано распоряжение.

— Занимай, Иван Федорович, хоромы. А моей половине да сыну Петру достаточно и комнаты, — сказал Якир новому командующему.

Они были знакомы еще с гражданской войны. Не однажды вместе решали боевые задачи.

Его служебный вагон подцепили в голову состава, вслед за почтовым вагоном, у паровоза. Прощаясь с сыном, командарм строго сказал:

— Петя, будь мужчиной! Настоящим мужчиной! — Юноше показалось, что отец вложил в эти слова какой-то затаенный и понятный только ему смысл.

Поезд подошел к Брянску глубокой ночью. Салон-вагон, в котором находился Якир с адъютантом, быстро отцепили от состава и отогнали на отдаленный путь.

В вагон поднялось несколько сотрудников НКВД. Один из них, войдя в купе, запустил руку под подушку спящего, вытащил пистолет.

— Вы — арестованы, — объявил он командарму и предъявил ордер. — Одевайтесь в гражданское платье.

Якира провели в отдаленную часть станции, где в тени тополей стоял похожий на фургон, без окон, «черный ворон». Едва командарм оказался в нем, автомобиль помчался по шоссе в сторону Москвы.

Незадолго до суда Якир написал письмо Сталину: «Я честный и преданный партии, государству, народу боец, каким я был многие годы. Вся моя сознательная жизнь прошла в самоотверженной, честной работе на виду партии и ее руководителей... Я честен каждым своим словом, я умру со словами любви к Вам, к партии, к стране, с безграничной верой в победу коммунизма».

Прочитав письмо, Сталин начертал на нем: «Подлец и проститутка». Ворошилов добавил свое: «Совершенно точное определение». Он боялся Сталина и теперь из кожи лез вон, чтобы отгородить себя от недавних соратников и подчиненных. Одно неосторожное слово и он может вызвать подозрение и гнев вождя.

После такого беспощадного единодушия судьба командарма и остальных подсудимых была предрешена.

И.П. Уборевич

1896—1937

Маршал Г.К. Жуков, вспоминая давнюю службу в Белоруссии, писал о своем командующем: «Поначалу мои отношения с Уборевичем сложились неудачно. Примерно через полгода после того, как я принял дивизию, он вlepил мне, по чьему-то несправедливому докладу выговор... Притом, заочный. Это был первый выговор за всю службу. Я возмутился и дал телеграмму: «Вы крайне несправедливый командующий войсками округа, я не хочу служить с вами и прошу откомандировать меня в любой другой округ. Жуков». Прошло два дня. Звонит Уборевич...

— Я проверил материалы, по которым вам вынесен выговор, и вижу, что он вынесен неправильно. Продолжайте служить. Будем считать вопрос исчерпанным...

Я чувствовал, что Уборевич работает надо мной. Он присматривался ко мне, давал разные задания... Поручил на сборе в штабе округа сделать доклад о действиях французской конницы во время сражения на реке По в первую мировую войну. Доклад был для меня делом трудным... Но Уборевич смог помочь мне в этот момент... и впоследствии оценил этот доклад как хороший. Повторяю, я чувствовал, как он терпеливо работает надо мной...

У Тухачевского был опыт фронтовых операций, а Уборевич командовал в гражданскую войну армией, выше этого тогда не поднимался. Тухачевский был более широко известной фигурой, но я бы не отдал ему предпочтения перед Уборевичем... Уборевич больше занимался вопросами оперативного искусства и тактикой. Он был большим знатоком и того и другого и непревзойденным воспитателем войск. В это смысле он, на мой взгляд, был на три головы выше Тухачевского.

С Уборевичем я проработал вместе четыре года... Он был бесподобным воспитателем, внимательно наблюдавшим за людьми и знавший их, был требовательным, строгим, великолепно умел разъяснять тебе твои ошибки. Его строгости боялись, хотя он не был ни резок, ни груб».

Подтверждением прекрасной характеристики, данной выдающимся полководцем XX века, служит тот факт, что у него в подчинении находились такие командиры дивизий, как И.С. Конев, Г.К. Жуков, В.А. Соколовский, начальниками штабов корпусов были А.А. Новиков, В.Я. Колпакчи, в штабе корпуса служил М.Х. Баграмян. Оперативный отдел штаба округа возглавлял М.В. Захаров, в отделе служили Р.Я. Малиновский, В.В. Курасов, А.П. Покровский и другие. Шестеро из них стали маршалами Советского Союза и считали Уборевича своим учителем.

А кто был он, этот учитель, выпестовавший столько талантливых военачальников, знаменитых полководцев?

В автобиографии, еще в 1924 году, Иероним Петрович писал: «Родился в конце декабря 1896 года в деревне Антандрия Ковенской губернии. Родители — литовцы, крестьяне, бывшие крепостные. Земли было около 3/4 десятины на душу. Все годы с 1896 по 1909 провел в деревне, принимал посильное участие в хозяйстве — пастухом, а с 10 лет во всей работе — пашня, бороньба. Зимой учился в ближайшей сельской школе в местечке Дусяты. Говорят, что показал большие способности, и учитель занимался со мной отдельно, подготовил в 3-й класс экстерном в реальное училище в Двинск, куда я выдержал экзамен. Мальчиком в Дусятах участвовал в организации «сицилистов», не зная точно целей и задач, распространял прокламации, переписывал их от руки для размножения. В 1909—1914 годах учился в реальном училище в Двинске. Так как родители ничем не могли помочь, то приходилось самому зарабатывать уроками, да иногда и отцу помогать. Жил в пригороде, у дальнего родственника — кочегара. Летом уезжал в деревню и работал по хозяйству. Хотя жил в среде рабочих, но ни на какую политическую группировку не метнулся. Участвовал только в так называемых массовках. Годы прошли совершенно

политически бесцветно. В 1914 году пытался начать учебу в институте, но средств не было, пришлось заняться уроками, а потом и совсем в 1915 году вернуться в деревню, на сельхозработы. В 1915 году летом в Литве в связи с бесчинствами казаков и усиленными мобилизациями участвовал в чем-то вроде небольшого бунта против полиции. Был предан суду ковенским губернатором, но скрылся в Питер, где был со сверстниками взят в армию...»

Призванный в армию, Уборевич был направлен в Петроград, в Константиновское артиллерийское училище, где прошел ускоренный курс, и в 1916 году был направлен на фронт. Имея звание подпоручика царской армии, перешел на сторону большевиков в Бессарабии, был назначен командиром революционного полка, усиленно вел бои против румынских и австрийских оккупантов.

Осенью 1918 года Уборевича направили на Северный фронт. Здесь, последовательно командуя тяжелой гаубичной батареей, бригадой, 18-й стрелковой дивизией, он руководил боевыми действиями красных частей, преградивших путь англо-американцам к Вологде и Москве. За успешное руководство войсками в боях против интервентов был награжден орденом Красного Знамени.

Осенью 1919 года по распоряжению Реввоенсовета Республики Уборевич направляется на Южный фронт, где вступает во временное командование 14-й армией. Ему тогда исполнилось всего 23 года.

Рассказывали, как байку, что назначенный членом военного совета армии Серго Орджоникидзе, прибыв в штаб, направился в кабинет командующего.

— Командарм здесь? — спросил он молодежавого вида очкастого человека, видя в нем штабного.

— Здесь, — ответил тот.

— Ступай и доложи, что приехал Орджоникидзе.

Так произошло их знакомство, переросшее в большую дружбу. Позже Серго Орджоникидзе, выступая перед военной аудиторией, говорил:

— Командарма Уборевича я поставил бы всем в пример. Он был тогда очень молод, энергичен, грамотен в военном деле, решителен. Что сделало его таким? Ответственность перед людьми, кристальная честность, истинная любовь к народу. Его посылали всегда туда, где трудно. С Уборевичем было легко и приятно работать. Уборевича все любили за доступность, хладнокровие в самые опасные моменты и, конечно, за заботу о бойцах.

Под руководством молодого командира части и соединения 14-й армии сумели остановить рвущихся к Москве деникинцев. Они уже заняли Курск, Воронеж, до российской столицы рукой подать.

Сдерживая врага, войска 14-й и соседних армий Южного фронта сумели нанести ему фланговые удары своими подвижными соединениями, а потом и обратить в бегство. Были захвачены стратегически

важные пункты: Кромы, Белгород, Харьков, Полтава, Екатеринослав, Николаев, Херсон, Одесса, Тирасполь. Красная Армия захватила огромные трофеи, столь необходимые ей: одних орудий более 350, самолетов — 15, бронепоездов — 23, миллионы ружейных патронов и снарядов, десятки тысяч винтовок.

Затем новое назначение: командующим 9-й (Кубанской) армией Кавказского фронта. Штаб армии находился в Новочеркасске.

О наступлении войск армии один из его участников вспоминал: «По пути от Новочеркасска ударная группа очистила от деникинцев десятки хуторов, станицы Багаевскую, Манычскую, Кагальницкую, Гуляй-Борисовку и продолжала преследовать донскую армию белых, сильные удары нанесла 3-му и 1-му Донским корпусам в районах Кагальницкой и Мечетинской. 6 марта сводный конный корпус Д.П. Жлобы и приданная ему 33-я стрелковая дивизия М.К. Левандовского штурмом взяли Новопашковскую. 7 марта был тяжелый бой у Екатериновской, где стремительное движение ударной группы пыталась задержать свежая конница генерала Секретова. Но из этого ничего не вышло. Части Жлобы и Левандовского ворвались в Екатериновскую и погнали беляков в направлении станицы Павловской. Окружив и захватив в плен три полка 4-го Донского конного корпуса, вышли во фланг скопившимся под Тихорецкой войскам деникинцев».

— Продолжать наступать дальше! — потребовал Уборевич.

Вскоре 9-я армия штурмом взяла Екатеринодар, а 27 марта 1920 года и Новороссийск.

За успешные боевые действия по очищению Северного Кавказа от деникинских войск Уборевич был награжден почетным золотым оружием.

Вскоре он снова назначается командующим 14-й армией и руководит боевыми действиями против белополяков. А через два месяца возглавляет 13-ю армию и сдерживает натиск врангелевцев в Северной Таврии и Донбассе. Награждается вторым орденом Красного Знамени.

В 1921 году Уборевич организует разгром махновцев, участвует в подавлении антоновщины в Тамбовской губернии, ликвидирует банды Булак-Балаховича в Белоруссии.

А потом были Сибирь и Дальний Восток. В августе 1921 года он назначается командующим 5-й армией и Восточно-Сибирским военным округом. Ему приказано готовить войска к освобождению Дальнего Востока от белогвардейцев и интервентов. В конце сентября он прибывает в Хабаровск. Вскоре — он военный министр Дальневосточной республики и, сменив Блюхера, назначается главнокомандующим Народно-революционной армии.

Помню, до войны очень популярной была песня «По долинам, по загорьям». И был в ней куплет:

Будут помниться, как в сказке,
Как манящие огни,
Штурмовые ночи Спасска,
Волочаевские дни.

И мало кому было известно, что эту былинную операцию разработал и блестяще осуществил молодой командарм и военный министр Иероним Петрович Уборевич.

Спасск — ворота в Приморье. Японские интервенты превратили его в мощный управляемый район. Основу его обороны составляли семь полевых фортов, соединенных между собой окопами и прикрытых пятью рядами проволочных заграждений. По тем временам это было серьезное укрепление.

На рассвете 8 октября 1921 года войска Народно-революционной армии двумя колоннами начали штурм спасских укреплений. В обход укреплений была направлена кавалерийская бригада с задачей прорваться в тыл противника.

Белогвардейцы оборонялись с отчаянием обреченных, но ничто не могло спасти их. 8—9 октября части НРА при содействии партизан захватили ряд фортов и другие укрепленные пункты. Оказавшись под угрозой окружения, белогвардейский гарнизон Спасска был вынужден оставить город. В полдень 9 октября Спасск стал советским.

Пребывание Уборевича на Дальнем Востоке способствовало укреплению этого удаленного форпос-

та Советской республики, был открыт выход в Тихий океан.

По возвращении с Дальнего Востока, он занимал ответственные должности в Москве и Киеве, был командующим войсками Северо-Кавказского военного округа.

В 1927—1928 годах Уборевич проходит курс в высшей военной академии германского генерального штаба.

Еще ранее по представлению Штаба РККА приказом Реввоенсовета Республики Уборевич был причислен к Генеральному штабу. Высшая аттестационная комиссия признала его достойным командовать войсками фронта. Он пишет военно-теоретические труды, обогащая советскую военную науку и готовя Красную Армию к недалекой войне.

Уборевича арестовали 29 мая 1937 года. Его жена Нина Владимировна находилась с дочерью в Москве, когда ей сообщили о приезде из Смоленска Иеронима Петровича. В Смоленске размещался штаб Белорусского военного округа.

Бросив все дела, она поспешила на вокзал. Еще издали она узнала вагон. Странное дело, во всех дверях стояли работники НКВД. Предчувствуя недоброе, она оттолкнула одного и вбежала в вагон. И увидела мужа. Он шел по коридору в штатском костюме, очень бледный, впереди и сзади — военные.

— Иеронимус! — крикнула она. — Что случилось?

— Не волнуйся, Нинок, все уладится. — Он еще хотел что-то сказать, но их затолкали в разные купе...

Ее продержали около четырех часов. Когда выпустили, она поехала в управление НКВД.

— Что у вас творится? — не веря случившемуся, спросила она начальника. — Командарм Уборевич арестован в своем вагоне!

— Успокойтесь, успокойтесь! — ответил тот. — Это, конечно, недоразумение.

А ночью на квартиру пришли с обыском.

Физически не очень крепкий, Иероним Петрович на допросах держал себя стойко, с достоинством, отвергая все измышления и наговоры. Когда о том доложили наркому Ежову, тот распорядился применить к нему физическое воздействие. И палачи постарались. Член Специального военного присутствия, командарм 2-го ранга Алкснис рассказывал, что на суде он едва узнал Иеронима Петровича — такими страшными были его лицо и согбенная фигура.

Уборевич не дожил до войны, к которой он с таким усердием готовил войска. Хребет фашизму сломали без него. И большая заслуга в том талантливых учеников, военачальников, продолживших его дело. А потому немалый вклад в Великой Победе принадлежит и ему, командарму Уборевичу.

Р.П. Эйдеман

1895—1937

С именем Роберта Петровича Эйдемана — виднейшего командира Красной Армии, связано много важных событий в истории гражданской войны.

Р.П. Эйдеман родился 9 мая 1895 года в семье латышского народного учителя. Окончив начальную школу, поступает в реальное училище, а по окончании его в 1914 году в Петроградский лесной институт. Здесь он начинает революционную деятельность, активно участвует в студенческих кружках.

В 1916 году Роберта Эйдемана призывают в армию и направляют в Киевское военное училище, по окончании которого он получает назначение в Сибирский пехотный полк. Вскоре прапорщику доверяют командование стрелковым батальоном запасного полка в Канске.

После Февральской революции 1917 года Эйдемана избирают заместителем председателя Исполнительного комитета Сибири. С мая 1918 года — он командир красногвардейских отрядов, которые вели боевые действия в районе Омска. В том же году командовал дивизиями на Восточном, а затем на Южном фронтах. Под его водительством 13-я армия громила войска Врангеля в Северной Тав-

рии и Крыму. После окончания гражданской войны Эйдеман был помощником М.В. Фрунзе, когда тот командовал войсками Украины и Крыма.

После смерти Фрунзе, возглавлявшего тогда и военную академию, на должность начальника и комиссара Военной академии им. М. В. Фрунзе был назначен Эйдеман. В этой должности он пребывал до 1932 года. За этот семилетний период академию окончили сотни командиров Красной Армии. Многие из них стали потом видными военачальниками. Это И.В. Болдин, И.С. Конев, Г.К. Маландин, П.С. Рыбалко, Р.М. Штерн, А.И. Антонов, Е.И. Ковтюх, С.К. Тимошенко, Ф.И. Толбухин, В.Д. Цветаев, К.А. Мерецков, В.Д. Соколовский, В.С. Попов, Л.А. Говоров, А.В. Горбатов, Г.К. Жуков, М.А. Пуркаев, К.К. Рокоссовский и другие.

Являясь признанным военным теоретиком, Эйдеман был ответственным редактором журнала «Война и Революция». Он принимал активное участие в разработке вопросов военной теории и истории гражданской войны.

С 1932 года был председателем Центрального совета Осоавиахима СССР.

Роберт Петрович был поэтом. Председатель латвийской секции Союза писателей СССР. На Первом Всесоюзном съезде писателей его избирали членом Правления Союза.

Рассказ «О смерти», который он написал в 1930 году, говорит о личных переживаниях автора и его героическом прошлом.

О смерти

В последнее время я начал все чаще думать о смерти. Может быть, потому, что время от времени меня рассматривают врачи. Я очень благодарен за такое внимание отзывчивому и милому Наговицыну. Врачи измеряют мое сердце, считают пульс, щупают печень и кишечник.

Да, кишечник, говорят, у меня плох. Это, вероятно, потому, что я много воевал и, воюя, не слишком вежливо обходился со своим желудком. Мне, оказывается, уже в тели была нужна диета. Благодарю за совет!

Да, и сердце у меня расширено. Это потому, что в великие годы, когда у нас в каждом шве таились тифозные вши, кровь мою сжигал тиф. Это потому, что целыми днями и ночами я сидел верхом на лошади, случалось, спал на соломе, а то и вовсе не спал, бессовестно утомляя свое сердце, и, перегруженный всякими делами, жил вообще вне всяких норм.

Врачи правы. По почам я иногда чувствую, слышу свое сердце. Работает оно глухо, неровно. Что-то в нем заскакивает, как в усталых, старых часах, готовых остановиться. Сердце сладко замирает, но в мозгу пульсирует, ~~кипит~~ кровь. Конец! Конец! Я сажусь, но боюсь вскрикнуть, чтобы не разбудить своего маленького сына. Так сижу я в кровати,

седеющий, жалкий, и прислушиваюсь, не слышно ли сквозь удары моего сердца тихих, крадущихся шагов смерти.

Я вижу — вам смешно. Вы хотите сказать: какой трус этот человек, которого мы все считали героем! Вы начинаете сомневаться, можно ли верить тому, что человек этот был смелым в бою, и начинаете подозревать, не потерял ли он свои конечности под трамваем или в другой уличной катастрофе.

Вы правы! Смейтесь! С тех пор, как я стал спать в кровати, я боюсь смерти. Кровать напоминает мне гроб. Поэтому я иногда стелю на пол пальто и ложусь на него. Тогда я сплю спокойно, как спал все те годы, когда борцы за революцию еще не смели мечтать о кровати. Мне не жаль расстаться с гробом, именуемым кроватью. Я еще не разучился спать на полу, постелив пальто и подложив под голову локоть.

Умереть в кровати я не хочу. Смерть в кровати слишком торжественна. Вся церемония похорон мне противна. Противен путь в крематорий. Вижу себя в гробу. Моя единственная рука, испещренная; как географическая карта, синими, узловатыми жилами, бессильная и увядшая, лежит на вздувшемся животе, — ему, во всяком случае, следует вздуться от радости, что наступил покой — этому животу, больному, уставшему переваривать всякие непереваримые вещи и терпеть придирки врачей. Мой курносый, простодушный нос заострился. Он сильно вытянулся, точно хочет вдохнуть все запахи цветов, в которых я лежу в первый и в последний раз. Глаза у меня полужакрыты.

Волосы на мертвой голове мертвые, тусклые. Я не сомневаюсь, что меня, как старого партизана, проводят с музыкой. Об этом позаботятся друзья. Они торжественно будут стоять вокруг моего гроба, тихо перешептываясь, точно боясь меня разбудить.

Черт побери эту торжественную церемонию.

Поэтому я говорю: я хочу умереть так, как умер мой друг, незабвенный донецкий шахтер Нирненко, который повел за собой в революцию родную деревню Титовку и сложил под Варшавой свою горячую, светлую голову. Я хочу умереть так, как умер другой шахтер, славный командир сто тридцать шестого полка, Дзюба, или так, как умер храбрый Апатов — у него были длинные, как у священника, волосы, блестящие, черные, как та смола, которой он, мариупольский рыбак, когда-то смолил лодку. Глаза у него были голубые, той теплой голубизны, какая бывает у моря летом. Я хочу умереть в бою.

Хорошо умереть так, как летом 1918 года умер путиловский рабочий Вавилов, командир броневика при штабе моей партизанской армии. В то лето в сибирской степи все хорошо росло. Рощи пышно зеленели огромными зелеными купами. Море тяжелых колосьев колыхалось волнами на нивах вдоль железной дороги, где мы воевали. Нам было жаль отдать белым эту цветущую землю. Мы дрались, как безумные. Мы дрались за лучшую, более легкую жизнь для того крестьянина, который, поглаживая колосья, равнодушно, пожалуй, скорее враждебно, следил за огромными одуванчиками-шрапнелями, летавшими вдоль железной

дороги. Охрипшие пулеметы лаяли тоже только у железной дороги. В степи же стояла тупая, равнодушная тишина. Мы кричали в степь: «Приходите!» Нам отвечало из зелени рощ лишь равнодушное эхо.

Вавилов умер у станции Вагай. Вероятно, эту станцию не переименуют в память о нем, но я, глядя на карту Сибири, называю ее «Вавиловкой».

Белые зашли к нам в тыл. Станция осталась бы без охраны, если бы туда не подоспел Вавилов со своим броневиком. Целый час курсировал броневик у станции, выслеживая белых. Целый час пулеметный вихрь рвал слабеющие цепи белых. Мы подходили к станции, когда бой смолк, непонятный для нас в то мгновение, но шум его придавал нам особую бодрость, звал нас вперед. Мы бежали и прислушивались: бой все длился.

Что за бой? Кто там дерется? Почему бой внезапно смолк?

Наши разведчики почти без выстрела овладели станцией. Белые спешно отступили в степь. Перед станцией лежали около полусотни трупов. Там же, перед станцией, мы увидели черный, закоптелый броневик с двумя обгоревшими трупами в нем.

Что случилось? Почему из броневика вырвалось пламя? Железнодорожники видели, как в пламени и дыму, сся вокруг себя ужас и панику, носился броневик Вавилова.

Так умер Вавилов. Он умер неплохо. Умирая, он, конечно, не думал о смерти. Он не думал о смерти, как не думал тогда о ней и я, не думали сотни людей, смотревших

смерти в глаза. Мы умирали спокойно, зная, что умираем во имя лучшего будущего.

Черт побери, мы умирали за большинство человечества!

О чем я говорил? Да, о Сибирских просторах и о смерти металлста Вавилова. Можно ли сосчитать всех тех, кто на этих просторах сложил свою голову за первые Советы и за мировую революцию?

В этих просторах прячется в зелени деревьев маленькая станция Подъем. Она называется так, вероятно, потому, что от Тюмени путь к Уралу идет в гору.

На станции, конечно, есть начальник. У него, конечно, красная фуражка, надсв которую он приветствует поезда. Проводив поезд, он снимает свою красную фуражку и садится к телеграфному аппарату. На станцию редко заглядывают пассажиры. Еще реже останавливаются поезда. В зимние вечера, гордо сверкая огнями, по тихой, заснувшей степи бегут мимо экспрессы. Чего им здесь останавливаться — здесь, в снегу и во тьме, если в двадцати километрах отсюда их ждут впереди тюменские огни, депо с веселым шумом, перрон, залитый электрическим светом?

Пусть уж извинит меня начальник станции Подъем за мою навязчивость: я все же решаюсь вмешаться в его личную жизнь. Конечно, у него есть жена. Жить холостому, одинокому человеку в такой глуши невозможно. И если у него действительно есть жена — пусть он еще раз извинит меня, я не сомневаюсь, что они оба ни раз мечтали о жизни на другой, более крупной, светлой станции, у которой останавливаются экспрессы.

Милый начальник станции, я хочу примирить тебя с твоей судьбой. Пройдет несколько лет, и в пробегающих мимо поездах не найдется такого человека, который не захочет даже ночью встать с постели, чтобы взглянуть хоть в окно на тебя, на станцию с деревьями. Летом из поезда будут сыпаться загорелые экскурсанты, пионеры будут звонко кричать на перроне под тихими деревьями. У меня нет таких сильных и хороших слов, чтобы суметь рассказать, почему заслужила такую честь эта тихая станция у холма. Такие слова найдут поэты революции. Я знаю, что найдут они такие слова. Они найдут слова, которые ночью поднимут с постели самого равнодушного пассажира и заставят его подойти к окну вагона.

Летом 1918 года у этой станции погиб отряд латышских стрелков. Одиннадцать человек, все прошедшие сквозь огонь мировой войны, все большевики — они умерли у этой станции.

Одиннадцать человек. Одиннадцать павших. Стыдись, Гайгал! Стоит ли говорить об одиннадцати, когда за революцию пали тысячи?

Я не могу забыть этих одиннадцать человек... Может быть, я полюбил их слишком сильно. Я полюбил их, как славных парней и храбрых воинов.

Эту команду я привез с собою из Москвы. В Москву я уехал в начале 1918 года как делегат съезда Советов Сибири голосовать за мир. В Москве я задержался. Мнс, делегату съезда Советов Сибири и старому фронтовику, пришлось ходить по заводам, выступать с речами, воевать с социал-

предателями — они тогда по-другому назывались, — которые в те дни очень бахвалились и штурмовали Московский Совет. Не раз приходилось мне торжественно обещать московским рабочим хлеб Красной Сибири. Вы можете себе представить мое возмущение и гнев, когда я узнал, что этому хлебу угрожают белогвардейские банды и белочехи. Разве я, Янис Гайгал, на массовых собраниях не обещал сибирского хлеба, ударяя себя звонко кулаком в грудь? Мог ли я допустить, чтобы все эти мои обещания, данные именем революции, оказались ложью? Мог ли я дольше оставаться в Москве, когда там каждый москвич, встретив на улице меня, большого крикуна на всех митингах, был бы вправе плюнуть мне в лицо, а при упоминании обо мне даже круглая белая борода Минора задрожала бы в смехе. Та самая круглая белая голова, которую я при помощи моей звонкой глотки так много мыл всякими плохими словами, каких я не сказал бы в другое время такому старому человеку.

— Папаня, идите лучше спать! Мы дали мир. Дадим мы и хлеб! И вы, папаня, сможете спокойно сидеть дома и кусать хороший сибирский хлеб уцелевшими зубами, которыми вы теперь хотите кусать советскую власть.

В те времена у меня была такая глотка, что я в один день мог сказать пять, шесть речей. Даже сам товарищ Ленин, который присутствовал на одном митинге, был очень доволен моей речью, отметил мою фамилию в записной книжке и пригласил зайти к нему.

— Я тебя обязательно познакомлю с Демьяном. Твоя речь была остроумной, я от души смеялся!

Приблизительно так он сказал.

Но зайти мне к нему не пришлось. На следующий день я узнал о первых боях под Омском. Я был так поражен и огорчен, что мне снова пришлось действовать и пустить в дело свою глотку:

В Москву тогда прибыли латышские полки. Их еще не посылали на фронт. Но я сагитировал одиннадцать добровольцев с четырьмя пулеметами. В тот же день я сагитировал еще одну батарею, вернувшуюся с фронта после демобилизации.

Так я стал главнокомандующим. Как главнокомандующий армией, я сформировал поезд. Батарея и добровольцы уселись до того, как об этом стало известно начальству. Сознаюсь теперь в этом своем грехе. Надо думать, что никакой трибунал не будет больше судить меня за это. Ведь тогда сердце мое так болело, что задерживаться в Москве, ходить по разным учреждениям в поисках разрешения я не мог.

Теперь, конечно, каждому ясно, почему я в то лето сразу стал главнокомандующим первой Сибирской армии, фронт которой простирался между Ишимом и Тюменью. Славные, горячие были там бои! У Омутинска, Богаднина и других станций!

Этот участок железной дороги между Ишимом и Тюменью я и сейчас еще так хорошо знаю, точно долгие годы ездил там кондуктором.

Положение первой армии было нелегким. Ее теснили белые с двух сторон — от Омска и от Кургана. Железная

дорога Омск—Челябинск была уже в их руках, и оттуда шли нам в тыл части белых, но мы дрались лицом на восток — в сторону Омска и Ишима.

И вот наступил день, когда мне пришлось бросить на станцию Подъем свой последний резерв — одиннадцать стрелков с четырьмя пулеметами. Белые угрожали тылу станции Подъем и тем самым и Тюмени. На фронте все силы были втянуты в бой. Ночью белые разведчики в ближайшем от фронта тылу взорвали мост. Наш единственный бронепоезд в то утро метался, как бешеный зверь, между фронтом и этим мостом. На починку моста, по мнению инженеров, нужна была целая неделя. Призвав на помощь своей глотке паган, я добился торжественного обещания инженеров починить мост к вечеру того же дня. Итак, бронепоезд пока не мог защитить станцию Подъем. Поэтому я послал туда все, что мог в тот тяжелый момент, — одиннадцать стрелков с четырьмя пулеметами. Их задачей было держаться, пока не починят мост и не освободится путь для бронепоезда.

Я при помощи своей громкой глотки старался организовать в Тюмени коммунистов, рабочих кожевенной фабрики и железнодорожников. Красному фронту нужно было пополнение.

Стрелки в то утро уехали с песнями.

— Сегодня мы наперчим свинцом обед белых!

В утро они были веселы, как всегда.

В обед прервалась телефонная связь между Тюменью и Подъемом. Около станции Подъем свирепствовала пулемет-

ная буря, свирепствовала почти до вечера. Стихла только тогда, когда наш бронепоезд подходил к семафору станции Подъем, стоявшему весь тот день с поднятой кверху рукой.

Они хорошо дрались, эти веселые парни, и, когда были выпущены последние пули, а остатки белых снова кинулись им навстречу с воинственными криками, пулеметчики бросили в них гранаты. Взрыв разметал наших охрипших от крика пулеметчиков, стрелков и немало белых.

Тюмень была спасена. Мы могли ее спокойно эвакуировать. План белых окружить нас провалился.

Полковник Сыровой с остатками своих частей отступил от станции Подъем в степь. Вместо двухсот человек он отступил с несколькими десятками потерявших мужество людей, открывая нам путь на Урал и в Советскую землю.

Когда я думаю о смерти этих одиннадцати, или о смерти Вавилова, Нирненко и многих других красных фронтовиков, мысли мои легкие и ясные. Смерть уже не смерть, ее шаги звучат для меня как радостный марш войны и победы.

Мои больные мысли о смерти и уничтожении человека, проходя сквозь эти воспоминания, выходят на берег ясные и светлые. Так и наши рубашки, посеревшие от долгой носки, тоже светлели, когда мы их стирали в речной воде, взбаламученной войной.

Я знаю, все мои мысли о разных глупых вопросах, о смерти возникают оттого, что я вынужден сидеть в стороне от жизни. Если бы я не лишился у Перекопа левой ноги

и правой руки, — тогда мне против своего обыкновения пришлось долго пролежать в осенней степи, — я, без сомнения, еще сегодня крутился бы в таком радостном вихре жизни, что мне некогда было бы заниматься ненужными рассуждениями. Но когда человек сидит в стороне, ему в голову лезут всякие мысли, и дельные, и пустяковые. Впрочем, нельзя сказать, что я сижу без всякой работы. Гунар Гайгал ходит в школу, по вечерам я ему помогаю готовить уроки. Кроме того, отовсюду, где я когда-то воевал, мне пишут партизаны о всех своих радостях и горестях, во имя которых мне приходится ковылять по разным учреждениям. За эти годы я научился открывать костылем двери лучше, чем другие открывают рукой. Но о своей жизни инвалида я расскажу в другой раз.

Все же — не хочу я умереть в кровати.

Я хочу еще участвовать в тех боях, которые, без сомнения, еще предстоят нам, пока красное знамя расцветет победою над всем миром. Пехотинцем я не смогу быть, верхом ездить тоже не смогу. Конечно, для войны мало одной руки, но глотка у меня все еще звонкая. Эта глотка еще пригодится!

Замечательно наше время, мой друг! Я сижу в стороне, но часто, глядя, как растут стены новых домов и фабрик, чувствую, как кровь у меня радостно закипает в жилах, так же, как в годы войны. Знал бы ты, как мне хочется дожить до социализма!

Возможно, что именно поэтому я начал бояться смерти.

Как коротка, слишком коротка была до сих пор человеческая жизнь! С криком приходил человек в этот мир, что-

бы уже с молоком матери всосать болезни и смерть. Одни умирали с голоду, другие от беспутства, и в конце все так или иначе страдали от неорганизованной, несправедливой жизни. При социализме человек будет жить долго, счастливо, и, когда, наконец, его сердце устанет от долгих, мудрых и светлых лет, он расстанется с жизнью с таким же удовлетворением, с каким мы в годы войны, поев досыта, отодвигали в сторону пустые котелки.

При мыслях обо всем этом мне всегда становится тепло и хорошо.

Эх, Янис Гайгал, не зря ты воевал! А твоя звонкая глотка еще пригодится!

В.К. Путна

1893—1937

Витовт Казимирович Путна относился к той плеяде командиров, становление которых знаменовалось рождением Красной Армии в огне гражданской войны. Родился в Литве. Был пастухом, рабочим на одном из рижских заводов. За участие в революционной деятельности подвергался аресту. В 1915 году был призван в армию.

Окончив школу прапорщиков, участвовал в сражениях первой мировой войны. Окопную жизнь познал сполна, испытывал газовую атаку. За личную храбрость и авторитет был назначен командиром батальона в 12-й армии.

Приняв сторону большевиков, Путна в мае 1918 года стал военкомом Витебского военного комиссариата, а с осени — командиром дивизии. С мая 1919 года он — командир 228-го Карельского полка 5-й армии. Основу полка составляли рабочие Петрограда, Охты, Сестрорецка. Отстаивая в боях северную столицу, они мужали, приобретали боевой опыт. Суровые условия Карелии закалили их в боях против финских белогвардейцев.

Как наиболее боеспособный из войск, Карельский фронт был переброшен на Восточный фронт.

Там он стал грозой для белых. Карельцы неустрашимо шли в атаку и неизменно обращали противника в бегство. Колчаковское командование обещало солдатам за одного живого или мертвого карельца Георгиевский крест и 100 рублей деньгами.

Позже командир Карельского полка В.К. Путьна вспоминал о тех боях: «Белые не раз против карельцев сосредотачивали по восемь полков, кидались в смертельные схватки и убеждались, что карельцев можно разбить, но победить нельзя. У карельцев была традиция не показывать врагу спины. Так за всю войну знакомство белых с карельцами и осталось односторонним. Карельские спины белые не видели».

Сам командир полка вскоре был выдвинут на должность командира бригады, а затем — начальника 27-й стрелковой дивизии.

Осенью 1919 года Витовт Казимирович тяжело заболел. Но, несмотря на высокую температуру, передовых позиций он не покинул, руководил боевыми действиями лежа в повозке. Лишь когда сам командарм Тухачевский приказал ему отправиться на лечение в Челябинск, он с большим нежеланием подчинился приказу.

За успешное командование дивизией и личные боевые подвиги на Восточном фронте Путьна был награжден орденом Красного Знамени.

27-я Омская Краснознаменная дивизия достигла Минусинска, когда поступил приказ о ее переброске на Западный фронт. И понеслись железнодорожные эшелоны на запад, оставляя позади места недавних горячих схваток.

Вот и Смоленск, где находится штаб Западного фронта. Командир дивизии докладывает комфронта Тухачевскому о состоянии и боевой готовности соединения к предстоящим боям. Дивизия представляет грозную силу, она поступает в состав 16-й армии, действует против белополяков на минском направлении. Главная задача — овладеть Минском. Командир дивизии Путна решил выйти к нему, прорвав мощную оборону белополяков, а затем предпринять смелый обходной маневр. Решение казалось невыполнимым, но неожиданное для противника. Это привело к успеху. К 14 часам 11 июля полки 27-й дивизии ворвались в будущую столицу Белоруссии.

Продолжая наступление, дивизия в конце июля вышла к Бугу. Удалось форсировать реку лишь в одном месте. Командир полка Степан Вострецов, воспользовавшись успехом, сумел переправить на противоположный берег свои главные силы. Но этого было недостаточно. Противник многократно превосходил их. Казалось, еще немного и белополякам удастся сбросить красных с захваченного плацдарма. И

тут поступило распоряжение от начдива: «Степан! Перегруппировать силы успеем только к ночи. 70-я бригада на подходе. Любой ценой сохрани плацдарм». И переправившиеся сделали невозможное: удержали плацдарм.

За достигнутые дивизией успехи в разгроме врага и личное мужество, проявленное в боях на Западном фронте, Витовт Казимирович Путна был награжден вторым орденом Красного Знамени. Третьего ордена он был удостоен за участие в ликвидации Кронштадтского мятежа 1921 года.

По окончании гражданской войны Путна являлся начальником 2-й Московской пехотной школы. Затем три года командовал корпусом. С 1927 по 1931 год он — военный атташе в Японии, Финляндии, Германии. С 1931 по 1934 год он вновь командует корпусом, а потом Приморской группировкой войск на Дальнем Востоке. Последняя его должность — военный атташе в Великобритании.

14 мая 1937 года он был переведен из тюремной больницы Бутырской тюрьмы в Лефортовскую, где подвергся мучительному допросу. Нарком Ежов приказал следователю добиться нужных результатов. Путну допрашивали в течение всей ночи. Затем последовало длительное содержание в одиночных камерах. Скучным питанием, побоями, моральным унижением он был сломлен. Его принудили

дать показания на Тухачевского и других видных военных работников.

Обладая незаурядным умом, Путьна написал много статей военно-исторического содержания.

В этой книге приводится отрывок из одной из его работ, посвященный 5-й армии, в составе которой он воевал на Восточном фронте.

Пятая армия в борьбе за Урал и Сибирь

Выступление чехословацкого корпуса против Советов в конце мая 1918 г., захватившего почти одновременно все крупные города по Сибирской дороге и в Приуралье, совершенное по плану и под влиянием «союзников», послужило сигналом всем внутренним контрреволюционным силам к свержению Советской власти. От Пензы до Иркутска озорничали чехи, к которым стали присоединяться разные белогвардейские банды и казачьи отряды. Незначительные красные отряды Сибири, Урала и Поволжья были быстро истреблены хорошо вооруженным, слаженным и обученным чехословацким корпусом, насчитывавшим от 40 до 50 тыс. бойцов. Только на Дальнем Востоке, в Забайкалье и у Хабаровска, части красных отрядов удалось не только оградить себя от истребления, но и долгое время поддерживать неустанную борьбу с белыми. Под защитой чехов в Омске образовалось временное сибирское

правительство, а в Поволжье, в Самаре меньшевики и эсеры воскресили учредилку под фирмой «комитета Учредительного собрания». Эти организации немедля стали формировать силы для борьбы с Советской властью. Чехословацкое командование, прикрывавшее контрреволюционную деятельность в Самаре и Омске, получило задание от Антанты образовать в Поволжье фронт, который, продвинутый через остаток Советской России, мог бы образовать новый противонемецкий фронт на востоке. По пути выполнения этого задания чехи и пошли, когда стали распространяться вверх по Волге. Малочисленные, слабо организованные и невооруженные, отряды Красной Армии тогда еще не могли оказать должного сопротивления чехам и белогвардейцам.

6 августа 1918 г. разрозненные остатки и без того слабых наших отрядов бежали на северо-запад из Казани, павшей под ударом чехов и белогвардейцев.

Бежали так, как бегут после поражения, кажущегося последним и непоправимым... Но небольшая кучка красных, упорно цепляясь за каждую складку местности, к тому же вначале не столь сильно преследуемая белыми, торжествовавшими свою победу в Казани, осела в предместных окопах на левом берегу Волги и у Свяжска — на правом.

Осела с решимостью драться до конца. Или дать отпор белым, или погибнуть, хоть задержав темп их продвижения к сердцу советской земли — Москве.

Через пару дней после падения Казани к Свияжску потекли эшелоны подкреплений. К этому времени по всему жидкому и прерывчатому фронту стали обнаруживаться попытки белых теснить нас дальше. Неруководимые, неорганизованные для планомерного взаимодействия, отдельные отряды решили драться... Дрались жестоко, свою тактическую неопытность расточительно возмещая мужеством, подчас лихостью, нередко кровью...

Напор белых усиливался. В их действиях чувствовалась большая планомерность. Это был период их предельных успехов на Волге. Они на протяжении от Хвалынска до Казани переправились на правый берег Волги и обнаруживали склонность распространяться дальше на запад. Угрожающее положение, создавшееся на Волге, заставило Советское правительство принять чрезвычайные меры защиты. В район Свияжска, на симбирское и сызраньское направления, было переброшено множество красных отрядов из тыла и с других фронтов, был объявлен первый призыв в Красную Армию бывших унтер-офицеров, а затем и офицеров, усилен подвоз питания и огнеприпасов.

Наши силы, подпираемые эшелонами из тыла, росли, но разрозненные действия не давали эффекта. Для планомерного руководства действиями советских войск под Казанью 12 августа в час дня был образован Военный совет казанского участка Восточного фронта с объединением войск, действующих в двух группах по правому и левому берегам Волги, в одну армию, наименованную 5-й. С этого дня медленно, но неуклонно начинает налаживаться и

организационное строительство и согласованность боевых действий 5-й армии.

Она крепнет; и когда белые затевают дьявольски наглый глубокий обход на станцию Тюрлема, перехватывают сообщения, 5-я армия, окруженная все сжимающимся кольцом белых, уже находит в себе силы и решимость драться со стойкостью, сломившей наступательный порыв белых.

Свияжск в мгlistую осеннюю ночь, пронизываемый насквозь пулями белых, сумел отстоять себя от ударной группы белых, и с этой ночи боевая инициатива уже бесповоротно переходит от белых к нам.

10 сентября взята обратно Казань. Не легко 5-й армии далась эта первая победа. В болезненных муках вспышек паники, беспощадной кары за малодушие в ответственные минуты, в отчаянных атаках и свирепой обороне ковались спайка и стойкость 5-й армии, чтобы обеспечить ей закал, впоследствии сохранившийся на всем протяжении похода до берегов Тихого океана,

Объединенные силы чехов и белогвардейцев, потеряв Казань, не прекращают своих попыток прорваться на Москву.

Главные силы их группируются в районе Симбирск — Сызрань — Самара, видимо, надеясь отсюда кратчайшим путем на Москву добиться развязки, но взятие Казани 5-й армией создало выгодное охватывающее положение для Красной Армии. Овладев Казанью, 5-я армия двумя группами: одной — левобережной, на Чистополь — Бугульму, другой — правобережной, переброшенной через Волгу на пароходах и выезженной у Старой Майны на Мелекесс — Бу-

гульму, быстро шагает на восток, тем самым создавая угрозу южной самарской группе белых. Белые отходят, 3 октября оставляя Сызрань, 7-го — Самару. Овладев 16 октября Бугульмой, армия продолжает дальнейшее движение на восток. В этот период начинает уже сказываться отсутствие пополнений для поредевших в боях частей, неорганизованность подвоза огнеприпасов и других видов снабжения. Особенно острым стал вопрос с обмундированием. В результате уже полученного опыта мы убедились в преимуществах стройной организации войск, и на походе 5-я армия свои отряды и группы реорганизует в две стрелковые дивизии — 26-ю и 27-ю. В состав этих дивизий вошли: 26-й — 6-й Петроградский (рабочий), 1-й народный Владимирский, Новгородский из рабочих и крестьян Порховского уезда, Старо-Русский, сводный, имени областного исполкома Западной области (Облискомзапа), 1-й Казанский советский, а затем Карельский из рабочих Петрограда и Мало-Вишерский полки и несколько батарей, из которых помню лишь Ржевско-Новгородскую, Путиловскую, Смоленскую и Тверскую, и один эскадрон конницы мазовецких улан; 27-й — 1-й Невельский, составленный из добровольцев 35-й дивизии старой армии, Оршанский из двух местных красных партизанских отрядов, Минский революционный полк, созданный еще при существовании старой армии из политических заключенных в Минске (большевиков и сочувствующих), Брянский советский, Курский, Тверской, Волжский — соединенный из 1-го и 2-го Московских революционных пол-

ков (назвался Волжским потому, что около Симбирска на Волге на пароходах подвезли друг к другу оба Московских и объявили, что отныне будут одним полком, — стрелки решили зваться Волжским); Крестьянский (из гомельского крестьянского отряда) и 2-й Петроградский полки с батареями: Вяземской, Оршанской, Крестьянской, Ленинской и Гомельской, и 2-й Петроградский кавалерийский полк.

Этот период нашей реорганизации был сопряжен с ослаблением фронта армии, так как организационная работа требовала временного последовательного отвода из передовой линии бригад.

В начале ноября уже восточнее р. Ик, когда две бригады 26-й дивизии отводились, белые (корпус Каппеля и бригада поляков) обрушились на 27-ю дивизию и, нанеся ей сильный урон, потеснили от Кандры-Кулсва к самой Бугульме, но ввод в дело организационно окрепших бригад 26-й дивизии и отряда ВЦИК, тогда находившегося еще в составе армии, первоначальный успех белых превратил в поражение. После этого началось наше безостановочное движение на Уфу — Бирск. Комитет Учредительного собрания после бесцеремонного обращения Колчака со всеми разновидностями эсеров и меньшевиков, входивших во временное сибирское правительство, переехавший из Самары в Уфу, перед своей неминуемой смертью сделал еще попытку приостановить наше продвижение к Уралу. В двадцатых числах декабря разгорелись довольно упорные и кровопролитные бои в районе Чишмы и севернее, но бои закончились полным успехом для нас, и в ночь на

31 декабря части 5-й армии уже без сопротивления со стороны деморализованных остатков учредилковской армии вступили в Уфу. Накануне этого комитет Учредительного собрания объявил себя распущенным, а остатки и до того мало слушавших комитет подлинно белогвардейских войск, оставаясь на фронте, перешли в безраздельное ведение «верховного правителя» адмирала Колчака. С этого времени укрывавшаяся до того за спиной чехов и учредилки черная реакция колчаковии предстала пред Красной Армией без всяких перегородок. Для усиления фронта Колчак кинул несколько новых дивизий, сформированных и обученных им под прикрытием чехов и войск учредилки, боровшихся с нами в поволжских степях. Сдерживая 5-ю армию, наступавшую в направлении Уфа—Златоуст, и теснимый на оренбургском направлении 1-й армией, Колчак в конце января предпринимает наступление против наших 2-й и 3-й армий в Пермском районе, стремясь захватить Ижевско-Воткинский район и бассейн Камы. До начала марта эта борьба длится с переменным успехом, но затем недостаток притока подкреплений на наш фронт приводит к резкому ослаблению частей, и они теряют упругость.

5-я, так же, как и другие (2-я и 3-я) левифланговые армии Восточного фронта, ослабла численно и, наткнувшись в предгорьях Урала на свежие силы белых, запнулась в наступлении, а затем, после ряда безуспешных попыток проникнуть в глубь Урала в марте 1919 г., с активизацией белых, покатила обратно к Волге.

Против наших армий Восточного фронта противником были сосредоточены более подготовленные, с опытным командным составом, лучше организованные и превосходные по численности силы в общем до 35 пехотных и 19 кавалерийских дивизий с боевым составом в 110 тыс. штыков, 40 тыс. сабель, 420 орудий и 1350 пулеметов. Все же силы Колчака к этому времени вместе с оккупационными войсками «союзных» держав насчитывали 290 тыс. штыков, 50 тыс. сабель, 600–700 орудий и 2000–2500 пулеметов. Сосредоточив значительный кулак в районе Дувай – Байки – Явгельдина, Колчак нанес удар в юго-западном направлении, смял и отбросил левый фланг нашей 5-й армии, создав угрозу выхода на тыловые пути сообщений нашей уфимской группы. Сделав отчаянную попытку противодействовать прорыву и охвату противника, наши 27-я и 26-я дивизии вынуждены были очистить район Уфа – Бирск. Развивая свой успех между флангами 5-й и 2-й соседних наших армий, Колчак вынудил к отходу армии Восточного фронта, за исключением крайнего правого фланга, удержавшего Оренбургский район.

Конец марта – начало апреля прошли в тяжелых неравных боях. Отступая, огрызались жестоко, но сил было мало. Буквально искромсанной белыми оказалась 27-я дивизия, несколько благополучнее отбивалась 26-я, но к концу апреля казалось, – вот-вот будем сброшены в Волгу.

Белым осталось два-три перехода до Волги. Партия бросила клич: «Все на Восток!» Рабоче-крестьянская масса поняла степень угрозы с Востока. Партия и профсоюзы

послали значительные силы. Налаживающиеся внутренние формирования обеспечили свежий приток войск. Силы Восточного фронта, и 5-й армии в частности, росли не по дням, а по часам. На южном (правом) фланге Восточного фронта была сгруппирована главная масса сил в составе 1-й, 4-й и 5-й армий под общим руководством тов. Фрунзе. Эти силы предназначались для нанесения глубокого флангового удара нависавшему над водой колчаковскому фронту. Во главе 5-й армии встал новый РВС и командующий армией Михаил Николаевич Тухачевский.

Значительная часть командного и политического состава дивизий, изнуренного тяжелыми боями и лишениями, была заменена свежими, еще не истрепанными работниками. К середине апреля наступление колчаковских армий начинает постепенно замедляться из-за усталости, недостатка свежих сил, неустойчивости тыла во вновь занятых районах, ранней в ту весну распутицы и разлива рек. Наш же фронт окреп. Приток сил ободрил полки. Наступательная способность вернулась в ряды войск, и 27 апреля пружина из сгустка людей, с одной стороны, теснимых с фронта, подпираемых подкреплениями с тыла — с другой, по короткому слову «вперед!» разжалась со страшной силой. Мы выигрываем бой со свежим корпусом Колчака на р. Самарке. Охватывающее в отношении к белым положение нашего правого фланга используется. В районе Бузулука сосредоточиваются значительные силы для нанесения удара с выходом в глубокий тыл колчаковских сил, оперирующих на самарском и симбирском направлениях.

Первые дни мая прошли в боях, не только вернувших нам инициативу, но и предрешивших откат колчаковцев за Урал. Поражения колчаковцев следуют с калейдоскопической быстротой. 4 мая нами занят Бугуруслан, 13-го — Бугульма, 17-го — Белебей. Белые, быстро откатываясь к р. Белой в надежде за ней искать опоры пошатнувшемуся фронту, делают настойчивые попытки овладеть Оренбургом, оставленным нами на попечение одних рабочих, которые с исключительной доблестью отбивают все атаки белых.

А.И. Корк

1887—1937

Старшим по возрасту среди подсудимых был командарм 2-го ранга Август Иванович Корк. Он родился в 1887 году в Эстонии, в бедной крестьянской семье. В 1908 году окончил Чугуевское пехотное училище, в 1914 году — академию генерального штаба. Во время первой мировой войны получил звание подполковника. Служба проходила в больших штабах.

В Красную Армию вступил добровольно. Был начальником штаба армии, начальником оперативного отдела штаба фронта, командовал Эстляндской, 15-й и 6-й армиями. Его армии отличились в боях под Петроградом, против белополяков, при прорыве врангелевских укреплений в Крыму, на Перекопе и Юшуке.

После войны Корк командовал войсками Харьковского военного округа, Украины, Туркестанского фронта, Кавказской Краснознаменной армии, Западного, Ленинградского и Московского военных округов.

С 1935 года он — начальник Военной академии им. М.В. Фрунзе.

На всех постах зарекомендовал себя талантливым начальником. Его заслуги отмечены тремя ор-

денами Красного Знамени и Почетным революционным оружием.

Арестованный 14 мая 1937 года, А.И. Корк на первых допросах отрицал свое участие в антисоветской организации. Однако через некоторое время его «сломали»: он написал на имя Ежова два заявления, в которых сообщал, что он является членом антисоветской военной организации, которую возглавляли Путьна и Примаков, и что с ними был связан Тухачевский. Потом в своих показаниях Корк писал все, что диктовали следователи.

А.И. Корк — автор многих работ по вопросам военной теории и истории. «Взятие перекопско-юшуньских позиций войсками 6-й армии» — одна из них. Работа представляет собой военно-исторический доклад, сделанный в Екатеринославской гарнизонной военно-научной аудитории 11 ноября 1921 года на вечере, посвященном памяти героев, погибших при взятии перекопско-юшуньских позиций 7—11 ноября 1920 года. В нем бывший командующий 6-й армией А.И. Корк делает анализ одной из операций гражданской войны. Публикация приводится в значительном сокращении.

«...Начало боевых действий. Отношение махновцев к Красной Армии не было достаточно ясно, и оставление отряда Каретника в нашем тылу казалось несколько нецелесообразным, поэтому командующий войсками фронта

поставил задачу — отряд Каретника выдвинуть вперед. Раз выяснилось, что Сиваш проходим, то представилась возможность выбросить этот отряд вперед для занятия в качестве плацдарма Литовского полуострова. Эта задача была дана 5 ноября командармом-6 в с. Ново-Николаевке, где стоял отряд, лично начальнику отряда Каретнику, который должен был ее выполнить в ночь с 5-го на 6-е, так как 7 ноября предполагалось перейти в общее наступление. Отряд Каретника двинулся через Сиваш, но, не доходя до Литовского полуострова, вернулся, и начальник отряда донес, что местность настолько болотиста, что о прохождении Сиваша говорить не приходится. 6-го числа была произведена новая рекогносцировка, которая показала, что доклад начальника отряда был ложный, так как Сиваш был вполне проходим.

Общее наступление предполагалось начать утром 7 ноября вследствие того, что рекогносцировки не были вполне закончены, а главное потому, что прибытие 52-й дивизии несколько задержалось: вследствие ее глубокого движения на юго-восток в сторону Чонгара дивизия прибыла в с. Владимировку лишь поздно вечером 6 ноября. Естественно, бросить утомленную дивизию для выполнения такой серьезной задачи казалось нецелесообразным. Однако, с другой стороны, имелись обстоятельства, которые, безусловно, заставляли торопиться с началом операции. Всем, конечно, ясно, что потеря нами каждого дня могла быть полезной только противнику: противник имел бы возможность улучшить свои позиции и занять более устойчивое

положение. Кроме того, ветер переменял направление—с вечера 6 ноября подул восточный ветер; стали поступать тревожные сведения, что вода начинает заполнять Сиваш. Это тоже заставило торопиться с началом операции. Ясно, что прохождение такой открытой равнины на протяжении десяти верст не могло быть осуществлено днем без значительных потерь, поэтому казалось более целесообразным нанести удар ночью. Командармом-6 было решено начать наступление 52-й и 15-й дивизиями, в том числе и отрядом Каретника, вечером 7 ноября, а именно в 22 часа. 51-я дивизия против Турецкого вала должна была начать действовать с рассветом 8-го; вместе с тем части 51-й дивизии, назначенные для обхода Турецкого вала с востока, должны были начать наступление одновременно с частями 52-й и 15-й дивизий, т.е. в 22 часа 7 ноября. В общем, не было и не требовалось одновременности начала наступления частей 51-й дивизии, так как участки имели разный характер и уже опыт показал, что действия ночью против Турецкого вала при наличии прожекторов у противника не могут сулить хорошего результата...

8 ноября с рассветом был сильный туман, и артиллерия, естественно, открыть огня не могла. Туман стал рассеиваться около 10 час. утра, с 10 час. и началась артиллерийская подготовка, которая длилась около четырех часов. Примерно к двум час. дня артиллерийская подготовка была закончена. Под прикрытием артиллерийского огня наши пехотные части — 152-я и Огневая бригады — подошли к проволочным заграждениям противника и приступили к

резке проволоки, что местами было выполнено удачно. Войска перешли в первую атаку в 14 час.

К 18 час. 8 ноября обстановка сложилась в следующем виде: части 51-й дивизии от Турецкого вала были отброшены после второй атаки; части 15-й и 52-й дивизий решительного успеха не достигли, так как противник все время переходил в контратаки. Но вместе с тем командарм получил от начальника 15-й дивизии непроверенные сведения, что наблюдается движение противника от Армянска в южном направлении. Эти сведения казались вполне правдоподобными, так как выход двух стрелковых дивизий во фланг и тыл силам противника, занимавшим Турецкий вал, создал критическое положение для этих частей противника. Командующим армией был отдан приказ 51-й дивизии немедленно возобновить штурм Турецкого вала, атакуя вал двумя бригадами, а остальные силы бросить на Караджанай, Армянск. 52-й дивизии нанести удар противнику в направлении на Армянск. 15-й дивизии продолжать наступление с целью овладения позицией между Сивашем и оз. Красным, Кроме того, 51-й дивизии была дана задача: после овладения Турецким валом продолжать безостановочное наступление в целях овладения на плечах противника юшуньскими позициями, а 52-я дивизия по выполнении задачи в Армянском районе должна была повернуть на юго-восток для совместного наступления с 15-й дивизией.

Между прочим, вода в Сиваше стала прибывать, и к ночи уже создалась угроза для 15-й и 52-й дивизий быть

отрезанными от своего тыла, но силами инженерных частей 15-й дивизии и местного населения на Сиваше был устроен небольшой вал, и благодаря этому дальнейшая прибыль воды прекратилась.

Задачи, данные командующим армией вечером 8 ноября, дивизиями не были в точности исполнены...

Наступление возобновилось только около 2 час. ночи. Части 152-й и Огневой бригад перешли в наступление на Турецкий вал (около 2 час. ночи) и хотя поступили донесения, что противник оказывает сильное сопротивление, но по тем данным, которые поступали в дальнейшем, выяснилось, что в это время противник начал полное отступление, оставив на Турецком валу арьергард. Турецкий вал был взят без особых потерь. Части 51-й дивизии, наносившие удар в обход фланга Турецкого вала, также запоздали, и окончилось тем, что противник безнаказанно ушел.

Части 51-й дивизии подошли примерно к 8 час. 30 мин. утра к Армянску, в то время когда в Армянске оставался только незначительный арьергард.

К вечеру 9 ноября 51-я дивизия, продолжая наступление в южном направлении, подошла к первой линии юшуньских позиций.

В общем, подводя итоги действиям 8 и 9 ноября, следует признать, что задача по овладению главной позицией противника была выполнена достаточно успешно и быстро; правда, если бы со стороны частных начальников и даже со стороны некоторых старших начальников не было

бы допущено шероховатостей в исполнении приказов, то, быть может, задача была бы выполнена еще быстрее.

Прорыв юшуньских позиций 10 и 11 ноября. Группировка сил противника: на участке от Каркинитского залива до оз. Красное занимали позицию войска 1-го армейского корпуса, марковская дивизия; на участке между оз. Красное и Сивашем — части 2-го армейского корпуса (13-я и 34-я дивизии), конный корпус Барбовича, 15-я пехотная дивизия и бригада Фостикова. Противник имел задачу упорно оборонять юшуньские позиции; в частности, в боевом приказе генерал Барбович указывал: «Ни одного шага быть назад не может; это недопустимо по общей обстановке; мы должны умирать, но не отступить». Противнику было совершенно ясно, что в случае потери юшуньских позиций все будет проиграно.

В прорыве юшуньских позиций принимали участие те же 51, 52 и 15-я дивизии; кроме того, 10 ноября была двинута на боевой участок Латышская дивизия. Командарм, учитывая полное отсутствие пресной воды в полосе перед юшуньскими позициями, а также отсутствие жилых помещений (стояли сильные морозы), поставил дивизиям задачу во что бы то ни стало, невзирая на потери, пройти все юшуньские позиции в одни сутки. Выдвижение Латышской дивизии на боевой участок несколько откладывалось, так как 9 ноября и в первую половину дня 10 ноября не миновала еще опасность удара противника из района перешейка между оз. Красное и Сиваш в северо-западном направлении для ликвидации нашего наступления, а Ла-

тышская дивизия являлась последним армейским резервом, при посредстве которого можно было бы противодействовать контрнаступлению противника.

51-я дивизия имела задачей прорвать позиции противника на участке между Каркинитским заливом и оз. Красным. 10 ноября до рассвета войска приступили к работе. 151-й бригадой были проделаны проходы в проволочных заграждениях. На рассвете части бросились в атаку и заняли первую укрепленную линию, отбросив противника на вторую линию. Дальнейшее наступление 151-й бригады было приостановлено убийственным огнем противника, который обстреливал бригаду не только с суши, но также с моря; в Каркинитском заливе появилось до двадцати вооруженных судов. Одновременно с 151-й бригадой, левее ее наступали 152-я и Огневая бригады, овладевшие также первой укрепленной линией.

Около 15 час. 151-я и 152-я бригады перешли в атаку на вторую линию, прорвали проволочные заграждения и ворвались в окопы, захватив 100 пленных, 15 пулеметов, 2 тракторных орудия и другие трофеи. Противник отступил на третью линию. Огневая бригада в это время наступала по перешейку между озерами Старое и Красное. Части 51-й дивизии, продолжая преследование противника, к полудню прошли третью укрепленную линию и вышли в район почтовой станции Юшунь...

Итак, 10 ноября дивизиям не удалось полностью выполнить поставленных задач. Наибольший успех был достигнут на правом фланге, где 51-я дивизия прошла три укреп-

ленные линии. Менее благоприятно складывалась обстановка на левом фланге, где за сутки удалось овладеть лишь первой укрепленной линией противника. Тем не менее следует признать, что благодаря упорству и героизму красных бойцов за день было достигнуто весьма многое...

В ночь с 10 на 11 ноября в районе почтовой станции Юшунь противник перешел в контрнаступление на части 51-й дивизии и несколько оттеснил наши войска.

Около 7 час. утра Латышская и 51-я дивизии возобновили наступление; атаковали последнюю укрепленную линию противника, прорвали ее и захватили много пленных. Противник, напрягая последние усилия и опираясь на огонь двух бронепоездов, трех автоброневиков, одного танка и тяжелых батарей, произвел ряд контратак; части Латышской дивизии под натиском противника отошли на третью линию юшуньских позиций. Однако при поддержке резервов дивизия снова перешла в наступление, преодолела упорное сопротивление противника и около 9 час. утра совместно с правифланговыми частями 51-й дивизии заняла железнодорожную станцию Юшунь, где было захвачено 200 вагонов с различными грузами, 20 млн винтовочных патронов, несколько десятков тысяч снарядов, винтовки, оружие, подбитый танк и прочее.

В это время на левом фланге армии события развивались в следующем порядке.

В ночь с 10 на 11 ноября в штабе 15-й дивизии были получены от перебежчиков сведения, что противник готовится к нанесению 11 ноября на участке нашей 15-й дивизи-

зии решительного контрудара для ликвидации нашего наступления. Для предупреждения противника около 3 час. ночи 44-я и 45-я бригады атаковали противника и выбили его со второй укрепленной линии перед своим фронтом.

Противник, подтянув резервы, при поддержке ураганного артиллерийского огня перешел в контратаку. Части 52-й и 15-й дивизий начали отход в северном направлении, на Литовском полуострове. Подтянулись последние резервы 52-й и 15-й дивизий. Наши части перешли вновь в контратаку. Противник около 10 час. снова был оттеснен на прежнюю линию. Однако упорный бой продолжался. Около 11 час. противник возобновил при поддержке офицерских батальонов корниловской и дроздовской дивизий контратаку и опять стал теснить наши войска.

В связи с создавшимся положением 51-я дивизия получила от командарма задачу ударить противнику, наседаящему на 52-ю и 15-ю дивизии, в тыл: 152-й и Огневой бригадами в обход оз. Красного с юга (по перешейку между оз. Красным и расположенным к востоку от него озером без названия), а отдельной кавалерийской бригадой — в общем направлении на Мурза—Кояш; 15-й и 52-й дивизиям в то же время было приказано продолжать самое энергичное наступление.

Совместными усилиями 51, 52 и 15-й дивизий вскоре было окончательно сломлено сопротивление противника. Он начал постепенное отступление. На перешейке между оз. Красным и Безымянным озером, что восточнее оз. Красного, отходившие части противника уничтожались или заби-

рались в плен 51-й дивизией; в это же время 15-я и 52-я дивизии, преследуя противника, продвинулись вперед верст на десять.

Латышская дивизия к 18 час. выполнила задачу и заняла линию Бой-Казак — Бешеул (исключительно); кавалерийский полк с автоброневиками бросился преследовать противника, отходившего на Евпаторию и Симферополь.

51-я дивизия к вечеру 11 ноября вышла на линию Бешеул — южная оконечность Безымянного озера (восемь верст восточнее почтовой станции Юшунь).

52-я дивизия к вечеру сосредоточивалась у левого фланга 51-й дивизии (южная оконечность Безымянного озера).

15-я дивизия продолжала преследование противника, который, бросая вооружение, снаряжение и прочее имущество, обратился в паническое бегство.

Операция по овладению перекопско-юшуньскими позициями к вечеру 11 ноября была закончена, и вместе с этим 11 ноября была решена участь врангелевской армии.

Общее паническое бегство противника. Дальнейшее движение в глубь Крыма шло без боев; лишь в районе Джанкоя произошли небольшие стычки.

Наши стрелковые дивизии с необычайной быстротой двинулись вперед. Латышская дивизия в ночь с 13 на 14-е заняла Евпаторию, 51-я дивизия 15 ноября уже заняла Севастополь 52-я дивизия 16-го заняла Ялту и Алушту.

16 и 17 ноября соседней 4-й армией были заняты Феодосия и Керчь».

Б.М. Фельдман

1890—1937

Комкор Борис Миронович Фельдман — солдат царской армии. В годы гражданской войны — начальник штаба бригады, дивизии. В 1921 году окончил Военную академию РККА и получил назначение — командиром корпуса в Приморский край Дальнего Востока. В дальнейшем служил начальником штаба ряда военных округов, начальником Главного управления Красной Армии (ГУРККА).

Он был арестован в мае 1936 года. С завидным упорством отрицал все обвинения. Но с арестом Тухачевского, Якира, Уборевича и других он, наконец, сдался. Подписал все требуемые суду документы.

На суде, ко всеобщему удивлению и негодованию обвиняемых, заявил:

— Я хочу передать народному комиссару внутренних дел СССР товарищу Ежову, что готов, если это нужно для Красной Армии, выступить перед кем угодно и где угодно и рассказать все, что я знаю о военном заговоре.

— Значит, заговор был! — подхватил Ульрих. — Был!

— Сломали-таки мужика, — промолвил кто-то из подсудимых.

В.М. Примаков

1897—1937

Комкора Примакова арестовали 14 августа 1936 года. В квартиру вошли четверо из НКВД, предъявили ордер на обыск, а потом ордер и на его арест. И увезли. Вначале держали в знаменитых Питерских «Крестах», а потом перевезли в Москву, в Лефортовскую тюрьму.

Примакова обвиняли в контрреволюционной деятельности. Пытались «связать» с немецкой разведкой с 1931 года, когда он учился в академии германского генерального штаба, потом с японской (в 1929 году он был в Японии военным атташе). Прощупывали на счет связи с Англией, когда он был военным атташе в Афганистане.

Однажды он заметил следователю: почему не допрашивают о его деятельности в Китае, где он был советником 1-й национальной армии.

— Возникнет необходимость, спросим и о том, — ответил следователь.

Долго допытывались о его второй жене, неизвестной Лилии Юрьевне Брик, с которой близкие отношения поддерживал поэт Маяковский.

Все обвинения Виталий Маркович отвергал, ни в чем себя виновным не признавал. В этом ему по-

мог прошлый опыт. Тогда за распространение среди солдат Черниговского гарнизона революционных листовок Киевский военно-окружной суд лишил его всех гражданских прав и навечно сослал в Сибирь, в отдаленный уголок Енисейской губернии.

Однажды нарком Ежов спросил следователя, как продвигается дело Примакова.

— Он все отрицает, ни в чем не признается, — ответил тот.

— Так выжмите из него необходимые показания. Мне что ли вас учить! Пустите его в оборот.

И в марте 1937 года его действительно пустили в оборот. Следователи, сменяя друг друга, допрашивали круглые сутки, не давая ни минуты сна. Побои, изощренные пытки, лживые обещания — таков был арсенал приемов допроса.

А в мае его вдруг стали допрашивать о другом — о его бывших начальниках: Тухачевском, Уборевиче, Якире. Требовали признания тех встреч и фактов, которые ему были неведомы.

— В интересах дела признай и подпиши. Этим смягчишь свою вину, — уговаривали следователи, подсовывая отбитый на машинке текст. — Тут все правда... Вот ручка, чернила... Поставь свою подпись.

Сопротивляться не было сил. Он подписал.

— И здесь... И здесь, — указывал следователь почти потерявшему сознание военачальнику, имя

которого в годы гражданской войны наводило на врагов страх и смятение.

Примаков командовал корпусом червонных казаков. Ему было двадцать лет, когда его избрали красным атаманом 1-го полка червонных казаков, и он повел их в первый дерзкий рейд, перейдя по льду Днепр, в тыл обороняющим Киев гайдамакам.

Противник никак не ожидал от красных такой дерзости, когда конные эскадроны появились в их тылу и стали все крушить и уничтожать на своем пути. В стане врага вспыхнула паника, казавшаяся несокрушимой оборона дрогнула — и покати-лась назад.

Это был первый рейд красных, червонных казаков под началом отважного Примакова, которого подчиненные боготворили, с которым были готовы идти в огонь и в воду. В боевом мастерстве его равняли с Буденным, Котовским, Мироновым, Думенко... Его называли первой саблей Украины. О нем, неустрашимом Примаке, слагали легенды, распевали песни.

Богат и славен... Примаков.
Полки на штурм он вел галопом.
Под грозный звон его клинков
Врата трещали Перекопа...

В военном понимании рейд — это особый вид маневра, когда отдельная войсковая часть или отряд, прорвав оборону противника, проникает на

значительную глубину в его расположение. Решительными действиями наступающие уничтожают находящиеся там войска, ликвидируют линии связи и пункты управления, воспрепятствуют подходу резервов, работу органов тыла управления. Каждый рейд требовал тщательной подготовки, высокой организованности и дисциплины, отваги и самоотверженности, а от командира — решительности, самообладания.

За годы гражданской войны Виталий Маркович совершил со своими червонными казаками тринадцать рейдов. Тринадцать!

В трудные дни осени 1919 года войска наступающей армии Деникина с неудержимой решительностью рвались к Москве. Казалось, что не было силы, которая смогла бы их удержать. На самый опасный участок была выдвинута 14-я армия Уборевича. На усиление ей были направлены красные конники Примакова.

После изучения сложившейся обстановки Примаков предложил направить его отряд во вражеский тыл.

— Пусть только латышская дивизия прорвет неприятельский фронт обороны. А уж там я развернусь, — убеждал он командарма и члена Реввоенсовета Серго Орджоникидзе. И убедил. Решение было принято.

2 ноября 1919 года стрелковые части прорвали деникинскую оборону. И в прорыв устремились примаковцы. За тридцать семь часов, в бурю и стужу, они углубились во вражеское расположение на 120 километров. 6 ноября они захватили Фатеж и Попыри, а вскоре ворвались в Льгов, где находились большие боезапасы Добровольческой армии.

После войны Виталий Маркович обобщил свой боевой опыт в научном труде, по которому учились тысячи конников. А в мае 1924 года, признавая его одним из лучших кавалерийских командиров, Примакова назначили начальником Высшей кавшколы в Ленинграде. В этой школе учились будущие маршалы Советского Союза, прославленные военачальники Г.К. Жуков, К.К. Рокоссовский, А.И. Еременко, И.Х. Баграмян. Питомцем этой школы был генерал армии И.А. Плиев — непревзойденный мастер стремительных рейдов в годы Великой Отечественной войны. Он не только продолжил опыт Примакова, но и, учитывая особенности войны, развил его, придав боевым действиям новые черты взаимодействия различных видов войск — кавалерии, танков, артиллерии, пехоты, авиации.

Примаков учил других и, готовясь к новой войне, учился сам. После пребывания военным атташе в Японии и командования 13-м стрелковым корпусом в Свердловске его с большой группой выдаю-

щихся полководцев, в которую входили Якир, Дубовой, Уборевич, Дыбенко, направили в Германию, в академию генерального штаба...

Человек широкой натуры и недюжинных способностей, он в мирные дни отдался литературному труду. Первой вышла книга военно-исторического плана — «Гражданская война на Украине», затем в московском журнале Примаков публикует воспоминания о своем необыкновенном опыте «Рейды конницы». Его пребывание в качестве военного атташе и советника в Китае, Японии, Афганистане нашло отражение в книгах «Записки волонтера», «По Японии», «Афганистан в огне». Пробует он себя и в художественной прозе: повесть «Митька Кудряш» и рассказы. Пишет он и стихи. Вот одно из них:

На степях на широких,
На курганах высоких,
У бескрайнего синего моря
Много крови пролито.
Много смелых убито,
Не стерпевших народного горя.
От того-то и весною
Ярко-красной волною
Алый мак из степи расцветает,
Головами колышет,
Былью грозною дышит,
О погибших в боях вспоминает...
Словно маки весною,
Ярко-красной волною
Верхи шапок казачьих алели,

Да в сраженьях жестоких
На степях на широких
Кони ржали и шашки звенели...
А теперь на просторе
У бескрайнего моря
Вольный труд на степях процветает,
Люд рабочий живет,
Звонко песни поет,
О погибших в боях вспоминает...

И вот он на скамье подсудимых. Он — враг народа, шпион и предатель Родины. От этой нелепости сердце обливается кровью, рвется на куски.

Но за годичное пребывание в тюрьме Примакова «сломали». Когда подошла его очередь для последнего слова, следователь попросил, чтобы подсудимый зачитал по имевшемуся документу текст. Примакову угодливо поднесли очки, и он начал читать.

— Я должен сказать последнюю правду о нашем заговоре, — неуверенно произнес он. — Ни в истории нашей революции, ни в истории других революций не было такого заговора, как наш, ни по целям, ни по составу, ни по тем средствам, которые заговор для себя выбрал. Из кого состоит заговор? Кого объединило фашистское знамя Троцкого? Оно объединило все контрреволюционные элементы, все, что было контрреволюционного в Красной Армии, собралось в одно место, под одно знамя, под фашист-

тское знамя Троцкого. Какие средства выбрал себе этот заговор? Все средства: измена, предательство, поражение своей страны, вредительство, шпионаж, террор. Для какой цели? Для восстановления капитализма. Путь один — ломать диктатуру пролетариата и заменить фашистской диктатурой.

Сидевшие на скамье подсудимых, переглянувшись, с полным недоумением слушали этот бред, ясно понимая, чьих рук это творение. Примаков же, неотрывно глядя в текст, продолжал читать:

— Какие же силы заговор собрал для того, чтобы выполнить этот план? Я назвал следствию больше 70 человек — заговорщиков, которых я завербовал сам или знал по ходу заговора... Я составил себе суждение о социальном лице заговора, то есть из каких групп состоит наш заговор, руководство, центр заговора. Состав заговора из людей, у которых нет глубоких корней в нашей Советской стране...

Кончив читать, Примаков отдал следователю лист и с отчужденным видом сел на скамью.

Напуская излишне официальную строгость, Ульрих говорит, что ни у кого из присутствующих заседателей нет сомнения в предательской деятельности Примакова. Об этом он сам заявил в своем «последнем слове».

«Неужели все верят тому, к чему меня принудили?» — проносится острая мысль. Примаков смот-

рит на сидящих за судейским столом заседателей. Вот сдержанно-тактичный командарм 1-го ранга Шапошников, начальник Генерального штаба. В 1931 году, когда командовал Ленинградским военным округом, он писал аттестацию на командира и комиссара 13-го стрелкового корпуса Примакова: «Развитой, интересующийся современным развитием военного дела командир. Знания совершенствует. Ум пытливый. С достаточной волей и настойчивостью. Инициативен. Энергичен. Умеет потребовать от подчиненных выполнения своих приказов. Подготовка частей корпуса вполне удовлетворительная. Много внимания уделяет строительству. Пользуется авторитетом. Вполне достоин выдвижения на должность помкомвойсками округа. Шапошников».

«Неужели этот человек, лучший штабист Красной Армии верит в мое предательство?»

Примаков переводит взгляд на сидящего у края стола седовласого Каширина, бывшего своего начальника, ныне командующего Северо-Кавказским военным округом. В 1933 году Каширин писал о нем в аттестации: «В должности состоит полтора года... Культурный, проверенный в боях гражданской войны, вполне сложившийся командир. Хорошо знает несколько передовых иностранных армий. За время пребывания в округе перевел с немецкого

и отработал на наших картах тактические задачи и военные игры, проигранные в 1933 году офицерами германского рейхсвера. Этот труд напечатан как полезное пособие для начсостава РККА.

В боевой подготовке округа участвует активно. Умеет хорошо организовать и поучительно провести занятия с высшим и старшим начсоставом... Во всей работе проявляет широкую инициативу. Каширин».

Теперь он и сам понял, что отдалил себя от прежних сослуживцев, боевых соратников... «Не выдержал пыток... Не выдержал!» — корил он себя.

Закатывался долгий июньский день, к зашто-ренным окнам зала заседания подступали серые сумерки. Прозвучала гневно-напыщенная, с ложным пафосом гнева прокурорская речь Вышинского. Он был беспощаден и требовал всем высшей меры наказания.

Его сменил розовощекий Ульрих. Он читал приговор скороговоркой, словно торопился закончить, наконец, начатый утром спектакль. Сидевшие за длинным столом заседатели слушали его, потупив головы, стараясь не глядеть на тех, кого они судили.

Всем восьмерым — Тухачевскому, Якиру, Уборевичу, Корку, Эйдеману, Фельдману, Примакову, Путне — приговор один: высшая мера наказания — расстрел. Приговор окончательный и обжалованию

не подлежит, приведение его в исполнение — немедленно.

И тут вдруг, в наступившей мертвой тишине, прозвучали слова Примакова.

— Я обращаюсь к членам суда, нашим боевым товарищам. Неужели вы не понимаете, что происходит? Сегодня вы судите нас, а завтра точно так же будут судить вас! Откройте глаза!..

Ему не дали договорить. Но слова его были пророческими.

Я.Б. Гамарник

1894—1937

Сидевших за дубовым барьером на позорной скамье было восемь, но подсудимых было девять. Одного не было — начальника Главного политического управления РККА, заместителя наркома обороны, армейского комиссара 1-го ранга Гамарника.

После первомайского праздника он неожиданно слег: обострился стародавний диабет. Его комната на квартире с кроватью, столом и телефоном стала рабочим кабинетом, куда дважды и трижды в день приходили его помощники с документами.

А в конце мая его посетил Тухачевский.

— Получил новое назначение, в Приволжский военный округ, — объяснил маршал.

— Знаю, знаю. — О таком решении он не мог не знать.

— Пришел попрощаться. Уезжаю завтра с женой. Обещали там долго не задерживать.

— Да, да, — сочувственно покачивал головой Ян Борисович.

— Поправляйтесь, Ян Борисович! — пожелал, прощаясь, маршал.

— Счастливого пути, Михаил Николаевич. Всего вам доброго.

Он, конечно, знал о той невидимой сети, которую плели для Тухачевского, предчувствовал надвигающуюся грозу и над другими командармами, занимающими ответственные посты в столице и на периферии. Более того, он чувствовал, что гроза заденет и его, начальника Главпура. Ведь разразилась же буря три месяца назад над Серго Орджоникидзе, вынудив того застрелиться! В газетах о самоубийстве члена Политбюро не было проронено ни слова, сообщалось, что подвело сердце, но он-то, Гамарник, знал причину кончины мужественного большевика. И когда в конце мая ему стало известно об аресте Якира, Уборевича, Эйдемана, Тухачевского, он понял, что не миновать ареста и ему.

В ту последнюю ночь больной не сомкнул глаз, лежал, прислушиваясь к ночным звукам и тяжким ударам сердца. И мысленно перед ним, словно кинолента, проскользнула вся его жизнь.

Он родился на Украине, в Житомире, в июне 1894 года. Юношей был вовлечен в революционное движение вначале в Петербургском, а затем в Киевском университетах. Принимал активное участие в подготовке Октябрьского вооруженного восстания в Киеве, был членом ревкома. Когда на Украину вторглись германские и австро-венгерские войска, он провел большую работу по мобилизации народа для отпора оккупантам.

Как один из руководителей большевистской фракции, решительно отстаивал ленинскую позицию о Брестском мире. Во время германской оккупации Украины и захвата ее буржуазными националистами вел большую работу по развертыванию партизанского движения в тылу врага. Он входил в состав ревкома, возглавившего вооруженное восстание в Харькове в начале 1919 года, был активным участником становления советской власти на юге Украины, членом РВС Южной группы войск 12-й армии, совершившей 400-километровый переход по тылам врага из района Одессы до Житомира, принимал участие в освобождении Киева.

По окончании гражданской войны Гамарник боролся с бандами, занимался восстановлением народного хозяйства. С 1923 по 1928 год он — председатель Приморского губисполкома, Дальревкома, секретарь Далькрайкома партии и член РВС Сибирского военного округа. Много внимания уделял укреплению обороны дальневосточных рубежей.

С конца 1928 года был первым секретарем ЦК КП(б) Белоруссии и членом РВС Белорусского военного округа. С октября 1929 года — начальник Политуправления Красной Армии и член РВС СССР. Одновременно он был ответственным редактором газеты «Красная звезда». Таков, кратко, был жизненный путь этого военного и политического деятеля.

Его взгляд упал на ковер. Там на кожаном ремне висела револьверная кобура. Непроизвольно рука потянулась к ней. Стараясь не потревожить спящих, он извлек из кобуры револьвер, погладил оружие, нащупал пальцами заложенные в гнездо барабана патроны. Все шесть на месте.

Припомнился случай, когда вот этот самый револьвер спас его от верной смерти. Дело было на Украине. Он с красноармейским отрядом гонялся за неуловимыми подвижными бандами Махно. После двухсуточного преследования штаб перемещался в небольшое село. Зима стояла морозная, снежная; дороги перемело, и колонна штаба растянулась. Устроившись в пахучем стоге сена-розвальней, он незаметно заснул.

— Бандиты, товарищ комиссар! — разбудил его крик возницы. — На нас скачет!

С недалекой опушки к дороге мчался на ярмом коне всадник. Конь утопал в рыхлом снегу по самое брюхо. С губ слетала кружевная пена.

— Гони! — крикнул Гамарник вознице, пытаюсь дотянуться до кобуры. Под широкополым тулупом она куда-то сползла, пальцы судорожно рыскали по жестким завиткам овчины.

— Пошли-и! Пошли-и-и! — хлестал вожжами неказистых лошадок перепуганный возница.

Все же они сумели оставить за собой махновца, и он мчался за ними с угрожающе вскинутой саб-

лей. Из-под черной лохматой папахи сверкали злые глаза.

— Стой! Стой! — всадник намеревался приблизиться так, чтобы ударом сабли сразить сидящего в санях начальника. То, что это был красный командир выдавала буденовка с нашитой алой матерчатой звездой. А он, Гамарник, никак не мог нащупать злосчастную кобуру. Наконец, достал ее, растегнул ремешок застежки, почувствовал холод металла.

— Ну, бородач, держись! — махновец наклонился со вскинутой для удара саблей.

Вырвав пистолет, Ян, не целясь, нажал на спуск. Выстрел оказался удачным: пуля угодила прямо в лоб махновца...

Потом мысль о зимней схватке сменилась событиями последних дней. Он, конечно, понимал всю сложность внезапно возникшей ситуации. Уж ему то были известны взаимоотношения в ведомственных кругах. Знал, что закрытое письмо Сталина, в котором вождь требовал усиления борьбы с затаившимися в стране врагами и диверсантами, выльется в массовые репрессии. Знал, что он, начальник Главпура Красной Армии, непременно войдет в обойму обреченных военачальников. И их, и его, конечно, будут судить. Но за что? За какое предательство?.. Впрочем, они найдут причину...

Он глянул в окно: там уже обозначился рассвет. Проходила бесконечно долгая ночь, которую он провел в тяжелых раздумьях. И навязчивой была мысль о лежащем под подушкой револьвере. Отделаться от нее не было сил.

Выстрел прозвучал под утро 31 мая...

Хоронили Гамарника 2 июня, это был день его рождения: исполнилось 43 года. Гроб в крематорий сопровождали три человека: жена, дочь и шофер. Он лежал в гробу в солдатской гимнастерке, без орденов. Их забрали накануне при обыске. После кремации выдали урну с прахом, сказав, чтобы место ее захоронения искали сами.

А через три дня семью выселили из квартиры и отправили в далекую ссылку.

12 июня 1937 года был опубликован приказ № 96 за подписью Ворошилова. В нем были такие строки: «... 11 июня перед Специальным Присутствием Верховного Суда СССР предстали главные предатели и главари этой отвратительной изменнической банды: Тухачевский М.Н., Якир И.Э., Уборевич И.П., Корк А.И., Эйдеман Р.П., Фельдман Б.М., Примаков В.М. и Путьна В.К.

... Бывший заместитель Народного Комиссара Обороны Гамарник, предатель и трус, побоявшийся предстать перед судом советского народа, покончил самоубийством».

Тот же Ворошилов, спустя тридцать лет, в 1967 году писал о Гамарнике совсем иное: «Вся сравнительно короткая жизнь Яна Борисовича Гамарника — это трудовой и ратный подвиг. От рядового коммуниста до крупного партийного руководителя — таков его путь. Ян Гамарник на любом посту работал с полной энергией. Он показывал пример простоты и скромности, органически не терпел кичливости и зазнайства. Он был настоящим большевиком-ленинцем. Таким он и остается в сердцах тех, кто знал его лично, в памяти всех трудящихся...»

Комментарии, как говорят, излишни.

12 июня 1937 года семьи осужденных военачальников находились в дороге в ссылное поселение.

С небольшим багажом под надзором сотрудников НКВД в переполненный вагон затолкали мать маршала Тухачевского Мавру Петровну, его жену Нину Евгеньевну, дочь Светлану. Ехали они в полном неведении о своей дальнейшей судьбе, не помышляя о том, что Астрахань, куда направлялся поезд, станет лишь первым этапом далекой сибирской ссылки. Не предполагали, что оттуда много лет спустя будет суждено возвратиться лишь Светлане.

На одной из остановок кто-то в вагон принес газету с сообщением о расстреле группы военных, как изменников Родины.

«Верховный суд вынес свой справедливый приговор! Смерть врагам народа! Приговор изменникам воинской присяге, Родине и своей армии мог быть только и только таким...

Вся Красная Армия облегченно вздохнет, узнав о достойном приговоре суда над изменниками, об исполнении справедливости. Мерзкие предатели, так подло обманувшие свое Правительство, народ, Армию, уничтожены...

Конечной целью этой шайки было — ликвидировать во что бы то ни стало и какими угодно средствами советский строй в нашей стране, уничтожить в ней советскую власть, свергнуть рабоче-крестьянское правительство и восстановить в СССР ярмо помещиков и фабрикантов.

Для достижения этой своей предательской цели фашистские заговорщики не стеснялись в выборе средств: они готовили убийства руководителей партии и правительства, проводили всевозможное злостное вредительство в народном хозяйстве и в деле обороны страны, пытались подорвать мощь Красной Армии и подготовить ее к поражению в будущей войне».

И закипели страсти. Газету рвали из рук.

— Это надо же! В гражданскую войну герои, а сейчас — предатели!

— Так им и надо! Собаке собачья смерть!

— Нашли, где творить черные дела!

Мавра Петровна с застывшим сердцем отрешенно глядела в окно, вытирая с лица слезы. Рядом с ней сидела разом постаревшая Нина Евгеньевна, кусала до крови губы. Она всеми силами старалась не выдать себя.

Не веря газете, Светлана осторожно, чтобы не вызвать подозрения у соседей, уговаривала мать и бабушку:

— Не надо, не надо плакать. Это неправда. Не может такого быть...

И словно услышав девочку, один из пассажиров громко заявил:

— Тут что-то не так. Тухачевского я знал, воевал под его начальством. Преданный он стране человек.

А в соседних вагонах ехали семьи Уборевича, Якира, Гамарника. Мерно стучали колеса, отбивая бесконечную дробь.

Глава вторая
РАСПРАВА НАД ТЕМИ,
КТО СУДИЛ «ВРАГОВ НАРОДА»

Еще до суда Сталин вызвал к себе Ульриха. Он не стал интересоваться ходом следствия, степенью виновности каждого. Сказал коротко: «Судить мерзавцев так, чтоб неповадно было другим». Этим было все определено. И потому, искушенный в судебных хитростях, он вел заседание 11 июня, уверенно, отсекая то, что уводило бы от намеченного плана и решения.

В день суда, перед тем, как объявить приговор, Ульрих, а вместе с ним и Ежов, снова были у Сталина.

— Как идет суд? — спросил он Ульриха.

Стараясь говорить коротко, военюрист доложил о заседании.

— Что говорил в последнем слове Тухачевский? — спросил его генсек.

Ульрих хотел было ответить, но его опередил Ежов.

— Этот гад говорил, что предан родине и товарищу Сталину. Но врет, паразит. По нему видно.

— А как вели себя члены Присутствия?

Теперь уже отвечал Ульрих:

— Достоинно вел Буденный, один лишь он. Пытались спрашивать Алкснис, Блюхер, да еще Белов. А остальные, в основном, молчали.

— Мне кажется, товарищ Ежов, к этим людям нужно присмотреться, — произнес Сталин и многозначительно посмотрел на наркома.

— Понятно, — поспешно ответил тот. — Будет исполнено.

— И какой же приговор?

Ульрих положил на стол раскрытую с документами папку. Сталин перевернул лист, другой.

— Согласен, можете идти.

Но согласия совсем не требовалось, потому что в ЦК республик, крайкомы и сбкомы уже ушел шифрованный секретный документ, в котором все было predetermined. Вот, что в нем говорилось: «В связи с происходящим судом над шпионами и вредителями Тухачевским, Якиром, Уборевичем и другими, ЦК предлагает вам организовать митинги рабочих, а где возможно, и крестьян, а также митинги красноармейских частей и выносить резолюцию о необходимости применения высшей меры репрессии. Суд, должно быть, будет окончен сегодня ночью. Сообщение о приговоре будет опубликовано завтра, т.е. двенадцатого июня. Секретарь ЦК Сталин».

Документ был отправлен 11 июня в 16 часов 50 минут, т.е., когда еще суд шел и приговор не был объявлен. Его чтение закончили только поздним вечером, в 23 часа 36 минут. Всем — расстрел.

— Приговор окончательный и обжалованию не подлежит, — прозвучало в тишине пустого зала.

После расправы над военачальниками в стране долго еще посылали мертвым проклятия, обвиняя их в тяжких грехах, и пели восторженные дифирамбы славным чекистам из НКВД и их «железному наркому», зоркому Ежову. В газетах писали: «Народный комиссариат внутренних дел под руководством непреклонного и стойкого большевика тов. Ежова раскрыл тех, кто думал, что их не коснется рука пролетарской диктатуры, раскрыл мерзкую агентуру мирового фашизма. Свою преступную работу врагам спрятать не удалось».

На имя Ежова шли тысячи организованных Москвой поздравлений. Самого наркома называли верным учеником товарища Сталина, преданно и успешно руководящим бдительным органом защиты страны, выкорчевывающим охвостье враждебных классов и групп.

Отмечая образцовое и самоотверженное выполнение важнейших заданий правительства, большая группа работников НКВД была награждена ордена-

ми. Сам Ежов удостоился ордена Ленина. Ранее ему было присвоено звание генерального комиссара государственной безопасности, что соответствовало армейскому званию маршала.

Разразился целой поэмой народный поэт из Казахстана Джембул, перевод стихов которого осуществил ловкий стихотворец К. Алтайский. Вот отрывок из этого «шедевра соцреализма»:

В сверкании молний ты стал нам знаком,
Ежов, зоркоглазый и умный нарком.
Великого Ленина мудрое слово
Растило для битвы героя Ежова.

Разгромлена вся скорпионья порода
Руками Ежова — руками народа.
И Ленина орден, горящий огнем,
Был дан тебе, сталинский верный нарком.

Миллионноголосое звонкое слово
Летит от народов к батыру Ежову:
Спасибо, Ежов, что тревогу будя,
Стоишь ты на страже страны и вождя!

Суд над Тухачевским и его соратниками послужил началом расправы над военными кадрами нашей армии и флота. Уже заведены досье о «преступной деятельности» не только на тысячи командиров-военачальников, подозреваемых во враждебной деятельности, но и на тех, кто судил Тухачевского,

Якира, Уборевича, Примакова. В сейфах НКВД на третьем этаже Лубянки лежали досье на Буденного, Блюхера, Шапошникова, Тимошенко, Конева, Егорова, Рокоссовского, Кулика и многих других военачальников. О, у наркома поистине «ежовы рукавицы».

На высокий пост этот невзрачный, маленького роста, худенький человек был назначен по рекомендации Сталина в сентябре 1936 года. Генсек разглядел в нем черты беспрекословного исполнителя его повелений. Именно такой и был ему нужен.

В школе он учился всего два или три года, приобрел специальность портного, потом слесаря, но всюду проявлял активность и умел внушить начальству впечатление деловитого человека.

В 1919 году его назначили комиссаром радишколы. Не зная радиодела, он ни во что не вмешивался. В 1925 году в Москве Ежов встретился с партийным чиновником, ведавшим кадровыми делами, Москвиным. Тот устроил его в свой административный аппарат. Он-то и сумел продвинуть Николая в высокую партийную сферу. Закрепившись в кресле наркома, Ежов «отблагодарил» своего попечителя. 14 июня 1937 года И.М. Москвин с вехом Ежова был арестован, а 27 ноября расстрелян. Да только ли на совести Ежова его благодетель.

тель! Его жена (она была второй), настороженная подозрительностью мужа, умоляла: «Колюшенька! Очень тебя прошу, настаиваю проверить всю мою жизнь, всю меня... Я не могу примириться с мыслью о том, что меня подозревают в двурушничестве, в каких-то несодеянных преступлениях». Но никакие клятвенные заверения не помогли. Она угасала на глазах. Ее не могли спасти даже лучшие московские врачи. Осенью 1938 года она скончалась. Врачи записали в акте причину смерти: отравление люминалом.

В июле 1938 года заместителем Ежова был назначен Берия. Он фактически стал руководителем наркомата. А 8 декабря 1938 года занял пост наркома.

Ежов стал народным комиссаром водного транспорта. И сразу же на него завели следственное дело, в котором он изобличался в изменнических, шпионских связях с польской и германской разведками и враждебными СССР правящими кругами Польши, Германии, Англии и Японии.

Ежова арестовали 10 апреля 1939 года. 2 февраля 1940 года был суд. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила его к расстрелу. Через два дня — 4 февраля 1940 года приговор был приведен в исполнение.

Так закончилась карьера маленького палача, но период злосчастной «ежовщины» продолжил его преемник Лаврентий Берия.

Уже через девять дней после суда над Тухачевским и высшими начальниками в стране были арестованы, как участники военного заговора, 980 командиров и политработников. В их числе 29 комбригов, 37 комдивов, 21 комкор, 16 полковых, 17 бригадных и 7 дивизионных комиссаров.

Н.Д. Каширин

1888—1938

Первым из числа заседателей, судивших Тухачевского и мнимых «заговорщиков», пострадал командарм 2-го ранга Николай Дмитриевич Каширин. Его последняя должность — командующий войсками Северо-Кавказского военного округа. В ней он пребывал с 14 июня 1931 года по июль 1937 года. После окончания позорного судилища он был отстранен от должности командующего, получил новое назначение в наркомате Обороны. В действительности же им «занялись» следственные органы НКВД. Сбывалось пророчество Примакова. Тогда, обращаясь к заседателям, он сказал: «Неужели вы не понимаете, что происходит? Сегодня вы судите нас, а завтра точно так же будут судить вас!»

Автору книги довелось однажды, еще в школьные годы увидеть легендарного командарма. На ипподроме проводились большие скачки, и командующий вручал победителям призы. Он запомнился седовласым, подтянутым, строгим. Белая гимнастерка, перетянутая ремнем и портупеей, на алых петлицах четыре ромба, на груди два боевых ордена...

Н.Д. Каширин — уроженец Верхнеуральска, выходец из состоятельной казачьей семьи, его отец

почти четверть века избирался атаманом. В 1909 году Николай окончил Оренбургское юнкерское училище, затем служил в русской армии, в частях Оренбургского казачьего войска. Участник первой мировой войны, подьесаул. За проявленное в боях мужество и отвагу был награжден несколькими офицерскими наградами. Энергичный, храбрый, хорошо знающий военное дело, Каширин пользовался высоким авторитетом среди личного состава.

В марте 1918 года он сформировал в Верхнеуральске казачий добровольческий отряд, с которым гонялся за бандами Дутова. Объединив казачьи отряды, Каширин выступил с ними на помощь Самарской красной армии. 16 июля 1918 года его избрали главкомом Уральской партизанской армии, которая действовала в тылу белогвардейских войск на Южном Урале.

Это был легендарный рейд в белогвардейском тылу, имевший целью соединение с регулярными частями Красной Армии. В результате мятежа направлявшегося во Владивосток Чехословацкого корпуса, откуда он был должен эвакуироваться в Европу, партизанские отряды Южного Урала оказались отрезанными от главных сил советских войск. На собрании командиров отрядов было решено прорваться через захваченные белочехами районы к

главным силам Восточного фронта, вышедшим к Екатеринбург. Там же, на собрании Николай Дмитриевич Каширин был избран главнокомандующим объединенным партизанским отрядом. Его заместителем назначили Василия Константиновича Блюхера.

Выступив 18 июля, отряд в ходе восьмидневных ожесточенных боев с белоказаками атамана Дутова сумел продвинуться на незначительное расстояние и в силу превосходства неприятеля вынужден был отойти. В бою Каширин был тяжело ранен. Командование принял его заместитель Блюхер.

В 54-дневном походе партизаны прошли по горам, лесам и болотам Урала более полуторатысячи километров, провели двадцать боев, нанесли поражение пяти белогвардейским и чехословацким полкам.

Каширин, не оправившись от ранения, стал заместителем Блюхера, а вскоре принял командование дивизией. Это было знаменитое, прославившееся в гражданскую войну соединение, получившее наименование 30-й Краснознаменной Иркутской дивизии.

Каширин помнил первый бой подчиненной ему дивизии против сильного противника, превосходившего красное соединение во всем.

Войска Колчака перешли в наступление 4 марта 1919 года. Переправившись по льду через Каму,

они нанесли главный удар по частям «тридцатой». Под напором превосходящих сил правофланговые полки стали отходить. Красные воины дрались с упорством обреченных. И сумели-таки устоять. Этим воспользовался комдив. Сосредоточив части с неатакованных участков, он нанес удар во фланг прорвавшейся группировки и вынудил ее отступить.

В начале августа 1919 года Каширина назначили комендантом Оренбургского укрепрайона. При назначении его на эту должность Реввоенсовет Восточного фронта учитывал не только его организаторские и командирские качества, но и то, что в этом крае его хорошо знали и уважали. Затем был Туркестан, где он возглавил 49-ю крепостную дивизию.

В 1920 году он — командир 3-го кавалерийского корпуса, участвовал в разгроме Врангеля на Южном фронте. Взаимодействуя с другими соединениями, корпус освободил Мелитополь, Геничesk, Керчь.

После гражданской войны Каширин командовал различными войсковыми соединениями. С 1925 по 1931 год он — помощник командующего войсками Уральского, Белорусского, Московского военных округов. С июня 1931 года — командующий войсками Северо-Кавказского военного округа.

В июле 1937 года Каширин был переведен в Москву на должность начальника Управления боевой подготовки РККА. По прибытии он был арестован.

Его допрашивали долго и методично, вынуждая дать нужные следователям не только показания о своей деятельности, но и компромат на нужных им военачальников. Так, в одном деле имеется документ допроса Каширина. В нем следующая запись: «Арестованный и осужденный Каширин Н.Д. 17 февраля 1938 года показал: «Кроме того, мне пришлось наблюдать неоднократно особую служебную и личную близость к Егорову командующего Примгруппой Федько, комвойск СКВО Тимошенко».

Егоров осужден.

Подтверждая в своих показаниях в апреле 1938 года близость Тимошенко к Егорову, Каширин говорил о причастности Тимошенко к контрреволюционной группе: «Лично я неоднократно имел возможность наблюдать, что Егоров поддерживал особо близкие служебные и личные отношения с такими командирами, как Тимошенко. Стремление Егорова к созданию вокруг себя нездоровых группировок тогда повторялось и в БВО. Егоров в то время сгруппировал вокруг себя почти всех крупнейших командиров, которые тогда работали в БВО. Это были следующие: Тимошенко (был тогда ко-

мандиром 3-го кавалерийского корпуса, в последнее время — комвойск СКВО)...»

Для пояснения напомним, что Егоров в упомянутый период с 1927 по 1931 год был командующим войсками Белорусского военного округа. С 1931 года он — начальник штаба РККА, преобразованного позже в Генштаб.

О методах «признания» подследственных читателю уже известно. И не трудно догадаться, что от Каширина «выбивали» компромат на маршала Егорова, одного из опытных военачальников того времени. И он, как и многие другие, вызывавшие подозрение, окажется арестованным, подследственным и судимым. Но о нем рассказ ниже.

Каширина судили через год после группы Тухачевского, в июне 1938 года. Судила «тройка», заседавшая в течение 15—20 минут, в которые решалась судьба человека. Присутствие адвоката не допускалось, приговор был окончательным и обжалованию не подлежал, к тому же в исполнение приводился немедленно. По документам суд состоялся 14 июня 1938 года.

Позже было установлено, что на одном из допросов Каширина присутствовали Молотов и Ворошилов. Он им заявил: «Не верьте ничему, чтобы я ни писал в своих дальнейших показаниях... Никакого военного заговора нет, арестовывают зря ко-

мандиров. Я сам говорю это не только от своего имени, но по камерам ходят слухи от других арестованных, что вообще заговора нет».

Ворошилов его спросил: «Почему же вы дали такие показания?» Указывая на следователя, Каширин ответил: «Он меня припирает показаниями таких людей, которые больше чем я. Ко всему ж еще дело довершают побои...» Последнее сообщение об истязаниях осталось без внимания. На следующий день Каширин подвергся жестокому избиению.

Е.И. Горячев

1892—1938

Когда судили группу Тухачевского, за судейским столом рядом с Кашириным сидел в качестве заседателя комдив Горячев. Он командовал кавалерийским корпусом, дислоцировавшимся в Киевском военном округе, в городе Проскурове (ныне — Хмельницкий).

Елисей Иванович был истым конником. Родился он в одной из станиц Южного Дона, в 1892 году, в казачьей семье. По обычаю, с малых лет был приучен к седлу, и мальчишкой лихо скакал, вызывая у взрослых удивление.

В царской армии Е.И. Горячев дослужился до чина подпоручика.

Признав революцию, он без колебаний вступил в ряды Красной Армии. Уже в 1918 году он стал командиром сотни 1-го Советского полка. Весной 1919 года он — начальник разведки 3-й бригады кавалерийской дивизии в Первой Конной армии Буденного. В декабре — офицер-порученец в полевом штабе Первой Конной, где его служба была связана с выполнением ответственных заданий самого командарма и штаба. Все поручения он выполняет блестяще.

В марте 1920 года Горячев получает новое назначение — помощник командира особого полка при штабе Первой Конной армии. Вскоре он становится командиром 1-го кавалерийского полка кавалерийской бригады особого назначения.

Елисей Иванович показал в боях отличные командирские качества. За бои под Родзивилом против белополяков он удостоился высокой награды — ордена Красного Знамени. Вторым орденом он был награжден за разгром банды одного из белогвардейских генералов на Северном Кавказе в сентябре 1921 года. О награждении его третьим боевым орденом свидетельствует Приказ Революционного Военного Совета Союза ССР от 22 февраля 1930 года. «В ознаменование исполнившегося десятилетия Первой Конной армии, проделавшей героический боевой путь, беспримерной в истории борьбы пролетариата с многочисленными его врагами, ЦИК СССР, по ходатайству Реввоенсовета СССР, постановил наградить орденом Красного Знамени особо отличившихся бойцов Первой Конной армии за их беззаветную преданность, героизм и личную храбрость...» Среди одиннадцати военачальников, удостоенных третьего ордена Красного Знамени, указано имя Горячева Елисея Ивановича. В это время он командовал кавалерийской дивизией.

В 1937 году для участия в судебном процессе над группой высших военачальников Буденный

назначил его, командира одного из лучших кавалерийских корпусов, к тому же носящих имя Сталина. Не предполагал легендарный командарм, что посылал своего любимца на верную погибель, что судьба отмерила ему всего год жизни.

О судьбе командира кавалерийского корпуса автору настоящей книги рассказал заслуженный конник, генерал-лейтенант Сергей Ильич Горшков. В войну он командовал 5-м Гвардейским донским кавалерийским казачьим корпусом, который совершил большой боевой путь от донских степей к кавказскому предгорью, а оттуда на южном крыле наступающих советских войск к голубому Дунаю и снежным Альпам.

— Знал ли я Горячева? — спросил он, когда я обратился к нему. — Конечно, Елисея Ивановича я знал очень хорошо. Ведь я был начальником отдела кадров округа. И помню лето 1938 года, когда в округе проводились большие учения. Руководил ими Тимошенко и присутствовал на них нарком Ворошилов. После завершения учения командир корпуса почувствовал себя плохо, спросил разрешение отбыть в Проскуров. По прибытии на место неожиданно умер. Сердце вроде бы не выдержало...

Но не знал старый генерал правды. Покончил с собой Елисей Иванович. Тогда такое случалось не редко. Он ушел из жизни вслед за тем, с кем сидел рядом на том суде: за командармом Кашириным.

П.Е. Дыбенко

1889—1938

Через день после злопамятного судилища Дыбенко был у Ворошилова.

— Вы ознакомились с приказом 96-м? — спросил нарком.

— Так точно, — ответил Дыбенко по-военному коротко.

— Ну и как звучит? Сильно?

— Сильней вряд ли можно написать.

Польщенный ответом, Ворошилов промолчал. Перевел разговор на другое.

— Вчера звонили из Ленинграда. Просили, чтобы вы не задерживались с отъездом. — Дыбенко не стал спрашивать, кто звонил: безошибочно догадался, что беспокоил наркома первый секретарь. — Вам нужно отбыть туда завтра.

Вагон подцепили к утреннему поезду «Красная стрела», и Павел Ефимович почти всю дорогу просидел у окна. Мимо проносились дорогие сердцу российские просторы, но он их не замечал. В салоне вагона находился он один, никто не мешал отжаться своим, отнюдь не спокойным мыслям. Они были тяжелыми, тревожными и сводились к недавнему, дню 11 июня, когда судили, и он тоже был в

числе судивших и подписал, как и остальные, смертный приговор недавним своим боевым соратникам. В их вину он не очень верил. Несмотря на потуги Ульриха и Вышинского изобличить подсудимых, в их словах угадывалась предвзятость и фальсификация.

И теперь вспоминались слова Примакова: «Сегодня вы судите нас, а завтра точно так же будут судить вас!»

«Неужели будут судить и его, Павла Дыбенко? — остро кольнула мысль. Она показалась нелепой. — Нет, нет! Его судить не за что! Не он ли отдавал до конца всего себя делу революции?» И тут же возражал себе: «А они разве меньше имели заслуг?»

Впрочем, ему к суду не привыкать. Судили не однажды и каждый раз трибуналом, где приговор, как правило, суровый, беспощадный. Только немногим выпадало счастье остаться живыми.

В конце февраля 1918 года из Петрограда под Нарву, куда выдвигались немецкие войска, был направлен возглавляемый Дыбенко сводный отряд моряков, численностью более тысячи человек. По прибытии на место отряд поступил в распоряжение начальника Нарвского боевого участка, бывшего царского генерала Парского. В разработанном плане контрнаступления отряду моряков отводилась особая, даже главная задача. Но Дыбенко отказал-

ся ее выполнять, ссылаясь на понесенные отрядом потери и усталость моряков. А потом усугубил свою вину самовольным отъездом с фронта. Дело Дыбенко передали в ревтрибунал. Пока шло следствие, он, тяжело переживая случившееся, по-прежнему занимался делами, выполняя отдельные поручения.

Во время судебного процесса выяснилось, что связь между отдельными отрядами во время боев была организована плохо, недостаточно велась разведка, отряды действовали без необходимой согласованности. Да, и сам командир моряков не имел необходимой выучки для выполнения сложной боевой задачи. Не найдя в действиях Дыбенко состава преступления, ревтрибунал оправдал его. Однако он был отстранен от должности народного комиссара по военно-морским делам и исключен из партии.

Вскоре его направили в Крым для работы в подполье в немецком тылу. Но там ему не повезло: немецкая контрразведка напала на его след, а вскоре арестовала. Он сидел в одиночке, ожидая суда. И тогда же созрел дерзкий план побега. Обезоружив охранника, он уже добрался до выхода из тюрьмы, когда его схватили, свалили с ног и безжалостно избили. Ночью его перевезли в Симферопольскую тюрьму, в одиночную камеру смертников. Наутро должны были расстрелять.

Но последовал вызов к командующему немецкими оккупационными войсками.

— Вас надо было расстрелять, — заявил генерал Кош. — Приказ об этом подписан. Но мы решили принять предложение большевиков.

Его обменяли на 12 пленных кайзеровских офицеров, взятых в плен частями Красной Армии.

Прибыв в Ленинград, он прежде всего явился в обком партии, имел там долгую беседу, а 15 июня 1937 года подписал приказ о своем вступлении в должность командующего Ленинградским военным округом — последний этап его необыкновенной, полной тревог и побед жизни. Далеко не каждому удавалось такую прожить.

Он родился на Брянщине, в селе Людково, что неподалеку от небольшого городка Новозыбково. Семья, хоть и многочисленная, но бедная: в хозяйстве имелась лишь одна корова.

В мае 1908 года, когда Павлу исполнилось 19 лет, он покинул родные места и подался на заработки в город Ригу. Через четыре года призвали на военную службу, на Балтийский флот, в Кронштадт. И закружил его вихрь революции!

Смелый, решительный, он принял активное участие в революционных выступлениях матросов на линкоре «Император Павел». Последовал арест и

после 6-месячного тюремного заключения его отправили на фронт.

После Октябрьской революции он — нарком по военным и морским делам Советского правительства. Один из организаторов советского военно-морского флота. Активный участник гражданской войны. В начале 1919 года командовал группой войск на Украине, затем 1-й Заднепровской и другими дивизиями. Отличился в боях под Царицыным. Участвовал в подавлении Кронштадтского мятежа.

По окончании гражданской войны Дыбенко был направлен на учебу в военную академию. В последующем командовал стрелковыми корпусами и занимал ответственные должности в Красной Армии. С 1928 по 1938 год — командующий войсками Среднеазиатского, Сибирского и Приволжского военных округов.

О тех годах и встречах с командующим войсками Среднеазиатского военного округа позже вспоминал генерал армии Николай Григорьевич Лященко: «Первую мою встречу с П.Е. Дыбенко можно отнести к числу неожиданных. Мы, курсанты Ташкентского военного училища, возвращались из Дома офицеров, шли мимо домика командующего на улице Пушкинской. Вдруг подъехала машина. Из нее вышел Павел Ефимович Дыбенко. Узнать его можно было издалека: высокий, красивый, бородатый человек, грудь которого украшали три ордена Крас-

ного Знамени. Мы остановились. Павел Ефимович спросил:

— Курсанты?

— Так точно.

Пожал всем руки.

— В увольнении были?

— Да, — ответили мы. — На вечере, посвященном Льву Николаевичу Толстому.

— А вы читали его книгу «Война и мир»?

— Да, конечно.

— Молодцы! Надо читать каждый день не менее 20 страниц. — И пожелал удачи.

А в 1931 году войска округа провели последнюю крупную операцию по ликвидации басмаческих банд в Туркмении. Участвовало в ней и наше училище. Войсками руководил лично П.Е. Дыбенко. Перед погрузкой курсантов в эшелон приехал Павел Ефимович, собрал нас и выступил с речью и с пожеланием вернуться с победой.

Бои оказались нелегкими. Они велись в жару, в песках Каракумов. Мы задачу выполнили...

В 1932 году мы закончили учебу. В ходе экзаменов я набрал больше всех баллов. На выпуск приехал Дыбенко. Нас собрали в клубе училища. За читали приказ о присвоении званий... Потом Павел Ефимович наградил лучших выпускников. Среди них был и я. Он вручил мне в подарок охотничье ружье...»

Генерал Лященко служил в Северо-Кавказском военном округе. И оттуда в 1965 году получил назначение в Ташкент на должность командующего войсками ТуркВО.

Командарма Дыбенко арестовали в начале 1938 года. На руках его жены Зинаиды Викторовны Карповой оставалось двое детей, младшему — 5 лет. Это была вторая жена Павла Ефимовича, моложе его на одиннадцать лет. Он познакомился с ней в начале 30-х годов в Куйбышеве.

А первой его женой была небезызвестная Александра Михайловна Коллонтай. Рожденная в семье генерала, она порвала связь с прошлым, отдавшись революционной деятельности. На 1-м съезде Советов, в 1917 году, была избрана членом ЦИК от большевиков. Позже вошла в состав первого Советского правительства в качестве наркома социального обеспечения.

Дыбенко и Коллонтай познакомились в 1917 году, она была старше лихого моряка-балтийца, возглавлявшего Центральный комитет Балтийского флота, на 17 лет. Это было первое советское бракосочетание. В начале 20-х годов Коллонтай была назначена послом в Норвегию, и они навсегда расстались.

Его судили в последних числах июля 1938 года. Несмотря на тяжесть применяемых мер при допро-

сах, он остался непреклонным: своей вины не признал и никого не оклеветал.

Дыбенко расстреляли 29 июня 1938 года в Москве.

К десятой годовщине Красной Армии в газете «Известия» была опубликована его статья «Штурм мятежного Кронштадта». Предлагаем ее вашему вниманию в незначительном сокращении.

Штурм мятежного Кронштадта

С ораниенбаумского берега в туманной молочной дымке виден остров Котлин. Узкая чернеющая полоска острова, обрамленная рамкой беспредельного ледяного покрова, будит далекие воспоминания.

Котлин — Кронштадт, служба в Балтфлоте, героическая революционная борьба моряков и тысячи других картин уходящего в историю прошлого проносятся в памяти.

Кронштадт был неприступной цитаделью, грозной силой и верной опорой Советской власти в дни наступления генерала Юденича, восстания на форту Красная Горка и английской интервенции. Всегда и неизменно развевались над ним и на мачтах стоявших в заливе судов красные стяги. Имя «Кронштадт» долгие годы наводило страх и ужас на врагов трудового народа.

Но почему Кронштадт поднял знамя восстания против Советской власти? Корабли, форты и город снова в руках адмирала Вильнека и генерала Козловского. Забыты слав-

ные революционные подвиги и традиции старых моряков балтийцев. «Матрос» Пестриченко и подобные ему прислужники махровых черносотенцев наложили позорное, грязное пятно на красный Кронштадт. Сегодня эти пресловутые «матросы», изменники своим братьям, готовятся дать кровавую битву красным бойцам, в ряды которых крепким цементом вкраплены старые моряки революционного Балтфлота.

Крепко стиснуты зубы красных бойцов. Непобедимой решимостью скованы их лица. Холодной сталью блестят глаза. Они готовы каждую минуту броситься в бой, вырвать Кронштадт из рук предателей, снова зажечь этот красный маяк и снова повернуть его пушки против врагов Советской власти.

Черносотенные генералы и предатель Пестриченко со своей кликой последний день властвуют в Кронштадте. Это решено. Завтра, 17 марта, под ударами штурмующих красных полков Кронштадт будет взят. Надо спешить, пока не почернел и не стал рыхлеть под лучами по-весеннему поднимающегося солнца лед.

Красные войска готовятся к штурму...

Где-то вдаль монотонным журчанием зашумели моторы аэропланов. Все ближе и ближе гудят парящие в воздухе наши стальные птицы. Вот они уже надо льдом и держат направление на Котлин. Плавными кругами, точно ястреба, парят они над крепостью. Секунда, другая — и один за другим раздаются оглушительные взрывы брошенных с аэропланов бомб. Ближе слышен шум моторов уходящих от

Котлина машин. Снова заговорили своим зловецим языком орудия. Мятежники не жалеют пушек и снарядов. Все чаще и чаще рвутся снаряды над Ораниенбаумом, в окружающем его лесу, над нашими батареями. С кораблями «Петропавловск» и «Севастополь», находящимися в руках мятежников, всдет перестрелку своими 12-дюймовыми пушками форт Красная Горка. Спрятавшись за кустарники, пристреливаются по фортам наши легкие батареи... Как науки, ткут свои тенета связисты, связывая телефонным кабелем батареи с наблюдательными пунктами.

На планшетах командиров батарей одни за другими отмсчаются пристрелочные данные. Только один впереди стоящий артиллерийский дивизион отстал в пристрелке. Бойцы нервничают. Они боятся, что в момент штурма огонь их батарей будет недействителен. Им, как и всем, хочется без промаха бить по врагам. Еще и еще выстрел — опять недолет!

«Сколько до берега?» — «Полтора километра». — «Выкатить пушки на лед. Пристреляться со льда. Поближе будет вернее».

Пушки вылетают на лед. Противник, заметив, открывает ураганный огонь. С бешеным визгом рвутся его далеко перелетающие снаряды.

Батарея на льду быстро пристреляла цель: «Недолет», «Перелет», «Вилка», «Батареей правее — огонь!». Общий радостный крик бойцов: «Прямо по форту!», «Угадали!»

Последние отблески догорающего дня как бы украдкой скользнули по верхушкам деревьев и положили фиолето-

вые блики на широком пространстве серебристого ледяного простора. Быстро надвигались вечерние сумерки. На заливе надо льдом начали подниматься клубы тумана. Быть завтра туманному утру! В этой ожидаемой молочной мгле предутреннего часа красные полки должны завтра, штурмуя крепость, ворваться в Кронштадт.

Вечерняя гемнота, смешавшись с густым туманом, затянула непроницаемой завесой остров Котлин. Спускающаяся ночь, видимо, заставляет нервничать кронштадтских мятежников. Лучи прожекторов острова Котлин через непроницаемую сеть тумана сияются прорезать вечернюю мглу, щупают небо, лижут ледяной покров залива, стараются впитаться в берега Ораниенбаума. Неразгаданная загадка — что делается на стороне красных — волнует их. Снова загрохотали пушки мятежников. Все сильнее и сильнее канонада. Наши батареи, приготовившись вовремя, без опозданий и промаха, отвечать в минуты штурма, молчат. С каждой минутой обстрел усиливается. Мятежники тысячами разорвавшихся снарядов словно пытаются предупредить, предотвратить штурм... Напрасно! Приказ о штурме отдан. Его последний пункт гласит: «Ровно в 6 час. 17 марта атакующим колоннам ворваться в Кронштадт. К 17 час. штаб дивизии перейдет в Кронштадт... Умереть, но победить». Никакая сила теперь не отменит отданного приказа и принятого решения. Еще раз под грохот выстрелов и рвущихся кругом снарядов проверяем заставы и спуски на лед. На завтрашних путях следования штурмующих колонн устанавливаются вехи из срубленных веток ель-

ника. На каждый маршрут подано на лед по три провода связи. Командный пункт также опутан проводами. От всех батарей артиллерии и пунктов следования полков и бригад тянутся к нему телефонные линии.

Пламя пожаров стихало. Постепенно воцарялась гробовая тишина. Смолк рев пушек. Только лучи прожекторов, силясь пронизать густой туман, окрашенный в оранжевый цвет заревом пожаров, бесцельно метались в пространстве.

До начала штурма оставалось два часа. Надо хоть на минуту уснуть.

17 марта. Час 30 мин. Под покровом ночи и густого тумана бесшумно один за другим спускаются на лед красные полки, чтобы одним верным и решительным ударом покончить с мятежниками, вырвать Кронштадт из рук черных сил реакции и снова водрузить над ним Красное знамя Советов.

Одетые в белые халаты, в походных колоннах движутся вперед полки. Соблюдается полнейшая тишина. Лишь изредка слышна негромкая отрывистая команда. Слабо поскрипывает под сотнями ног снег. За колоннами непрерывной змеей тянется телеграфная связь в несколько проводов. Во мраке ночи на белом снегу чернеют точки: это контрольные посты с припавшими ко льду телефонистами, ежеминутно проверяющими связь. Пронизывающий и особо ощутимый на льду ночной холод заставляет их сворачиваться в клубочки и еще плотнее прикипать к аппаратам. В цепи движущихся колонн — артиллерийские на-

блюдатели, а впереди них штурмовики с лестницами, мостками, пожницами и гранатами. За колоннами маленькие сапки с пулеметами.

Через каждые пятнадцать минут командиры бригад доносят о пройденном пути. Один за другим непрерывно звонят на командном пункте телефоны. Со льда доносят: «Настроение бойцов отличное и бодрое».

Все дальше и дальше уходят наши колонны.

Вновь нервно заметались по льду и берегу лучи прожекторов противника, стараясь нащупать и открыть наступающие колонны. С нашего берега кем-то подаются сигналы лампой Мапжена. Противник не спит. Его шпионы за работой. Немедленно приняты меры. Через полчаса шпион пойман и расстрелян. Прожекторам, бессильно борющимся с туманом, не удастся нащупать наши колонны.

В 2 часа 15 мин. на лед выступили последние резервные полки. В штурмовых колоннах рядовыми бойцами идут впереди делегаты X съезда партии, в том числе Ворошилов, Бубнов, Затонский и другие.

Момент развязки приближается. Внимание напряжено. Слух ловит каждый звук. В 4 часа 30 мин. на левом фланге, возле фортов, сухо и как-то растерянно затрещал пулемет. Это бригада Тюленева атакует форты. Еще минута — и треск десятков пулеметов и непрерывные залпы винтовок взорвали царившую до того тишину. Загрохотали пушки мятежников. Через десяток минут издали донеслись крики «ура», и снова, как бы прислушиваясь, все замерло.

Форт № 1 взят!

На участке трех бригад сводной дивизии гробовая тишина. Поступают одно за другим донесения: «Бригады подошли на полтора километра к Кронштадту».

Наступил решительный момент.

Алло! Алло! Телефоны не работают. Временные порывы связи. Одна за другой сметены контрольные станции, а вместе с ними и беззаветные герои-связисты.

Через 20 минут 32-я бригада ворвалась на Петроградскую пристань Кронштадта. Командир бригады тов. Рейтер ранен. За двадцать минут боя бригада понесла потери не менее 30 процентов своего состава. Потери командного состава доходят до 50 процентов. Однако, несмотря на это, бригада не дрогнула и в своем наступательном порыве двигается вперед, уничтожая противника.

Бригада тов. Тюленева в течение часа боя понесла невероятные потери. Колонны бойцов поредели в полках на 50 процентов. В строю осталось не более 40 процентов командного состава. Расстрелянная бригада перед рассветом отошла в тыл, приведена в порядок и снова, без малейших колебаний, бросилась на штурм. Один из батальонов 167-й бригады, действовавший на участке Сводной дивизии, не выдержал при штурме Кронштадта бешеного огня противника и начал отступать. Сзади двигался резервный полк тов. Фабрициуса. Последний, боясь, чтобы и его полк не заразился паническим настроением отступающих, тут же на льду, под ураганным огнем противника, приказал полку лечь, а сам, не сгибаясь, ходил среди лежащих рядов и отдавал приказанья. На помощь ему подоспели тт. Воро-

шилов и Бубнов. Через три-четыре минуты полк был поднят и стремительно брошен в атаку.

Когда вспоминаешь теперь героизм, проявленный бойцами, шедшими в голове штурмующих колонн, командным составом и делегатами X съезда партии, то не находишь слов для описания. Это были прямо-таки сказочные и легендарные подвиги, которые могла совершить только классовая, Рабоче-Крестьянская Красная Армия.

К 6 час. бригады ворвались в город. Приказ был выполнен. Однако противник, не сумевший с достаточной стойкостью защитить подступы Кронштадта, с ожесточением дрался на его улицах.

Расстроженные в атаках на подступах Кронштадта и понесшие значительные потери, особенно в командном составе, ворвавшиеся в город полки не смогли быстро овладеть всем городом. При отсутствии у нас артиллерии (передвинуть ее с берега мы не могли), бронемашин и минометов, каждый дом приходилось брать приступом. С каждым часом боя наши потери увеличивались. Во многих частях совершенно не осталось командного состава. Тут же на улицах приходилось собирать группы и бросать их в бой под руководством оставшихся в живых делегатов X съезда.

Десятки раз с группой численностью около роты тов. Ворошилов бросался в атаку, всякий раз подвергая себя неминуемой смертельной опасности. Вспоминается один из случаев такого риска. Товарищи Ворошилов, Бубнов, я и ряд других лиц находились в помещении, наскоро приспособленном под штаб. Дом, где мы были, стала окру-

жать большая организованная группа мятежников. Товарищ Ворошилов, выбежав из штаба, принял командование над небольшим отрядом и бросился на врага. В несколько минут группа была оттеснена, и тов. Ворошилов предложил лжематросам, которые входили в состав этой группы, начать переговоры о сдаче. Те согласились. Бесстрашно двинулся тов. Ворошилов к кучке выжидательно стоявших мятежников. Едва он подошел к ним шагов на двадцать, как подлые предатели открыли по нему огонь из пулемета. Товарищу Ворошилову пришлось укрыться за выступом забора, находясь все время под градом пуль. Наши бросились на выручку и обратили в бегство гнусных убийц.

Через некоторый промежуток времени вся эта группа мятежников была окончательно разбита отрядом под командой тов. Ворошилова.

В бою за овладение Кронштадтом не было тех, кто хотя бы на секунду задумал спасти свою жизнь.

Только к 7 час. вечера бой начал затихать. Противник, окончательно разбитый и деморализованный, спасался бегством в Финляндию.

В этот день Рабоче-Крестьянская Красная Армия, ее командиры и влившиеся в полки рядовыми бойцами ответственные работники Советов еще раз подтвердили несокрушимость воли рабочего класса к победе над своими классовыми врагами.

Кронштадтский мятеж был подавлен.

Кронштадт снова стал грозной крепостью и твердым оплотом для защитников морских подступов к Советскому Союзу. И зорким часовым стоит теперь красный Кронштадт на страже Октября.

И.П. Белов

1893—1938

После ареста Уборевича в должность командующего войсками Белорусского военного округа заступил командарм 1-го ранга Иван Панфилович Белов. До того он командовал войсками столичного округа.

Один из офицеров, назначенный в августе 1937 года на ответственную должность в штаб этого округа, был принят новым командующим.

— Я доволен, что вы назначены в штаб Белорусского округа, — заявил Белов, перелистав личное дело. — Надеюсь, что вы оправдаете наши надежды.

— Спасибо, — ответил офицер и, впад в излишнюю откровенность, продолжил: — Хотя не скрою, что надеялся попасть в Киевский округ, где служил раньше.

Явно недовольный таким заявлением, Белов изменил тон:

— Через три дня вам необходимо быть в Смоленске. Мы приступаем к подготовке больших маневров.

Привычный к начальственному положению, Иван Панфилович имел характер твердый, настойчивый, и потому для иных казался человеком не-

уравновешенным, вспыльчивым, излишне самоуверенным.

Рассказывали, как он, будучи командующим войсками Северо-Кавказского военного округа, приехал в Грозный, в 28-й стрелковую дивизию. Осматривая казарму, приказал в расположении одной роты открыть заплombированную на лето печь. Она оказалась полна золы. Потребовав ведро и совок, командующий сам ее очистил.

— Командира роты с должности снять, — решительно приказал он, покидая помещение.

А на осеннем учении руководитель учения, не привыкший щадить самолюбие подчиненных, допустил нетактичность по отношению к командиру корпуса. Докладывая обстановку, комдив Петровский сообщил, что одна из дивизий форсировала реку и успешно продвигается.

— Этого не может быть. Мосты на реке условно взорваны. Дивизию отвести назад.

— Дивизия переправилась вброд, — уточнил командир соединения.

— Нет там брода, — заявил командующий.

Петровский изменился в лице, хотел возразить, но с трудом сдержался. Вскинул, отдавая честь, руку, вытянулся:

— Так точно, никакого брода через реку нет. Я вам солгал, дивизия переходила по мосту. — И, четко повернувшись, удалился.

Немного спустя, командующий с группой руководства выехал к реке и увидел, как вброд через реку переправляются тыловые части.

— А ведь брод-то и на самом деле есть, — проговорил он, разводя руками.

Иван Панфилович Белов родился в бедной крестьянской семье близ Череповца. Закончив начальную школу, он дальнейшее свое образование совмещал с нелегкой работой. Экстерном сдал экзамены за учительскую семинарию. В годы первой мировой войны служил унтер-офицером.

В 1917 году Белов был избран председателем солдатского комитета 1-го Сибирского запасного полка, дислоцировавшегося в Ташкенте. Являясь комендантом крепости и начальником гарнизона, он в январе 1919 года подавил левозсеровский мятеж в городе. В этом же году вступил в РКП(б). После этого был назначен главкомом войсками Туркестанской республики. Блестяще провел операцию против бухарского эмира, участвовал в подавлении белогвардейского мятежа в Верном (Алма-Ата) с 12 по 19 июня 1919 года.

Иван Панфилович был начальником 3-й Туркестанской дивизии, а комиссаром — Дмитрий Фурманов, автор известных романов «Чапаев» и «Мятеж». В последнем произведении он описал трагические события, разыгравшиеся в далеком среднеазиатском

городе Верном. Показал он и роль начальника дивизии в подавлении контрреволюционного мятежа.

Презирая опасность, Белов вел переговоры с мятежниками. Его действия одобрил командующий Туркестанским фронтом М.В. Фрунзе, пообещал направить Белову помощь. Мятеж охватил почти все части гарнизона, в самом городе не было сил, поддерживающих советскую власть. Однако это не сломало волю красного командира, не возникло мысли об отступлении, о попытке спасти собственную жизнь. Он делал все, чтобы выиграть время до подхода направленного в город бронеполка, сильного кавалерийского полка. Над командованием нависла смертельная опасность, но Белов, Фурманов и их сторонники не пали духом, делали все, что было в их силах, чтобы победить. И они добились своего.

В 1921/22 году Белов — командир стрелковой дивизии, участвует в подавлении кулацких мятежей на Кубани. Затем учеба на высших академических курсах в Академии Генерального штаба. По ее окончании Белов командует стрелковым корпусом, а потом вступает в должность помощника командующего войсками Северо-Кавказского военного округа. С 3 ноября 1927 года по 14 июня 1930 года он — командующий СКВО.

Трудно переоценить роль Белова в становлении советской власти в России и, в частности, в Сред-

ней Азии и на Кубани. В 1935 году в числе немногих он удостоивается высокого звания командарма 1-го ранга, приравненного позже к званию генерала армии. За боевые подвиги он награжден двумя орденами Красного Знамени и Почетным оружием.

Белова арестовали в начале 1938 года, обвинив во вредительской деятельности и шпионаже. Суд состоялся 28 июля, а ночью он был расстрелян.

В газете «Красная звезда» за 1924 год была опубликована статья И.П. Белова об установлении советской власти в Туркестане. Вот ее текст.

Туркестан

Крайне важно хоть в общих чертах осветить вооруженную борьбу Туркестана за советскую власть. Туркестан находился в исключительных условиях: ему пришлось вести борьбу на театре, отрезанном от Советской России, ему приходилось не только создавать красные части и военные учреждения, но даже организовывать кустарное производство боеприпасов. Тем не менее пролетариат Туркестана победил!

1. Борьба за Власть Советов

12 сентября 1917 г. началась активная борьба за власть Советов в Туркестане. На громадном объединенном митинге рабочих и гарнизона гор. Ташкента был избран

Революционный комитет с тов. И.О. Тоболиным во главе. Этот комитет краевой властью был арестован. Громадная толпа рабочих и солдат потребовала освобождения и избила командующего войсками генерала Черкеса и некоторых членов комитета Временного правительства в Туркестане.

13 сентября 1917 г. Керенский объявил Ташкентский гарнизон и рабочих бунтовщиками. Временное правительство дало генеральному комиссару Туркестанского края чрезвычайнейшие полномочия на право всеми способами вести борьбу с нарождающейся советской властью.

В период с 12 сентября до 27 октября борьба ограничивалась забастовками и стачками.

Но 28 октября белогвардейские банды напали на 1-й Сибирский стрелковый полк. Полк бросил клич рабочим Среднеазиатских и Бородинских мастерских, и все они, как один человек, явились за получением оружия. Начался уличный бой. Рабочие влились в полк, в бою ими руководили старые, опытные солдаты-ветераны мировой войны, под общим руководством Революционного комитета. С 28 по 31 октября рабочие и солдаты 1-го Сибирского стрелкового полка бились в упорных, кровавых уличных боях с отборными белогвардейскими частями и победили их.

Переворот в Ташкенте был совершен и молчаливо признан всем краем. Скоро во всех городах стали организовываться Советы. А вслед за тем был созван красной съезд. 15 ноября съезд избрал краевой орган власти — Совет Народных Комиссаров Туркестанского края.

2. Дутов и казаки

Вновь организованное правительство Туркестана ясно сознавало, что самое существование новой власти может быть укреплено и обеспечено только борьбой: перед ним во весь рост вставала сложная задача создания обороны края.

Спешно формируется военный комиссариат. Комиссариат берет на себя учет оружия, людских и конских ресурсов и приведение в порядок частей старой армии, расквартированных в Туркестанском крае (семь пехотных запасных полков, семь полесвых батарей и гарнизон крепости Кушки). Создается штаб Красной гвардии, который спешно приступает к организации отрядов Красной гвардии. Ядро этих отрядов — главным образом железнодорожные рабочие. Все отлично понимают, что надо создавать военную силу как можно скорее, тем более что в Оренбурге в это время объявился атаман Дутов. 1 января стало известно, что Дутов перерезал железную дорогу и отрезал Туркестан от центра РСФСР.

Необходимо тотчас же начинать вооруженную борьбу и пробить образованную Дутовым пробку. Наспех из рабочих и солдат старой армии сколачивают несколько отрядов, которые под командой военного комиссара бросаются к Оренбургу.

После ряда боев в ночь на 21 января туркестанские отряды и центральные войска одновременно врываются в Оренбург. Связь с центром восстановлена, разбитый Дутов бежит на север, к Верхнеуральску. Но почти в то же

время обнаруживается новая угроза. Со стороны Каспийского моря двинуты атаманом Калединым в полном вооружении 11 эшелонов казаков. Им поставлена задача нанести неожиданный удар Туркестану.

Пришлось набирать силы для действия на другом направлении.

А казаки двигались с юга, не встречая на своем пути сопротивления. Они не задерживаясь прошли Ашхабад, Чарджуй и Коканд, разложившиеся гарнизоны которых даже не послали донесений о движении, и уже подходили к Самарканду. Когда правительство Туркестана узнало об опасности, навстречу калединским казакам спешно выехала делегация с задачей их задержать. В эту минуту правительство Туркестана не имело в своем распоряжении ни одного вооруженного солдата, и при делегации не было никакого отряда. Но все же с помощью рабочих и воинских частей гарнизона гор. Самарканда делегации удалось задержать движение казаков, хотя и не удалось отстоять Самарканда.

Это дало возможность накопить и сгруппировать силы. Казаков дальше Тамерлановских ворот не пустили. 14 февраля у ст. Ростовцево, Среднеазиатской железной дороги, рабочие, солдаты 1-го Сибирского стрелкового полка и часть солдат 7-го Сибирского полка дают наступающим казакам жестокий отпор, доказывая свою стойкость и преданность революции.

События разворачиваются с лихорадочной быстротой. Туркестан вступил в полосу тяжелой, напряженной борьбы. Враг наступал со всех сторон! Враг находился в самом Туркестане!

3. Ферганская авантюра

Еще раньше в Фергане организовалось так называемое автономное правительство Туркестана, поставившее себе целью свержение советской власти. Оно формирует войска и ведет пропаганду среди мусульман, а в конце января захватывает ряд городов Ферганской области, разгоняет и избивает сотрудников советских организаций, вынужденных группироваться на станциях железной дороги, прерывает железнодорожное сообщение, разбирая полотно, разрушая мосты.

С большими усилиями собрали и сформировали отряды и все, что смогли, бросили на ликвидацию этой авантюры. Красные отряды разбили части автономного правительства Туркестана, и положение, казалось, было восстановлено. Но не было сил для того, чтобы повести организационную работу по укреплению советской власти в области. В городах удалось создать небольшие гарнизоны, вооружить всех рабочих и организовать Советы. Но в кишлаках муллы и баи провоцировали население, разжигая религиозный фанатизм. Вся Фергана покрылась широкой сетью басмаческих организаций. Басмачи в течение целых пяти лет вели долгую, упорную борьбу с советской властью.

4. Опять Дутов

Немного утихло в Фергане, как спровоцированное население Бухары и ее армия по молчаливому одобрению эмира принялись разрушать железную дорогу и избивать железно-

дорожных служащих. Часть сил, освободившихся в Фергане, пришлось перебросить в Бухару. Не успели ликвидировать бухарскую авантюру, как вновь появившийся старый знакомый, атаман Дутов, перехватил железную дорогу и прервал связь Туркестана с центрами до лета 1919 г. А в мае 1918 г. образовался новый, Семиреченский, фронт, отдаленный от Ташкента на сотни верст и связанный с ним только плохими грунтовыми дорогами.

Положение было очень тяжелое, и в первые пять месяцев существования советской власти не было возможности приступить к какой бы то ни было планомерной работе по организации военной силы. Некогда и некому было об этом думать. Много затруднений представлял и Закаспийский фронт, где мы имели дело с англичанами. Командовал этим фронтом тов. Б.Н. Иванов. Все силы и помыслы были направлены на устранение вновь возникающих опасностей. Военная сила Туркестана создавалась исключительно коллективным творчеством в полном смысле этого слова. Все и вся, кто был на стороне советской власти и мог носить оружие, независимо от занимаемой должности, принимали деятельное участие в вооруженной борьбе. Председатель Совета Народных Комиссаров принимал участие в боях как простой ординарец, так как в его распоряжении была самая лучшая лошадь.

5. Красная Армия

Уже в первые месяцы 1918 г. правительство Туркестана поставило себе задачей начать правильную организа-

цию Красной Армии. Но из кого ее формировать? Коренное население Туркестана никогда на военной службе не служило. Чтобы призвать его и обучить, нужны инструкторы, учителя, а их в то время в крае не было. Призывать крестьян тоже было невозможно, так как крестьянство Туркестана было охвачено кулацким, враждебным советской власти настроением. Поэтому кадр организуемых частей Красной Армии был составлен из солдат старой армии. Первыми отозвались члены союза георгиевских кавалеров, потом были составлены отряды интернационалистов (из военнопленных мировой войны).

Как трудно было формировать части, так же трудно было и создавать аппарат военного управления. Единственным верным способом обеспечить правильное питание боеприпасами было восстановление связи с центрами. Долго решали вопрос, куда нанести удар, чтобы добиться этой связи. Мнения разделились; были предложены два варианта энергичного наступления: одни предлагали наносить удар по оренбургскому, менее угрожавшему непосредственно Туркестану, другие — по забайкальскому — более опасному — направлению.

Недостаток боеприпасов вынудил окончательно остановиться на оренбургском варианте. Из имеющихся запасов отдали все, что могли, войсковой группе под командой тов. Зиновьева. Через две недели после отбытия последних частей этой группы положение Туркестана стало еще тяжелее, так как снова возникла забота о защите Туркестана по оренбургскому направлению. Первые месяцы надеялись на

скорую поддержку, но с каждым днем надежды эти становились слабее. Наконец из Москвы по радио были получены неблагоприятные вести. Пришлось рассчитывать только на себя и держаться в крас собственными силами.

6. Огнеприпасы

Самым болезненным вопросом был вопрос о ликвидации наступающего голода огнеприпасов. Как ни трудна и ни опасна без соответствующего оборудования подобная работа, но нашлись люди, решившие организовать изготовление и снаряжение боеприпасов кустарным способом. Гильзы имелись в достаточном количестве, порох, хоть и плохой, нашелся. Пули умудрились отлить, хотя и без оболочки, своим способом (медные). Стали готовить ружейные патроны и переснаряжать снаряды. Работа была очень опасная, много людей пострадало, но это не смущало никого. Работа кипела, и производство шло непрерывно.

Так протянули до начала 1919 г., который принес с собой много новых тяжелых ударов.

7. Измена Осипова

Военный комиссар Туркестана Осипов (бывший офицер), убедивший всех, что он состоит в партии большевиков с 1913 г., оказался предателем. В ночь на 19 января он поднял восстание против советской власти и попытался объявить военную диктатуру.

Ему удалось привлечь на свою сторону 2-й Сибирский стрелковый полк, к нему примкнуло много офицеров, часть

учащейся молодежи и все те, кто в глубине души ненавидел советскую власть. Казалось, все обещало ему удачу, он перебил почти всех видных деятелей советской власти, на его стороне было громадное преимущество в силах. Четыре дня на улицах города шел кровавый бой.

Но могучая воля рабочих и оставшегося верным советской власти гарнизона крепости вышла победительницей из этой жестокой и неравной борьбы. Банды восставших белогвардейцев были разбиты. Их ждала заслуженная жестокая кара. Большинство их было беспощадно уничтожено, только незначительной части удалось бежать в горы. Осипов скрылся из Ташкента с кучкой оставшихся ему верными приверженцев, которых он вскоре бросил и почти в одиночестве перебрался в Персию.

Авантюра Осипова была неожиданным изменнически-подлым ударом в спину советской власти. Тяжело и болезненно отозвался этот удар. Очень немногие из видных партийных работников, и то только случайно, остались в живых.

8. Победа

Восстание ликвидировано. Гнусный изменник трусливо бежал, но нанесенный им удар был настолько тяжел, что приходилось заново организовывать власть и восстанавливать положение. С большим трудом создали временный Военно-революционный совет, был созван чрезвычайный съезд, избравший Туркестанский ЦИК и Совет Народных Комиссаров. На этом же съезде был избран

Военно-революционный совет Туркестанской республики и главнокомандующий войсками. Было запово организовано военное управление – создан главный штаб, руководивший всей работой по обороне Туркестана до приезда тов. Фрунзе.

После январских событий 1919 г. и организации РВС Туркестанской республики дело обороны ее было в твердых руках. Связь с центром была восстановлена! Центр пришел на помощь Туркестану, и с прибытием воинских частей из центра положение советской власти в Туркестане окончательно укрепилось.

Вспоминая через пять лет, как рабочие Туркестана боролись за советскую власть, я остановился только на самых значительных и тяжелых минутах борьбы. Я только хотел показать, как самоотверженно боролась в этом громадном крае небольшая кучка пролетариев, одушевленных горячим желанием дать свободу трудящимся, и как ни разу, ни при каких испытаниях она не сдала своих позиций.

В страшной, непрерывной борьбе, окруженные со всех сторон врагами, поражаемые гнусными, предательскими ударами в спину, создавались сильные полки Красной Армии в Туркестане.

Я.И. Алкснис

1897—1938

Нелегким был путь у литовского парня Якова Алксниса, прежде чем он стал начальником Военно-Воздушных Сил и заместителем наркома обороны СССР по авиации, командармом 2-го ранга.

В марте 1917 года его, двадцатилетнего батрака, мобилизовали в армию. По окончании Одесской военной школы в чине прапорщика направили на Западный фронт, и там его подхватила революционная волна, закружила в водовороте политической жизни. Честностью и неподкупностью, принципиальностью и трезвостью мышления он завоевал авторитет.

Алксниса назначили комиссаром Донской области, потом военным комиссаром Орловской губернии. Был комиссаром в 55-й стрелковой дивизии, которая участвовала в боях против деникинцев.

В 1924 году Алкснис окончил Военную академию РККА. В 1929 году без отрыва от исполнения обязанностей заместителя начальника управления ВВС РККА — Качинскую военную авиационную школу, овладел техникой пилотирования. Летом того же года он совершил рекордный беспосадоч-

ный перелет из Москвы в Севастополь. Получил звание военного летчика.

В 1931 году он стал начальником ВВС РККА и членом Военного совета НКО СССР. С именем Алксниса связано зарождение военно-воздушного флота, его развитие и совершенствование организационной структуры, оснащение ВВС новой боевой техникой и овладение ею в условиях, приближенных к боевым. Он принимал активное участие в организации полетов в Арктику, на Северный полюс, а также знаменитых трансокеанских перелетов военных летчиков Чкалова, Громова, Коккинаки и других.

Вот как писал о нем известный летчик, Герой Советского Союза, генерал-полковник авиации Михаил Михайлович Громов: «Алкснис всегда был в курсе всех более или менее значительных событий в авиации, глубоко вникал в вопросы подготовки кадров, в учения и маневры, в испытания самолетов... Стиль его работы можно определить так: целеустремленность, инициатива, глубина, страстность, творчество. Со всем пылом и настойчивостью он добивался, чтобы советские авиаторы летали выше, дальше и быстрее всех. А как ненавидел Алкснис подхалимство, бахвальство и верхоглядство. Яков Иванович был резок, требователен и чуток. Именно он направил Чкалова по правильному пути.

Валерий Чкалов обучался стрельбе и бомбометанию в группе, которой руководил я. Он был храбр и бесстрашен, в нем бурлила энергия, переливавшаяся порой через край. Заурядные полеты его не удовлетворяли, обычных заданий он не терпел. Отсюда и недисциплинированность... Однажды на аэродроме мы с Юмашевым подошли к Алкснису и высказали ему свои соображения: надо бы дать Чкалову серьезное и, главное, трудное дело, которое требует не только безудержной храбрости, но и серьезного, вдумчивого отношения, намекнув на работу испытателя. И Яков Иванович прислушался к нашему голосу, правильно оценил возможности Чкалова. Через несколько дней после этого разговора был издан соответствующий приказ, и... Чкалов стал Чкаловым...»

Перед тем, как Алксниса назначили членом Специального присутствия Верховного суда СССР, с ним долго говорили, убеждая, что судить придется агентов немецкой разведки, что у Сталина находятся полученные из-за границы подлинные документы, уличающие заговорщиков. И Алкснис поверил. Мог ли он высказать сомнение в достоверности слышанного, связанного с именем Сталина? На суде он проявил активность. Она зафиксирована в стенограмме протокола заседания. Обращаясь к Корку, Алкснис спросил:

— Вы сказали, что неоднократно встречались на дипломатических приемах с Кестрингом, причем сообщили ему ряд сведений. Вы тут говорите «мы». Кто это — «мы»?

Корк: «Мы — это Тухачевский, Якир, Эйдеман. Я тоже принимал участие в разговорах с немцами».

Алкснис: «Значит, вы, Корк, сообщили германскому военному атташе Кестрингу в устной форме о состоянии войск Московского военного округа?»

Корк: «Да. Но вместе с тем должен добавить, что я имел право давать сведения Кестрингу, которые было разрешено дать, с ведома Тухачевского».

Алкснис: «Нас сейчас не интересует, с ведома или без ведома Тухачевского вы передали сведения. Нас интересует — передали?»

Корк: «Да».

Алкснис: «Значит, вы лично участвовали в шпионаже?»

«На этот вопрос Корк ничего не ответил», — отметил в стенограмме секретарь суда.

Старание Алксниса на суде не спасло его от возмездия, как не спасла его заслуга в отборе лучших летчиков для посылки в Испанию. Некоторые из них там и погибли, другие же возвратились героями. Однако многих из них объявят «врагами народа», вспомнив, что они были связаны с Алкснисом.

Прежде чем арестовать Алксниса, Ежов доложил Сталину:

— Органами НКВД раскрыта еще одна тщатель-
но законспирированная контрреволюционная орга-
низация «Русская фашистская партия». Она состо-
ит из авиаспециалистов, во главе ее Алкснис, его
заместитель — генерал-лейтенант авиации Агаль-
цов, авиаконструктор Туполев.

Последнее имя вызвало у генсека насторожен-
ное сомнение. Заслуги Туполева были известны все-
му миру. На сконструированных им самолетах были
осуществлены знаменитые перелеты, последний его
бомбардировщик считался одним из лучших в мире.
Однако страдающий болезненной подозрительно-
стью, Сталин распорядился Туполева не судить, но
отправить в тюрьму, чтобы он там продолжил свою
работу. И его посадили. Авиаконструктор пробыл в
заключении около четырех лет, точнее — 1367 дней.

А у Алксниса последним рабочим днем стало
23 ноября 1937 года. Вспоминая тот день, его жена
Кристина Карловна писала: «Яков Иванович, как
всегда, рано ушел на работу. Я проводила сына в
школу и отправилась в институт. Был теплый зим-
ний день. Когда я вернулась с работы, муж позво-
нил и сказал, что он задержится, и вечером ему
нужно идти на прием в посольство. Он просил при-
готовить выходной костюм. Яков пришел домой
около 10 часов вечера в хорошем настроении. Бы-
стро переоделся, шутил, смеялся. Так как он спе-

шил, а мы жили на восьмом этаже, я вызвала лифт. Яков вошел в лифт, улыбаясь, помахал мне рукой — и больше я его не видела...»

А ночью к подъезду дома подкатили два автомобиля — «черные вороны». Прибывшие выложили на стол бумажку — ордер. В нем значилось: «Выдан уполномоченному НКВД на право ареста и производство обыска». Две подписи: Ежова и Вышинского. С гимнастерки командарма сорвали орден Ленина, два ордена Красного Знамени.

— За что? Что произошло? — спрашивала их перепуганная жена. — Где муж, Алкснис?

— Там, где должен быть! — отвечали ей.

Во все глаза смотрел ничего не понимающий десятилетний сын.

Непонятен был арест и для Якова Ивановича.

— За что? — спрашивал он следователя.

— А вот, познакомьтесь и внизу распишитесь.

Это было «Судебное разбирательство». В нем указывались вина арестованного в измене Родине, принадлежность к контрреволюционной организации, вредительство.

— Подписывать не буду. Это злонамеренная чушь, — отбросил он следовательскую стряпню. — Пусть подписывает тот, кто составил.

Алкснис находился в Лефортовской тюрьме около 300 суток.

И вот через девять месяцев после ареста, его привели в кабинет для судебного разбирательства. За столом трое. Председательствующий спрашивает:

— Признаете ли вы себя виновным?

— Признаю полностью, подтверждаю свои показания на следствии. Добавить ничего не имею.

Посоветовавшись с членами «тройки», председательствующий предоставил подсудимому «последнее слово». Алкснис сказал:

— Если возможно, сохраните жизнь. Готов любым трудом искупить вину.

Судебное разбирательство продолжалось пятнадцать минут. И вот зачитывается приговор: «Военная коллегия Верховного Суда СССР считает установленным, что Алкснис Яков Иванович совершил преступления, предусмотренные статьями 58-1 «б», пункт 8 и 11 УК РСФСР, и приговорила его к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит».

В тот же день, 28 июля 1938 года, приговор привели в исполнение.

В.К. Блюхер

1890—1938

Уединившись, Блюхер подолгу стоял у окна, невидимым взглядом смотрел через стекло вагона. Мелькали деревья близкого и бесконечного леса, редкие поля с неприметными селениями и полуразрушенными церквями, проселочные дороги в рытвинах и лужах, стада худосочных коров. Под полом безумолчно и бешено стучали колеса Дальневосточного экспресса. И этот назойливо бьющий по нервам стук возвращал его память к недавнему прошлому, заставляя курить папиросу за папиросой.

Поезд мчал его, командующего Дальневосточной армией, Маршала Советского Союза Блюхера в Москву. Он понимал, что поездка не предвещала ничего хорошего, что в столице предстоит тяжелый разговор, и он мысленно его обдумывал, даже записывал мысли, которые приходили не только днем, но и в бессонные ночи. Но потом он записи рвал и клочки сам сжигал, не доверяя ни порученцу, ни охране, ни проводникам.

На больших станциях, где менялась локомотивная бригада, он, одевшись в гражданское, выходил на платформу с порученцем Крысько, прогуливался. Люди узнавали его. «Да это же Блюхер!.. Мар-

шал Блюхер. Тот, что у Хасана колотил японцев...»
Словно боясь встречи, он поднимался в вагон.

А чёрные мысли не отступали, давили тяжелым камнем на сердце.

Все началось с неожиданного прибытия в Хабаровск, где находился штаб Дальневосточной армии, высоких московских чинов: заместителя Ворошилова армейского комиссара 1-го ранга Мехлиса и заместителя наркома внутренних дел комкора Фриновского.

Уже первая с ними встреча насторожила командующего: «Неужели и против меня возбудят судебное дело?» Жена попыталась его успокоить: «Напрасно ты так. Они же приятные и добрые по виду люди!» — «По виду — да. Но это акулы, которые приехали, чтобы меня сожрать, как это сделали с моими помощниками!» — «Нет, нет, Василий, ты ошибаешься», — не соглашалась жена.

А может, и в самом деле он напуган арестами близких ему людей? Ведь Сталин верит ему. Не без его одобрения в ноябре 1935 года Блюхеру в числе пяти выдающихся руководителей Красной Армии было присвоено высшее воинское звание страны — Маршала Советского Союза. Сталин доверил ему командовать войсками огромного Дальневосточного края... Впрочем, это ни о чем не говорит: ведь расстреляли же как врага народа маршала Тухачева.

чевского, ныне арестован и другой маршал, Егоров. Неужели он будет третьим?..

Вскоре после приезда Мехлиса и Фриновского, в конце июля 1938 года в районе приграничного озера Хасан вспыхнул злосчастный конфликт с японцами. Поначалу Блюхер направил туда своего заместителя комкора Штерна, приказав вникнуть в дело и принять на себя руководство. Не поставив в известность прибывших москвичей, он создал на месте комиссию, чтобы разобраться в причине конфликта и установить виновных. Комиссия установила, что будто бы с нашей стороны было допущено пустяковое нарушение: ошиблись в каких-то метрах. Выходило, что повинна наша приграничная служба.

Фриновский возмутился: «Получается, что виновны мы? Это невозможно! Когда это было, чтоб советская сторона была неправой?» Его поддержал Мехлис. Связавшись с Москвой, он на правах заместителя наркома и начальника Главного политического управления РККА высказал недоверие действиям командующего Дальневосточной армией. Более того! Обвинил его в трусости, в нежелании самому выехать на место конфликта. «Вот Штерн, тот достойный и опытный начальник, который готов сменить в должности Блюхера».

В ночь на 1 августа Сталин вызвал к прямому проводу его, Блюхера. Уже с первых слов он понял, что Сталин настроен недоброжелательно.

— Скажите, товарищ Блюхер, честно — есть ли у вас желание по-настоящему воевать с японцами? Если нет у вас такого желания, скажите прямо, как подобает коммунисту, а если есть желание, — я считаю, что вам следовало бы выехать на место немедленно.

Слышать подобное, да еще от самого генсека, ему еще не приходилось.

— Воевать намерен и немедленно вылетаю к Хасану, — ответил маршал.

И тут же приказал готовить самолет.

— И мы с вами, — заявили Мехлис и Фриновский.

Не заезжая на квартиру, чтобы переодеться в полевую форму, он вылетел в привычной белой летней гимнастерке, темно-синих с яркими лампасами бриджах. Ох, эта белая гимнастерка! Он никак не ожидал, что она стараниями Мехлиса сыграет роковую роль в его судьбе.

Наделенный немалой властью, Мехлис пытался взять на себя командование войсками в районе конфликта. Блюхер же потребовал от командиров выполнять только его приказы. Такое не мог снести самолюбивый, избалованный властью армейский комиссар.

Военные события у Хасана продолжались около двух недель и завершились 11 августа подписанием мирного договора.

В советской печати инцидент у озера Хасан подтверждал силу и мощь Красной Армии, высокую выучку красноармейцев и командиров. Подобная оценка дается этому событию и ныне. Вот, например, что написано о боях на Хасане в Советской военной энциклопедии, изданной в 1980 году: «Боевые действия подтвердили высокие морально-политические качества, боевую выучку советских воинов, надежность отечественной военной техники, правильность основных положений советских уставов и наставлений».

Но совсем иную оценку состоянию войск дал Главный военный совет, посвятивший этому событию свое заседание 31 августа 1938 года: «Боевая подготовка войск, штабов и командно-начальствующего состава оказалась на недопустимо низком уровне... В частях продолжал существовать громадный некомплект в личном составе, части были дезорганизованы... Войска выступили к границе по боевой тревоге совершенно неподготовленными... Одно из стрелковых подразделений 32-й дивизии прибыло на фронт вовсе без винтовок и противогазов... Многие бойцы были посланы в бой в совершенно изношенной обуви, полубосыми, большое количество красноармейцев были без шинелей... Все рода войск, в особенности пехота, обнаружили неумение действовать на поле боя, маневрировать, сочетать движение и огонь, применяться к местно-

сти... Танковые части были использованы неумело, вследствие чего понесли большие потери в материальной части...»

Потери оказались немалыми: 408 человек убитыми и 2807 ранеными.

На состоявшемся 31 августа заседании Главного военного совета отмечалось умелое командование комкора Штерна и генерала авиации Рычагова.

И было принято решение освободить маршала Блюхера от командования Дальневосточными войсками в связи с тем, что руководство им в период боевых действий у озера Хасан было совершенно неудовлетворительным и граничило с сознательным пораженчеством. По форме и содержанию угадывался стиль автора, писавшего приказ. Это был Мехлис.

— Куда же мне теперь? — спросил совершенно подавленный Блюхер Ворошилова.

Тот неопределенно пожал плечами.

— Пока придется остаться в Москве.

На следующий день после заседания Главного военного совета назначенный заместителем наркома внутренних дел Берия спросил Фриновского, который присутствовал на заседании.

— Высказывался ли кто в защиту Блюхера?

— Ни один, все голосовали за отстранение.

— Тогда нужно возбудить против него дело.

— Безусловно. Одним врагом будет меньше.

— Нужно дать поручение Иванову и Хохлову. Они сумеют раскрутить это дело. Эти проделывали и не такое.

— Да, конечно, — ничего другого не мог сказать Фриновский.

Отстраненный от дела, Василий Константинович встретил прибывшую из Хабаровска жену с детьми. Они поселились в гостинице. Неопределенность положения действовала угнетающе. Многие давние знакомые перестали звонить, избегали встречаться. Он чувствовал, что над ним сгущаются тучи и не раз его посещала черная мысль покончить с собой. «А семья? А дети?» Их у него трое. «Нет, нет, только не это. Все обойдется». Эта мысль удерживала от самоубийства.

И вспоминалось прошлое.

Деревня Барщинка на Ярославщине, где родился в крестьянской семье. Завод в Мытищах, под Москвой, куда он подался на заработки. Служба рядовым во фронтовом полку в первую мировую войну. Там за боевые заслуги он удостоился двух Георгиевских крестов, медали, был произведен в младшие унтер-офицеры. А потом были тяжелое ранение и чистая отставка от воинской службы. Но бросить ее не сумел.

В конце ноября 1917 года он — комиссар красногвардейского отряда. Чехословацкий мятеж в 1918 году резко ухудшил обстановку на Восточном

фронте и, в частности, у Оренбурга. Красногвардейские отряды под его командованием в течение двух месяцев удерживали город. Вскоре поступил приказ идти на соединение с регулярными частями Красной Армии. Полторы тысячи верст шли возглавляемые им войска, пока не соединились с главными силами Восточного фронта. За этот переход он, Блюхер, первым из всех военачальников был удостоен правительственного знака — ордена Красного Знамени.

И потом начались и бесконечной цепью продолжались бои на Восточном фронте, где он командовал знаменитой 51-й дивизией, проделавшей нелегкий боевой путь от Тюмени до Байкала.

Весной 1920 года дивизию направили на Южный фронт.

Каховка, Каховка! Родная винтовка!
Горячая пуля, лети!
Иркутск и Варшава, Орел и Каховка —
Этапы большого пути.

Это песня о его дивизии, которая защищала Каховский плацдарм и выдержала мощные атаки врангелевских войск. Тогда командующий Южным фронтом М.В. Фрунзе отмечал: «Геройские войска под общим командованием Блюхера не только отбили атаку врага, но, перейдя в дружную контратаку, окончательно разгромили его и с боем овла-

дела всей линией его расположения. 10 танков, 5 бронемашин, свыше 70 пулеметов и другие трофеи стали нашей добычей».

А потом были тяжелые бои по освобождению Крыма. Войска, которые вел Блюхер, сумели штурмом овладеть позициями врага на Перекопе и Ишуньских высотах. Их командир удостоился второго ордена Красного Знамени.

В 1922 году Блюхер стал командиром 1-го стрелкового корпуса...

Большую и трудную прожил он жизнь. И нелегкими были воспоминания...

Как-то он добился приема к Ворошилову.

— Долго ли такое может продолжаться? Неужели нет должности?

— Не все так просто, потерпи. А может поедешь в Сочи? Моя дача у «Бочарова ручья» пустует. Чудесный уголок. Отдохнете всей семьей. Я распоряджусь.

Ничего другого не оставалось, как согласиться.

— Видно, нарком — добрый человек, — высказалась жена.

Василий Константинович усмехнулся:

— Он мягко стелет, да жестко спат. Верить ему нельзя. Готов меня утопить не то что в ковше, а в ложке. Все они здесь одной миррой мазаны.

В день отъезда в Сочи вдруг узнал, что ночью его порученца, полковника Крысько, арестовали.

— Это, Глаша, неспроста, совсем не случайно. Под меня копают. Будь готова к худшему. И помни: чтобы со мной не случилось, я чист, не виновен ни в чем, не верь ни единому их слову, в чем бы тебя не уверяли. Будущее меня оправдает.

Ничто не радовало в этот раз: ни безоблачная теплая погода, ни ласковое море, ни буйная природа Черноморья. «Хоть пулю в лоб». Предчувствие его не обмануло. 22 октября на рассвете к даче подкатила машина.

— Маршал Блюхер, одевайтесь. Поедете с нами.

К этому он был готов. Натянул сапоги, взял гимнастерку с навинченными наградами: среди них орден Красного Знамени за номером один. И орден Красной Звезды Василий Константинович Блюхер тоже получил первым в стране.

— Гимнастерку оставьте.

— Ну уж нет...

Оцепенелым взглядом провожала его побледневшая жена, неожиданно заплакали дети.

В тот же день его посадили в специальный вагон скорого столичного поезда.

— А как идет дело Блюхера? — Берия вскинул голову и уставился на следователя Иванова. Сквозь стекла пенсне глаза его казались большими и выпуклыми.

— С трудом продвигается, товарищ народный комиссар. Он упорствует, от всего отказывается.

— А легенду на него написали? Где она?

— Есть, есть легенда! — засуетился Иванов. — Она там, на голубенькой бумаге. Я сам ее писал.

— Ага. Вот. — Берия развернул листы с отбитым на машинке текстом, стал читать, поглаживая затылок.

В тексте указывалось, что подследственный обвиняется в преднамеренном шпионаже и предательстве в пользу одной иностранной державы.

— Какой державы?

— Японии, товарищ народный комиссар. Там ниже указано.

— Сразу бы и писал. — И продолжил читать.

«Будучи военным советником в Китае в армии Сунь-Ят-сена в 1925—1926 годах, ныне подследственный Блюхер был завербован японской разведкой и в течение долгого времени работал на нее, тщательно скрывая свое враждебное лицо от советского народа. Во время военного конфликта у озера Хасан с целью компрометации Красной Армии уклонился от руководства, послав туда своего заместителя. Заодно он самолично назначил комиссию из угодных ему лиц, приказав взвалить вину за происшедший конфликт на советскую сторону. Подследственный держал при себе своего брата Павла, опытного военного летчика, чтобы улететь за гра-

ницу в Японию. На ближнем аэродроме по его приказу находился в полной готовности самолет».

— Так, — неопределенно произнес Берия и потянулся к папиросной коробке. Следователь угодливо поднес спичку. — Насчет брата это хорошо. А что же ничего не сказано о соучастниках? Удалось от порученца выбить показания? Как его?

— Крысько... Раскололи. Все, что надо показал и подписал. Может, привлечь Штерна?

— Штерна не трогать! — повысил голос Берия. — Ищите других. Штерн нужен... Пока. — И пыхнул табачным дымком.

Перед глазами Берии маячила на перекидном календаре большая цифра 9 — девятое ноября 1938 года. После праздничных октябрьских дней с обильным возлиянием, в том числе и на даче у Сталина, Берия чувствовал себя отвратительно. На душе было муторно, покалывало в висках и затылке... «Сейчас бы отлежаться, а прежде опохмелиться...» Он захлопнул папку.

— Выходит, подследственный вам не по плечу? Может, кого другого назначить вместо вас? Или испугались маршальских звезд? — проговорил он негромко, вонзив в Иванова взгляд. За словами скрывался злобещий смысл. — Восемь дней допрашиваете и ничего не добились.

— Мы его сломаем. Выбьем то, что необходимо.

— Сла-абак. Я сам его сегодня допрошу. Буду говорить с ним в Лефортово. И вы извольте там быть с командой подручных.

— Есть! — коротко ответил Иванов.

И опять в голове Берии заломило, подкатила дурнота.

— Послушай, Иванов, у тебя найдется что-нибудь?.. Ну, понимаешь?

— А как же, товарищ народный комиссар. Копьячок? Или, может, водочки?

Следователь выставил стакан и осторожно стал лить в него из бутылки.

— Лей до краев, не скупись.

Вскоре Берия прикатил в Лефортовскую тюрьму, где был его рабочий кабинет. Его уже ждали, все находились на местах. С утра мучившая немоща прошла, сменилась привычной формой начальственной энергии. Он шел, уверенно ступая по каменному тюремному полу, грузный, со вскинутой головой, поблескивая стеклами пенсне на крючкова-вом носу.

— Давайте сюда Блюхера.

Когда двое охранников ввели в кабинет маршала, он не узнал его. Перед ним стоял изможденно-го вида мужчина с побитым лицом. Суконная гимнастерка с оторванными пуговицами и споротыми большими петлицами висела будто на чужих плечах. Каким-то чудом держались брюки, заправленные в

чужие растоптанные сапоги. И только взгляд излучал волю и мужественность.

— Давайте сразу будем говорить все начистоту, — с заметным акцентом кавказца проговорил Берия. — Рассказывайте о своих предательских делах.

— Никогда предателем я не был. Я честно выполнял свой партийный и воинский долг. Я прошу, чтобы мне дали возможность встретиться со Сталиным, все ему высказать, убедить в моей невиновности. Вот уже восемь дней я прошу этого, но только подвергаюсь беспредельным вопросам и истязаниям. Мне не о чем признаваться, нет за мной вины.

— Хорошо. Допустим, сейчас перед вами Сталин... — Блюхер дернул головой, на лице скользнула усмешка. Она не осталась незамеченной. — Я хотел сказать, что ваши слова я передам товарищу Сталину. Передам в точности, как вы сейчас скажете их мне.

— Но вы же не Сталин. Вы не сделаете того, что обещаете.

— Значит, вы отказываетесь говорить? Отказываетесь признать свою вину! Нет, мы заставим тебя рассказать все о твоих грязных делах! Заставим! — И Берия стукнул кулаком по широкой и гладкой столешнице. — Будешь признаваться?

— Я не могу этого сделать. За мной нет вины.

— Иванов! Помоги этому ишаку!

Следователь кивнул двум стоявшим в дальнем углу кабинета крутым парням в полувоенной одежде. Те разом оказались подле допрашиваемого. Один из них заученным приемом ударил под дых тяжелым кулаком. Василий Константинович непроизвольно согнулся, но второй тут же рубанул твердым как доска ребром ладони по шее. Однако Блюхер не упал, устоял на ногах. И тогда первый снова ударил снизу в челюсть. И истязаемый почувствовал во рту теплую горечь. Вместе с кровью выплюнул зубы.

Его били, норовя попасть в голову, в грудь, живот, пах. Били кулаками и ногами. Слышались глухие удары, тяжкие дыхания и вскрики вошедших в раж истязателей.

Берия, отойдя к зарешеченному окну, с отрешенным видом глядел через стекло: он словно бы отсутствовал.

— Что же вы делаете! — прохрипел вдруг Василий Константинович, закрыв рукой лицо. — За что?

Побои прекратились, и истязатели отступили. Берия оглянулся. Маршал тяжело поднялся с пола. Лицо его было залито кровью, рука протянута и на ладони лежало что-то округлое, скользкое.

— Что это? Что показываешь? Ты говори!

— За что же, сволочи, выбили глаз?.. За что мучения? Сволочи! Подлецы!

— Оскорбляешь?

В руках Берии холодно блеснул металл пистолета. Прогремел, заставивший всех вздрогнуть, выстрел. Пуля точно угодила в сердце, оборвав жизнь Маршала Советского Союза...

В тот же день был составлен акт о кончине. Его подписали судебно-медицинский эксперт Семеновский и военный врач Смолтуев. В акте указывалось: «Смерть наступила внезапно от болезненных причин: от закупорки легочной артерии тромбом, образовавшимся в венах таза. Тромб этот образовался в результате недостаточной деятельности сердца на почве общего атеросклероза... Все остальное — кожа, кости, органы, шея, грудина и ребра целы...»

Кто сейчас опровергнет этот документ? Свидетелей давно уже нет, ни одного. Их поглотила Лета. Но память о маршале жива.

Б.М. Шапошников

1882—1945

На суде находился и начальник Генерального штаба, командарм 1-го ранга Борис Михайлович Шапошников. Чтобы поддержать репутацию заседателя, он даже задал два или три малозначимых вопроса подсудимым.

О его дальнейшей судьбе после того позорного судилища автору этой книги рассказал сподвижник будущего маршала Аркадий Федорович Хренов — генерал-полковник инженерных войск, Герой Советского Союза.

С ним я встретился в Лодейном Поле — небольшом городке на реке Свирь, где еще в петровские времена на верфях ладили корветы да фрегаты для российского флота. В городе проходили юбилейные торжества и туда съехались участники форсирования реки в 1944 году. Генерал Хренов в войну возглавлял инженерную службу Карельского фронта, а мне, лейтенанту, командиру роты, пришлось форсировать на утлой лодке простреливаемую вдоль и поперек полноводную Свирь.

Потом мы встречались не раз, и генерал рассказывал много нового, интересного. За свою долгую службу он побывал на высоких постах, встречался с большими людьми и был умелым рассказчиком.

Он участвовал в финской войне, защищал Одессу, Севастополь, Керчь, Волховские рубежи, Ленинград, Карелию, Дальний Восток.

Вспоминается последняя встреча. В телефоне услышал знакомый баритон.

— Так вы в Москве? Тогда приезжайте, завтра же, непременно! А я недавно выбрался из госпиталя, лежал с переломом руки.

В назначенное время я сошел на указанной остановке проспекта. Дверь отворил сам Аркадий Федорович. Небольшого роста, сильно сдавший, но с угадываемой армейской выправкой в свои восемьдесят шесть лет.

Вначале разговор зашел о его книге, которую он незадолго до того прислал мне. Посетовал на издательство, что сильно урезали, и многое не вошло в книгу.

— Войдет во вторую, — попытался я его успокоить.

— Поздно писать. Все, что мог, сделал.

Вспоминали эпизоды форсирования Свири, рассматривали фотографии. Запомнилась одна: солдат в полном снаряжении и в каске ухватился за борт перевернутой лодки, а течение гонит его. В глазах непередаваемое, пальцы судорожно сжаты, намертво вцепились в спасительный выступ посудины.

— Кто это? — спросил я, вглядываясь в глаза солдата.

— Телефонист. Наводил линию, а взрывом лодку перевернуло. Он даже катушку с проводом не успел сбросить с плеч. Видите, у него лямка.

— Спасли?

— Спасли. Даже к медали представили. А вы-то сами как переправлялись?

— Налегке: автомат, пистолет, еще пара гранат на пояском ремне, да командирская сумка.

— А противогаз?

— Их приказали сдать старшине. Иначе бы побросали.

Генерал понимающе улыбнулся, покачал головой.

Разговор зашел о маршале Толбухине, командовавшем фронтом на Миусе. Я спросил: знал ли он его?

— Тюню? А как же!

— Тюню? — не понял я. — Какого Тюню?

Он улыбнулся.

— В старину так ласково называли детей с именем Федор. Вот и его так называли, нашего Федора Ивановича. Мы с ним служили в одном батальоне.

Потом вспомнили генерала Хозина, под начальством которого мне довелось служить. Он и его хорошо знал.

— Михаила Семеновича помню по Ленинграду, он командовал военным округом, а я был начальником инженерной службы, имел звание комбрига, носил по ромбу на петлицах. До Хозина коман-

дующим Ленинградским округом был Борис Михайлович Шапошников. В мае 1937 года он убыл в Москву, принял Генеральный штаб, а Хозин вступил в командование Ленинградским округом...

Он неожиданно замолчал, будто споткнулся обо что-то незримое, тяжело вздохнул. После затянувшейся паузы продолжил глухим голосом:

— Тревожное, более того, смутное было время. Многое пришлось пережить, особенно начальникам, высоким чинам. Вы же помните, наверное, что тогда суд был над Тухачевским и другими военачальниками, и коса Ежова работала во всю. Тогда уже и маршала Блюхера забрали и Егорова. И даже затеяли дело против Шапошникова...

— Бориса Михайловича?

— Именно!

— Но он же входил в состав военной коллегии, когда судили Тухачевского, — сказал я.

— Совершенно верно, входил, а на следующий год их всех, за исключением Буденного, арестовали.

— А Шапошникова?

— К Борису Михайловичу подбирались и тоже шили дело. Об этом он знал. Чесались по нем руки у Ежова.

Ежов в то время возглавлял НКВД и усердствовал всюду перед Сталиным, стараясь доказать свою преданность.

— Борис Михайлович Шапошников в военных кругах занимал особое положение, — продолжал рассказ Аркадий Федорович. — Большинство военачальников родились и мужали в годы гражданской войны, военного образования не имели. А Шапошников — царский полковник Генерального штаба, военное дело знал в совершенстве, лучший штабник, не чета наркому Ворошилову. В первой мировой войне он занимал высокие посты в больших штабах, командовал дивизией. Перейдя на службу в Красную Армию, возглавил оперативное управление Полевого штаба Реввоенсовета Республики. По сути, его рукой разрабатывались главные стратегические операции. Таких военспецов, как Борис Михайлович, было немного. Раз-два и обчелся. Был Сергей Сергеевич Каменев, Вацетис, Шорин, Егоров. Даже Тухачевский не шел в сравнение, он-то всего-навсего поручик. Поэтому к военспецам не питали добрых чувств, относились настороженно, словно бы терпели до времени. И такое время в 1937 году наступило.

Я слушал генерала, боясь прервать, спугнуть неосторожным вопросом. Даже не решался записывать, надеясь это сделать на свежую память вечером, когда буду один.

— Одиннадцатого июня состоялся суд над Тухачевским и группой военачальников, — рассказы-

вал Аркадий Федорович. — Через год из восьми заседателей того судилища оставались в живых лишь Буденный и Шапошников. Настала очередь Шапошникова...

И тут я, не удержавшись, прервал генерала.

— Но ведь Сталин Шапошникова уважал. Называл по имени-отчеству, никого другого, даже своих ближайших соратников, не удостоивал такой чести.

— Это так. Обращался, называя его Борисом Михайловичем. Но, зная вероломство Сталина, это ничего не значило. Помню, где-то в конце лета я получил распоряжение: срочно выехать в Москву, в Генеральный штаб. Прочитал и екнуло в груди. Все! Много было таких случаев, когда ехали по вызову — и не возвращались. И хотя стояла подпись начальника Генштаба, однако сомнение брало. — Генерал замолк, повертел в руках карандаш. — Жена тоже в панике: начала собирать вещи. Словом, в тот же день я выехал в Москву. Ночью не сомкнул глаз, одолевали мысли да догадки. Зачем понадобился Борису Михайловичу? Ну, если бы вызвали в инженерное управление, было бы объяснимо, но вызывал-то сам начальник Генерального штаба! Приехал — и прямо с вокзала на Арбат, в бюро пропусков. Там уже лежал на мое имя заказ на пропуск.

В приемной меня встречает порученец Бориса Михайловича. Он явно возбужден.

— Наконец-то! Командарм о вас уже справлялся.

— А сам он где? — Вижу дверь в кабинет открыта и там никого нет.

— Он на квартире, болен. Приказал, товарищ комбриг, немедленно ехать к нему. Вызываю машину. Сейчас сообщу Борису Михайловичу.

Открыла дверь молодая женщина с привлекательным, но встревоженным лицом.

— Мария Александровна, — назвала она себя и провела в большую гостиную. — Борис Михайлович, к тебе! Садитесь, отдыхайте...

Я сел, взгляд упал на фотографию на стене: молодой, лет двадцати, военный, на петлицах лейтенантские квадраты и эмблема инженерных войск. «Сын», — догадался я.

Из соседней комнаты вышел Шапошников: в форме, словно в своем служебном кабинете. Даже ворот кителя застегнут на крючки. Протянул руку, справился, как доехал.

— Не желаете ли перекусить? Мария Александровна быстро приготовит.

— Спасибо, товарищ командарм. — Вижу, что он взволнован, хотя и старается это скрыть. Конечно, ему сейчас не до распития чаяв.

— Я вот зачем вас пригласил, Аркадий Федорович, — назвал он меня по имени-отчеству, усаживая против себя в кресло. — Помните, летом поза-

прошлого года после рекогносцировки пограничной зоны мы писали акт. Послали его на имя наркома, а к нему прилагали записку о необходимых работах в укрепрайонах. Вы еще составили расчет необходимых сил и средств.

— Помню, товарищ командарм. Только мы так и не получили на него ответ.

Будучи командующим войсками Ленинградского округа Шапошников проявлял особое внимание к укреплению пограничной зоны. Граница с Финляндией в непосредственной близости. В ясный день с Исааковского собора можно было наблюдать финские пограничные дозоры. Вблизи границы строились дороги, аэродромы, укрепления. Особенно большие работы проводились на Карельском перешейке. Наша разведка отметила нахождение там французских специалистов, которые помогали финнам возводить линию укреплений, наподобие созданной во Франции «линии Мажино». Естественно, мы проводили соответствующие меры, доносили в наркомат, предлагали, но с нами не всегда считались, а то и просто отмалчивались.

— Так где же копии этих документов? Сохранены ли? — Он смотрел на меня таким взглядом, будто заглядывал в душу.

— Так точно, хранятся в деле.

— Они у вас? В целости? Не изъяты ли?

— Никак нет, на месте.

Борис Михайлович откинулся в кресле, помолчал.

— Аркадий Федорович, голубчик!.. — Он имел привычку в обращении называть собеседника «голубчик». — Эти документы должны быть у меня! Как можно скорей!

— Переслать по почте?

— Нет, нет, только нарочным! Впрочем, и ему нельзя доверять.

— Я их сам вам доставлю.

— Да, да, конечно. Но сделать это нужно без промедления, как можно скорей... И еще, голубчик, о том никто не должен знать. Никто! Вы сейчас же возвращайтесь к себе. Билеты вам будут вручены на ближайший поезд. Я распоряджусь. И — назад! С документами! На «Красной стреле». Комендант будет предупрежден. Это очень важно и сделать нужно архисрочно.

Не теряя времени, я выехал в Ленинград. Я догадывался, чем вызвана такая поспешность: над Борисом Михайловичем сгустились тучи. Он, конечно, понимал, что на суде высветилось истинное состояние высшего военного руководства, его бездарность, о которой никто не должен был знать, прояснилась и неблагоприятная роль Сталина. И потому были нежелательными свидетели, заседавшие на недавнем суде. В их числе оказался и Шапошников.

— И что же было дальше? — спросил я генерала.

— Дальше? Наутро я был в отделе, затребовал дело. Листал с волнением толстый подшив. Дрожали руки. А вдруг кто-нибудь документы изъял? «Не может того быть», — успокаивал себя. Наконец, нашел. Даже перевел дух. Я уже готов был ехать на вокзал, как вдруг звонок телефона. Адъютант командующего округом генерала Хозина.

— Вас вызывает командующий.

Вот уж нехстати! До отправления поезда времени в обрез. Еще нужно предупредить коменданта. Решился с Хозиным объяснить по телефону. Услышав его глуховатый голос, сказал:

— Товарищ командующий, меня срочно вызвал начальник Генштаба. Через сорок минут отходит поезд на Москву.

— Зайдите! — телефон смолк.

— В чем дело, комбриг? — генерал Хозин принял меня сразу. — Зачем вызывают?

Помня предупреждение Шапошникова, я не решился рассказывать обо всем, слукавил:

— Не могу знать.

Командующий вскинул бровь.

— Что-нибудь серьезное?

— Да.

— У подъезда стоит моя машина. Воспользуйтесь. О деле потом, когда вернетесь.

И я поспешил на вокзал. В Москву приехал ночью, позвонил Борису Михайловичу.

— Немедленно ко мне! — последовала его команда.

Он взял привезенные мной бумаги, надел пенсне, стал их листать. Потом сел за стол и углубился в чтение, совсем позабыв обо мне. А я стоял, боясь о себе напомнить.

— Вы извините, голубчик, — вдруг произнес он, отрываясь от чтения. — Посидите. Если бы вы знали, как я вам обязан...

— Неужели такие важные документы? — спросил я Аркадия Федоровича.

— Важные. Но дело в другом: они опровергали обвинение в его вредительстве, будто бы он преднамеренно не занимался укреплением нашей границы, когда командовал Ленинградским округом. Вот в чем смысл. А он-то делал все, что было в его силах. И не удалось кому-то состряпать против него дело. Не будь этих документов, наверняка с ним разделались бы, как поступили с другими.

И все же крыло репрессий задело маршала. Его сын Игорь Борисович Шапошников, генерал-лейтенант в отставке вспоминал: «В войну все помыслы нашего народа были направлены на скорейший разгром врага. Вносил свой вклад в это святое дело и мой отец, Борис Михайлович Шапошников, Мар-

шал Советского Союза. Хотя, честное слово, диву даюсь, как он нашел силы плодотворно работать, после того, как по личному указанию Берии был арестован один из наших близких родственников...»

Маршал Шапошников не дожил до Победы всего сорок четыре дня. В те дни небо над столицей часто озарялось торжественными салютами нашим войскам. Прогредел он и 28 марта, когда Москва, прощаясь с ним, воздала покойному высшую воинскую почесть двадцатью четырьмя артиллерийскими залпами. Маршалу не было еще шестидесяти трех лет...

Его именем были названы Высшие стрелково-тактические курсы нашей армии — «Выстрел», военное училище, улица в Москве. Но главное, он оставил о себе память замечательными военными трудами, создал «генштабовскую школу», в которой выросли такие выдающиеся военачальники, как Василевский, Ватутин, Штеменко, Антонов, Захаров и другие, внесшие неоценимый вклад в дело разгрома врага в Великой Отечественной войне.

Глава третья **МАРШАЛ ЕГОРОВ И ДРУГИЕ**

В ноябре 1937 года нарком внутренних дел обратился с ходатайством:

«Тов. Сталину.

Посылаю на утверждение четыре списка лиц, подлежащих суду Военной Коллегии:

1. Список № 1 (общий).
2. Список № 2 (быв. военные работники).
3. Список № 3 (быв. работники НКВД).
4. Список № 4 (жены врагов народа).

Прошу санкции осудить всех по первой категории.

Ежов»

Первая категория означала расстрел.

Списки были рассмотрены Сталиным и Молотовым, и на каждом из них имелась резолюция: «За. И. Сталин. В. Молотов».

В результате массовых репрессий в 1937, 1938 и в последующие годы было устранено из армии около половины командиров полков, большинство военных комиссаров бригад, дивизий, корпусов. Такая же участь постигла почти всех командиров бри-

гад и дивизий, всех командиров корпусов. Были физически уничтожены все командующие войсками военных округов.

Репрессированными оказались: 34 бригадных комиссара из 36, 221 комбриг из 397, 136 комдивов из 199, 25 корпусных комиссаров из 28, 60 комкоров из 67, 15 армейских комиссаров 2-го ранга из 15, 2 флагмана флота из 2, 12 командармов 2-го ранга из 12, 2 командарма 1-го ранга из 4, 2 армейских комиссара 1-го ранга из 2, 3 Маршала Советского Союза из 5.

Председатель Военной коллегии армвоенюрист В.В. Ульрих докладывал: «За время с 1 октября 1936 года по 30 сентября 1938 года Военной коллегией Верховного суда СССР и выездными сессиями коллегии в 60 городах осуждено: к расстрелу — 30 514, к тюремному заключению — 5 643, всего — 36 157».

Далее он сообщал, что «в настоящее время имеется большое количество пересмотренных дел об участниках правотроцкистских, буржуазно-националистических и шпионских организаций: в Московском военном округе — 800 дел, Северо-Кавказском военном округе — 700 дел, Харьковском военном округе — 500 дел, Сибирском военном округе — 400 дел».

И он же, Ульрих, предлагал: в силу секретности не допускать защитников на судебные заседания.

Советский публицист Эрнст Генри писал: «Никакое поражение никогда не ведет к таким чудо-

вишним потерям командного состава. Только полная капитуляция страны после проигранной войны может иметь следствием такой разгром. Как раз накануне решающей схватки с вермахтом, накануне величайшей из войн Красная Армия была обезглавлена».

После расправы над руководством Киевского военного округа туда был назначен членом Военного совета Щаденко.

— Ефим, ты должен навести в округе железный порядок, — напутствовал его Ворошилов. — Покажи, как ты умеешь это делать.

— Сделаю, — пообещал тот.

Спустя 2 месяца, в конце ноября 1937 года в Москву на армейское совещание съехалось с мест руководство. В разгар работы приехали Сталин и Молотов.

Как всегда, встреченный рукоплесканиями и долгими приветствиями, Сталин, явно играя в демократию, обратился к собравшимся:

— А как красноармейцы относятся к тому, что вот были командиры, им доверяли, а потом вдруг их хлопнули? — Скупым жестом он припечатал ладонью столешницу и тут же пояснил: — Арестовали?.. Как относятся красноармейские массы? Имеются ли тут факты потери авторитета партии, авторитета военного руководства? А возможно, го-

ворят так: «Черт вас разберет, вы сегодня даете такого-то, потом арестовываете его. Кому верить?»

В зале зашумели. Вопрос, что называется, не в бровь, а в глаз. Послышались голоса:

— Такие разговоры, действительно, были...

— И записки такие тоже нам поступали.

Потянул руку с желанием выступить Щаденко. Ворошилов кивнул, объявил:

— Слово комиссару 1-го ранга Щаденко. Уверен, что он внесет ясность о происходящих на местах делах.

Откашлявшись и придав голосу уверенность, тот начал со здравицы великому вождю и учителю, сумевшему присечь вражеские козни проклятых военных преступников, шпионов и диверсантов. Сказал, что он, Щаденко, был направлен партией на ответственный участок, где сидел в недавнем ярый враг Якир. Потом уже начал о деле.

— Военному совету округа предстояло провести ряд разъяснительных собраний. В Новгород-Волынске имелись два неправильных выступления, направленных на то, чтобы впечатление, которое было создано на собрании, смазать каверзными вопросами...

— И что же вы? — спросил из президиума Сталин. — Осадили?

— Нет, мы не осаживали, товарищ Сталин. Выступивший человек оказался врагом... Нас нар-

ком предупреждал и говорил — вы там смелее действуйте. Корпусное звено на сегодняшний день поражено врагами у нас на 90 процентов, даже больше. В дивизионном звене не меньше 70 процентов. До полкового звена мы еще по-настоящему не добрались.

Неизвестно, кем и как определялась эта страшная «процентовка». Называя проценты, убежденный партиец как бы выпрашивал право беспощадной расправы над людьми. И такое право он получил. Мог ли возразить Сталин, когда он сам определил ликвидировать 80 процентов руководящего состава Красной Армии!

Раскручивать дела в округе Щаденко стал с таким рвением, что скоро сам командующий округом командарм Федько оказался в числе врагов и был расстрелян.

Начальник управления боевой подготовки генерал В.Н. Курдюмов докладывал: «Последняя проверка, проведенная инспектором пехоты, показала, что из 225 командиров полков, привлеченных на сбор, только 25 человек оказались закончившими военное училище, остальные 200 человек — это люди, окончившие курсы младших лейтенантов и пришедшие из запаса».

На нехватку офицерских кадров сетовал командующий Закавказским военным округом командарм Н.В. Куйбышев, брат известного партийного деятеля.

— Куда же девались командиры? — спросили его.

— Переведены в ведомство Наркомвнудел без занятия определенных должностей, — не скрыл досады командующий и продолжал: — Как может быть умелым командир Грузинской дивизии Дзабахидзе, который до этого в течение двух лет командовал только ротой и больше никакого командного стажа не имеет.

Буденный с места подал голос: «За год можно подзучить».

Ворошилов: «Семен Михайлович считает, что если ротой умеет хорошо командовать, то и армией сможет».

Вот так! Через год каждый ротный может стать командармом.

Стоило ли после подобного высказывания маршала Буденного и наркома обороны Ворошилова искать причины слабости нашей армии!

В марте 1939 года состоялся XVIII съезд партии. С его трибуны Ворошилов, вызывая рукоплескания, докладывал об увеличении количества конницы в Красной Армии в полтора раза!

Полным ходом шло создание тачанок, их производство поставили на поток. Конница вооружалась пиками, для коней вместо подков разрабатывались галоши, прочность касок проверялась ударами клинка.

Всю боль и досаду за допущенный Сталиным произвол и беззаконие, дискредитацию демократии, за массовые репрессии ни в чем не повинных людей высказал один из старейших коммунистов и активных участников революции Ф.Ф. Раскольников. Выражая особую тревогу за истребление опытных военных кадров Красной Армии, при нарастающей угрозе войны с фашистской Германией, он, обвиняя Сталина, писал в знаменитом открытом письме:

«...Накануне войны вы разрушаете Красную Армию, любовь и гордость страны, оплот ее мощи. Вы обезглавили Красную Армию и Красный Флот. Вы убили самых талантливых полководцев, воспитанных на опыте мировой и гражданской войн, во главе с блестящим маршалом Тухачевским.

Вы истребили героев гражданской войны, которые преобразовали Красную Армию по последнему слову военной техники и сделали ее непобедимой.

В момент величайшей военной опасности Вы продолжаете истреблять руководителей армии, средний командный состав и младших командиров.

Где маршал Блюхер? Где маршал Егоров?

Вы арестовали их, Сталин!

Для успокоения взволнованных умов Вы обманываете страну — будто ослабленная арестами и казнями Красная Армия стала еще сильнее.

Зная, что закон военной науки требует единоначалия в армии от главнокомандующего до взводного командира, Вы воскресили институт военных комиссаров, который возник на заре Красной Армии и Красного Флота, когда у нас еще не было своих командиров, а над военными специалистами старой армии нужен был политический контроль.

Не доверяя красным командирам, Вы вносите в армию двоевластие и разрушаете воинскую дисциплину.

Под нажимом советского народа Вы лицемерно воскрешаете культ исторических русских героев — Александра Невского, Дмитрия Донского, Суворова и Кутузова, надеясь, что в будущей войне они помогут Вам больше, чем казненные маршалы и генералы.

Пользуясь тем, что Вы никому не доверяете, настоящие агенты гестапо и японская разведка с успехом ловят рыбу в мутной, взбаламученной Вами воде, подбрасывая Вам в изобилии подложные документы, порочащие самых лучших, талантливых и честных людей.

В созданной Вами гнилой атмосфере подозрительности, взаимного недоверия, всеобщего сыска и всемогущества Народного комиссариата внутренних дел, которому Вы отдали на растерзание Красную Армию и всю страну, любому «перехваченному»

документу верят или притворяются, что верят, как неоспоримому доказательству...»

Письмо Раскольниковова датировано 17 августа 1939 года, а 12 сентября того же года он при странных обстоятельствах скончался в Ницце, во Франции, где жил в изгнании...

А расправа над генералитетом, меж тем, продолжалась. Маховик репрессий не сокращал обороты.

А.И. Егоров

1883—1939

Среди руководящего состава Красной Армии и в том числе маршалов Советского Союза Александр Ильич Егоров был наиболее опытным военачальником. В царской армии он служил вольноопределяющимся с 1901 года. Окончил Казанское пехотное юнкерское училище. Во время первой мировой войны командовал ротой, батальоном, полком. В 1917 году произведен в полковники.

Перейдя на сторону революционных сил, он занимал ответственные посты в руководстве Красной Армии. Полководческий талант Егорова раскрылся на фронтах гражданской войны. Командовал 10-й армией Южного фронта, 14-й армией на Левобережной Украине. Осенью 1919 года принял командование войсками Южного фронта и добился разгрома Добровольческой армии генерала Деникина.

В январе 1920 года назначается командующим войсками Юго-Западного фронта, завершил освобождение Украины от деникинцев. Он один из военачальников, громивших Врангеля, белополяков. Его заслуги в гражданской войне были неоднократно отмечены правительственными наградами.

Известный американский журналист Джон Рид в декабре 1919 года посетил штаб Южного фронта, находившийся в Серпухове. Встречался с командующим фронтом Егоровым и писал о нем: «Высокий, крепкого сложения. Грубоватое добродушное лицо. Приплюснутый нос. Глубоко сидящие глаза. Посмеивается...»

Однажды зашел разговор о предстоящем наступлении, и командующий уверенно излагал сроки выполнения боевых задач: «Через две недели — Донецкий бассейн... Новочеркасск — через месяц. Экономическая и стратегическая задача — Донбасс». Из его объяснения явствовало, что главная задача фронта — расчленив деникинские войска и разгромить их по частям путем решительных ударов через Донбасс на Ростов.

Много позже в своем труде «Разгром Деникина» Александр Ильич писал: «...Мы с гордостью и восхищением оглядываемся на путь, пройденный бойцами армий Южного фронта.

В условиях напряженной борьбы, неслыханно тяжелых боевых испытаний, терпя голод и холод, армии в полном сознании своего долга перед пролетарской революцией шли в бой, терпели поражения и одерживали победы, пока не нанесли окончательного удара войскам контрреволюции».

После войны Егоров командовал войсками военных округов, был начальником Генерального штаба РККА.

В день своего пятидесятилетия он получил телеграмму от Сталина: «Выдающемуся полководцу гражданской войны, одному из организаторов Красной Армии на Южном и Юго-Западном фронтах, первому начальнику Генерального штаба РККА шлю в день его 50-летия большевистский привет.

Желаю вам, дорогой Александр Ильич, здоровья и сил на благо нашей родной Красной Армии, на страх ее врагам. Вспоминая проведенные вместе боевые дни на фронтах, — верю, что ваши военные знания и организаторские способности и в дальнейшем будут с успехом служить на благо нашей Родины.

Крепко жму вашу руку. И. Сталин».

Но вот наступил 1937 год, и на стол генеральному секретарю легло иное письмо. Его писал преподаватель академии Генерального штаба РККА комбриг Жигура. «Я прошу, тов. Сталин, проверить деятельность маршала Егорова в бытность его начальником Генерального штаба РККА, так как он фактически несет ответственность за ошибки, допущенные в области подготовки оперативно-стратегического использования наших Вооруженных Сил и их организационной структуры.

Я политического прошлого и настоящего тов. Егорова не знаю, но его практическая деятельность, как начальника Генерального штаба, вызывает сомнения».

Меры были незамедлительно приняты: по распоряжению Ежова автора письма Жигуру арестовали, а вскоре и расстреляли. За Егоровым же усилили слежку. На несчастье «подверсталось» неприятное для маршала донесение одного «доброжелателя». Как-то в дружеской беседе маршал высказал досаду, что де-мол весьма сомнительно приписывать заслугу разгрома Деникина одному Сталину. Ведь Сталин был членом Военного совета фронта, которым командовал он, Егоров! И о том он написал целую книгу.

Это противоречило утверждению Ворошилова, что автором плана разгрома Добровольческой армии Деникина является сам Сталин. И никто иной! О том утверждает и готовящийся к изданию «Краткий курс истории партии». Его редактировал Сталин.

В этом Кратком курсе недвусмысленно было сказано, что успех разгрома Деникина всецело принадлежит Сталину. Приведем некоторые выдержки оттуда:

«Белые приближались к Москве. Положение Советской республики становилось более, чем серьезным. Партия забила тревогу и призвала народ к отпору.

Для организации разгрома Деникина ЦК направил на Южный фронт товарищей Сталина, Ворошилова, Орджоникидзе, Буденного. Троцкий был

отстранен от руководства операциями Красной Армии на юге. До приезда тов. Сталина командование Южного фронта совместно с Троцким разработало план, по которому главный удар наносился Деникину от Царицына на Новороссийск, через донские степи, где Красная Армия встретила бы на своем пути полное бездорожье и должна была проходить по районам с казачьим населением, значительная часть которого находилась тогда под влиянием белогвардейцев. Тов. Сталин подверг резкой критике этот план и предложил ЦК свой план разгрома Деникина: направить главный удар через Харьков — Донбасс — Ростов...

Центральный Комитет партии принял план тов. Сталина. Во второй половине октября 1919 года... Деникин был разбит...»

Высказывание несогласия с тем, что утверждалось Сталиным, было нетерпимым. В НКВД на маршала Егорова завели дело, начали следствие. В феврале 1938 года его отозвали с должности заместителя наркома обороны, назначили командующим в Закавказский военный округ.

Через четыре дня после прибытия маршала в Тбилиси в Москве арестовали его жену Галину Антоновну Цешковскую. Своей сестре она сообщила по телефону, что уезжает на несколько дней в командировку.

Она, действительно, возвратилась домой через неделю, но уже не украинкой и дочерью православного священника, отца Антона, а уроженкой Польши, польской разведчицей, использовавшей свою близость с советским маршалом в корыстных шпионских целях. Беспомощную женщину ловкие следователи вынудили подписать все нужные документы с подтверждением состряпанной ими легенды.

А через месяц последовал вызов Егорова в Москву. Ему не позволили возвратиться на квартиру к жене: поместили под охраной в санатории «Архангельское». Там вели следствие и проводили очные ставки.

В эти дни в ЦК было принято постановление: «От тов. Егорове. Ввиду того, что, как показала очная ставка т. Егорова с арестованными заговорщиками Беловым, Грязновым, Гринько, Седякиным, т. Егоров оказался политически более запачканным, чем можно было бы думать до очной ставки, принимая во внимание, что жена его, урожденная Цешковская, с которой т. Егоров жил душа в душу, оказалась польский шпионкой, как это явствует из ее собственного показания, — ЦК ВКП(б) признает необходимым исключить т. Егорова из состава кандидатов в члены ЦК ВКП(б). И. Сталин».

На допросах маршал Егоров вел себя мужественно. Виновным себя не признавал, отрицал какую-

либо преступную деятельность, никого не выдал и нужных следователям показаний не дал.

Егорова судили 22 февраля 1939 года. Позднее его фамилия попала в большой список из 436 осужденных, чьи дела рассматривали в закрытых заседаниях последних трех недель. В том списке его фамилия попала в число 413, приговоренных к расстрелу.

А вскоре в тюрьме умерла его жена.

А.И. Седякин

1893—1938

Александр Игнатьевич Седякин в 1915 году окончил Иркутское военное училище. Участник первой мировой войны: дивизионный инженер, штабс-капитан.

С октября 1917 года участвовал в формировании отрядов Красной гвардии, во время гражданской войны — командир бронепоезда, стрелкового полка и бригады, помощник командующего 13-й армии, комиссар штаба Южного фронта, командир 31-й и 15-й стрелковых дивизий. В 1921 году участвовал в ликвидации Кронштадтского мятежа.

В 1924—1927 годах А.И. Седякин командовал войсками Приволжского военного округа. В 1931—1932 годах он — начальник и комиссар Военно-технической академии РККА им. Ф.Э. Дзержинского. В 1933—1936 годах — заместитель начальника Генерального штаба РККА, а затем начальник Управления ПВО РККА. С июля 1937 года — командующий ПВО Бакинского района. Один из авторов теории глубокого боя и операции. Командарм 2-го ранга. Награжден 2 орденами Красного Знамени.

Н.В. Куйбышев

1893—1938

Николай Владимирович Куйбышев — родной брат видного партийного и государственного деятеля В.В. Куйбышева.

Окончил до Октябрьской революции Александровское военное училище. Участник первой мировой войны, командовал ротой и батальоном.

В гражданскую войну с июля 1918 года — член Высшей военной инспекции. Работал в Тамбовской и Самарской губерниях по инспектированию и перестройке частей Красной Армии. С января 1919 года — командир 3-й стрелковой дивизии. С октября находился на Южном фронте — командир бригады 9-й стрелковой дивизии, а с января 1920 года — командир этой дивизии. За героические подвиги дивизия была награждена Почетным революционным Красным Знаменем и орденом Красного Знамени.

Дивизия участвовала в освобождении Донбасса, разгроме армий Деникина и Врангеля.

Н.В. Куйбышев за умелое командование бригадой и отличие в боях под Курском был награжден первым орденом Красного Знамени. За руководство войсками и проявленную решимость в боях по ос-

вобождению Донбасса он удостоился второго ордена Красного Знамени. Третий орден он получил за боевые отличия, проявленные при освобождении Грузии.

После войны Куйбышев был комендантом Кронштадта, начальником Высшей стрелковой школы «Выстрел». В 1925 году — помощник командующего Туркестанским фронтом, а затем — командир 3-го стрелкового корпуса. В 1927—1928 годах он — начальник Командного управления РККА и помощник командующего войсками Московского военного округа. С 1928 по 1936 год Куйбышев возглавляет командование войсками Сибирского военного округа. В 1937 году принимает Закавказский военный округ. Имел воинское звание командарм 2-го ранга.

Г.Д. Гай
1887—1937

Настоящая фамилия Гайка Дмитриевича — Бжишкян. Родился Гай в Тавризе, в семье учителя. Призванный в армию, кончил школу прапорщиков и был направлен на фронт первой мировой войны. За необыкновенную храбрость его награждают золотой шашкой, Георгиевской медалью, двумя Георгиевскими крестами и орденом Святой Анны. Командовал взводом, ротой, батальоном.

С началом гражданской войны Гай формирует отряд и воюет с бухарским эмиром в Средней Азии. Дерется с белочехами и белоказачьими частями генерала Дутова.

В июле 1918 года он принимает командование знаменитой 24-й стрелковой дивизией, которая освобождает Симбирск, Сызрань, Самару и другие города на Волге. При штурме Симбирска полки его дивизии первыми ворвались в город. Возбужденный победой, начдив тогда от имени бойцов и командиров соединения телеграфировал Ленину: «Дорогой Владимир Ильич! Взятие Вашего родного города — это ответ на Вашу рану, а за вторую — будет Самара». Тяжело больной Ленин прислал ответную телеграмму: «Взятие Симбирска — моего родного

города — есть самая целебная, самая лучшая повязка на мои раны. Я чувствую небывалый прилив бодрости и сил. Поздравляю красноармейцев с победой и от имени всех трудящихся благодарю за все их жертвы».

За достигнутые боевые успехи дивизия получила почетное наименование «24-я Самаро-Ульяновская Железная Дивизия».

С декабря 1918 по июнь 1919 года Гай командует 1-й армией Восточного фронта, сменив Тухачевского. В последующем он командовал 42-й стрелковой и 1-й Кавказской кавалерийской дивизиями Южного фронта. Подчиненный ему конный корпус совершает блестящий рейд по Северному Кавказу в начале 1920 года.

Во время войны с буржуазно-помещичьей Польшей в 1920 году Гай командует 3-м конным корпусом Западного фронта. Действуя в составе 4-й армии, корпус прорывается в глубину вражеского расположения, обходит левый фланг белопольской 1-й армии в Литве. Нанеся глубокий удар в тыл армии, он освобождает города Вильно, Гродно, Остроленку, Бежунь и другие. Прорыв конников, поддержанный двумя стрелковыми дивизиями, был столь глубокий, что главные силы Западного фронта не смогли их поддержать. Они попали в кольцо окружения и смогли с боем пробиться на территорию Восточной Пруссии. Там их интернировали.

Анализируя причины неудачи операции, Ленин писал: «При нашем наступлении, слишком быстрым продвижении почти что до Варшавы, несомненно, была сделана ошибка... Эта ошибка вызвана тем, что перевес наших сил был переоценен нами...»

За боевые успехи Гай удостоивается двух орденов Красного Знамени.

После гражданской войны Гай командовал дивизией, корпусом. Затем был направлен на учебу в Военную академию им. М.В. Фрунзе. В 1927 году он с отличием закончил ее и был зачислен адъюнктом. Спустя два года Гай защищает свой научный труд «На Варшаву» и переходит на преподавательскую работу. За короткий срок создает десять военно-исторических работ.

В 1934 году он — профессор и начальник кафедры истории военного искусства в Военно-воздушной академии им. Н.Е. Жуковского.

Его арестовали в 1936 году. Более года содержали в тюрьме и в декабре 1937 года по сфальсифицированному делу судили и расстреляли.

Обладая литературным талантом, Гай написал многостраничные воспоминания, одно из которых мы предлагаем вашему вниманию.

Даешь Вильно...

Четырнадцатого июля с рассветом вновь разгорелся бой по реке Виляя. Противник оказывал упорное сопро-

тивление, и местами довольно удачно. Очевидно, в ночь на 14 июля он успел перебросить из гарнизона некоторые из своих частей на реку Вилия. Возможность такой переброски мы учли заранее, и некоторые части 10-й кавдивизии перешли реку вплавь. Оборонять Вилию при данном положении вещей поляки считали бессмысленным. С 7 часов утра корпус продолжал свое дальнейшее наступление на Вильно.

В 15—18 километрах от города противник перешел к обороне и начал оказывать сопротивление. Очевидно, генерал Барщук, не желая без боя отдать древнюю столицу Литвы — Вильно, решил напрячь все свои силы для ее обороны. Он выбросил на фронт все, что мог, в том числе и необученные, наспех сколоченные добровольческие батальоны, составленные из местного населения.

В 10 часов утра я вместе с моими спутниками догнал кавалерийскую бригаду Уединова в дер. Лесники, расположенной в 3—4 километрах западнее Вильно. Вся бригада Уединова в пешем строю находилась на улицах деревни. Хорошо, что в то время противник в Вильно не имел авиации, иначе от бригады остались бы рожки да ножки. Подобное безграмотное «сосредоточение» можно было допустить только в условиях уровня военной техники 1920 года. Отыскав штаб бригады, через ряды конницы я не без труда пробрался к нему. Он расположился в деревянной просторной крестьянской хате. Оставив коней и сопровождающих меня людей на крыльце, я вошел в хату.

За столом в окружении своих командиров полков сидел широкоплечий Уединов в накиннутой бурке, отчаянно жестикулирующий и ударяющий о стол обоими кулаками своих крепких рук. Перед ним на столе лежала измятая, рваная и местами окровавленная карта-трехверстка данного района.

Увидев меня, Уединов быстро вскочил и скомандовал:

— Смирно, товарищи командиры!

Уединов попытался доложить мне расположение своей бригады. Я поднял руку, давая этим понять, что все знаю.

— Два-три попадания польских снарядов, и от твоей бригады, товарищ Уединов, останется мокрое место. Кто же так располагает? — сказал я и сел рядом.

— Да это командиры полков виноваты, — оправдывался Уединов.

— Ладно, мы все одинаково виноваты, в том числе и ты, нечего вину сваливать на других, — возразил я.

— Точно так, мы все виноваты.

— Уединов, когда ты думаешь захватить город? — уже улыбаясь, спросил я.

Ободренный моей улыбкой, Уединов поспешно ответил:

— Сегодня днем, а может быть, и к вечеру, если удастся сломить сопротивление частей гарнизона, прикрывающих мост.

— Значит, Уединов, ты опять хочешь уступить победу комбригу-1 товарищу Селицкому? — спросил я спокойно. — Имей в виду, что если ты через два часа не будешь в городе, то к этому времени туда войдет с севера со своей бригадой товарищ Селицкий. Понял?

— Как?! Неужели Селицкий опять опередит меня, как в Свенцянах и в Подбродзе? — горячо воскликнул Уединов. — Нет? Нет, на этот раз не выйдет! По коням, товарищи командиры!

Я снова был вынужден поднять руку и сказать:

— Не горячитесь, Уединов. Горячность так же вредна. Как вы думаете, товарищи командиры? — спросил я Смирнова и Балашева (комполка-89 и 90).

— Товарищ комкор, я думаю, если Вильно раньше нас возьмет Селицкий, то я подам в отставку, — ответил Смирнов.

— Да, да, верно. И я так думаю, — хриплым голосом, добавил комполка-90 Балашев, получивший за храбрость кличку Волк.

— Видишь, товарищ Уединов, ребята не хотят уступать первенства победы. А как у тебя насчет разведки? Знаешь ли ты силы противника, охраняющие мост?

— Да нет, товарищ комкор! Вот за это я и ругал их сейчас. Нам удалось только выяснить, что поляки неизвестными силами занимают мост. А сколько их, какого полка, как укреплена «Дед-дед...» Фу! Черт! Забыл, как называется — французское слово! — досадно сморщился Уединов, припоминая название предмостного укрепления.

Я вынужден был прийти ему на помощь

— «Тет-де-пон».

— Вот! Вот! Детдапон, — подхватил Уединов.

— Хорошо! Но сколько же, хотя бы приблизительно, ты считаешь сил тет-де-пона? — вновь спросил я.

— Очевидно, около полка пехоты, а может быть, и больше, — неуверенно ответил Уединов.

— О, нет! Дорогой Уединов, по обыкновению тебе свойственно преувеличение сил противника. Кстати, ребята! Все вы очень часто доносите в штаб дивизии и корпуса о том, что противник *наступает большими силами, у противника силы значительные* и т.п. А вот сколько именно и где находится противник, вы умалчиваете. Этим часто и меня вводите в заблуждение. Чтобы этого больше не было. Поняли? Против вас на мосту не больше батальона пехоты Ковельского полка, ну, может быть, еще взвод орудий. Вот и все!

Уединов покраснел. Он вновь поднял свой огромный кулак, намереваясь им ударить по столу, но, посмотрев на меня, медленно опустил руку на карту и тихо сказал:

— Да ведь, товарищ комкор, мы голыми клинками их сумеем выкурить, чего там еще совещаться... Разрешите вести бригаду!

— Конечно, конечно! Но все-таки артподготовка необходима. Я рекомендую обо всем хорошенько подумать, — сказал я, вытаскивая из своей полевой сумки карту района.

Моему примеру последовали Смирнов и Балашев и тоже вытащили свои карты.

— Я предлагаю следующий план действий. Силы противника на тет-де-поне — не более трех рот, и столько же примерно в резерве. Я предлагаю артиллерию вашей бригады пока оставить на восточной окраине деревни Лесники и туда же послать пулеметные эскадроны полков и один эскадрон кавалерии. Задача: огневое нападение на тет-де-

пон с фронта и наступление эскадрона в пешем строю. Артиллерия получасовым беглым огнем разрушит окопы и пулеметные гнезда поляков. Остальные силы бригады собрать в кулак и во главе с комбригом ударить вдоль реки Вилия в левый фланг тет-де-пона. Дальнейшая задача бригады: на плечах противника ворваться в город, не дав полякам возможности взорвать или поджечь мост. На всякий случай надо подобрать взвод или эскадрон на хороших конях для форсирования реки Вилия севернее или южнее моста вплавь. Это сильно облегчит захват моста. После того как мост будет захвачен, мы должны, оставив на нем охрану, ворваться в город в пешем или конном строю. Возьмите с собой гранаты и больше патронов. Надо полагать, что поляки будут усиленно сражаться и в самом городе. Я лично поеду вместе с вами. Ну, как вы думаете?

— Есть! Согласны, будет! — ответили почти хором командиры.

— Ну, а теперь, товарищ Уединов, действуй! Я еду на артпозицию, а оттуда за вами. Тебя я догоню на южной окраине деревни Лесники.

Попрощавшись, я вышел. Сев на коней, мы втиснулись в гущу бойцов бригады и медленно выехали на окраину деревни. По дороге нам встречалось много крестьян, литовцев и белорусов — жителей деревни Лесники. Они вежливо кланялись, сопровождая нас словами:

— Дай бог удачи! Желаем успеха!

Мне доложили, что крестьяне хорошо знают места бродов через реку и изъявляют желание помочь нам в этом.

Они согласны пойти с нами и показать броды и подходы к мосту. Это меня очень обрадовало.

— Вот это очень хорошо! Спасибо, товарищи крестьяне, что помогаете Красной Армии. — И тут же добавил:

— Товарищи крестьяне, если у вас будут претензии за порчу ваших огородов, то прошу завтра пожаловать ко мне в Вильно, мы вам за все заплатим.

При помощи крестьян я с ординарцами кратчайшим путем вышел к батарее тов. Буденко.

Батарея Буденко называлась 3-й Кубанской. Она участвовала во всех боях корпуса с самого начала и пользовалась большой любовью красноармейцев. «Не батарея, а отчайка» — вот как называли ее в корпусе.

Буденко не любил закрытых позиций, он учил своих бойцов стрельбе с открытых позиций, прямой наводкой. Сам же пользовался большой популярностью во всем корпусе и неоднократно проявлял храбрость и отвагу.

Увидев меня еще издали, Буденко направился ко мне навстречу и тут же на ходу четко доложил обстановку:

— Товарищ комкор! Моя батарея уже заняла позицию на окраине вон той рощи, — указал он рукой. — Но вот снарядов у нас очень мало. Всего сто штук. Артиллерийская разведка донесла, что предмостные укрепления поляков полевого типа и не бетонированы. Я их очень легко разобью. Боевую задачу от комбрига я уже получил и сейчас приступаю к ее выполнению. Будут ли какие указания и дополнения, товарищ комкор?

— Пока никаких дополнений, товарищ Буденко. Только не разрушай своими снарядами деревянного моста, ина-

че нам не переправиться через Вилию. Ведь понтонных средств, как тебе известно, мы не имеем. Как только бригада пойдет в атаку на тет-де-пон, немедленно перенеси огонь за мост на западную окраину города. Этим самым ты не дашь возможности полякам подвести к мосту свои резервы. Где твой наблюдательный пункт?

Буденко, указав на большой развесистый дуб, ответил:

— Вот там, на вершине того дуба. Оттуда прекрасно видны мост, город и даже все позиции поляков.

Указанное мне дерево было высоким, ветвистым и, по всей вероятности, удобным для наблюдения. Оно своими роскошными ветвями прекрасно маскировало наблюдателей. Не медля ни одной минуты, я при помощи веревочной лестницы поднялся на его вершину. Взбираясь наверх, я подумал, что этот дуб, сидящий великан древней Белоруссии, очевидно, немало видел в своей жизни событий и войн и ему, может быть, в последний раз, приходится оказывать свою услугу делу окончательного освобождения литовско-белорусского крестьянства. На самой верхушке дуба, между трех ветвей, я увидел спокойно сидящего на прикрепленной доске телефониста с трубкой в руках.

— Как идут дела, красная белка? — спросил я телефониста.

Смеясь, он ответил:

— Хорошо, товарищ комкор! Вот только немного качает, но зато отсюда прекрасный вид.

— Раз хорошо, так ладно. Следи внимательно и точно передавай орудиям все распоряжения командира батареи.

Но зачем ты прицепил шашку? Неужели у тебя есть желание воевать даже с белками? — пошутил я.

— Нет, товарищ комкор, не с белками, а с белополяками буду воевать. Привычка. Без шашки как-то неудобно, она ведь может пригодиться и здесь.

Удовлетворенный ответом телефониста, я сел около него на запасное деревянное сиденье, приготовленное для Буденко. Взяв бинокль, я убедился, что действительно на расстоянии пятнадцати километров вокруг все было прекрасно видно: и город, и мост, и предмостные укрепления, окруженные голубовато-зеленым фоном, были видны как на ладони.

При помощи бинокля я определил, что мост был деревянный, с барьерами, довольно широкий и длинный. Очевидно, в этом месте долина реки в дождливое время заливалась водой. Мост широкой белой лентой пересекал реку, текущую по зеленой равнине. Местность была неровная. Отчетливо выделялись складки местности. Небольшие выемки и возвышенности давали возможность подойти на довольно близкое расстояние к укреплениям моста. По мосту торопливо двигались люди, очевидно, польские солдаты. Они таскали какие-то ящики, доски и т.п. Возможно, готовились к обороне моста или минировали его, а может, готовились к взрыву.

Не далее четверти километра впереди моста по берегу реки полукругом были расположены укрепления тет-де-пона. Эти укрепления на флангах упирались в реку, охватывая западный конец моста. Укрепления были прерывчатые, полевого типа и без колючей проволоки. Далее прекрасно виднелись польские окопы для стрельбы стоя и даже

несколько пулеметных гнезд. По расположению окопов, по их густоте и ширине можно было быть уверенным в том, что гарнизон тет-де-пона невелик, максимум две-три роты. За восточным концом моста виднелись два ряда окопов, очевидно, для резервов.

— Вот, едут, едут наши пулеметчики! — воскликнул телефонист.

Я посмотрел в указанном направлении. Вправо и влево от батарей мчались карьером пулеметные тачанки полков. Эскадроны появились и быстро исчезли в прилегающей роще.

— Товарищ комкор! Разрешите начать артподготовку, — услышал я возле себя знакомый голос Буденко.

— Ну что ж, начинай!

Буденко, взяв трубку телефона, подал команду:

— Третья батарея, поорудийно — прицел... дистанция... по тет-де-пону. Огонь! Огонь! Огонь!

Одно за другим громовыми раскатами загрохотали четыре орудия. Еще и еще...

— Огонь! Огонь! Огонь! — слышалась четкая команда Буденко даже сквозь грохот орудий.

Раскаты оглушительной артиллерийской стрельбы, заполняя воздух, несли в город Вильно весть о том, что наступает красная конница...

Та-та-та-та — сквозь орудийный гул запели пулеметы.

Взяв бинокль и направив его на тет-де-пон, я увидел столбы поднятой земли и пыли. Впереди из-за рощи началось наступление спешенного эскадрона, а левее карьером неся к реке другой эскадрон.

— Ну, Буденко, прощай, я еду в бригаду. Смотри, во время атаки не уничтожь нас и мост, иначе будет скверно.

— Прощайте, товарищ комкор! Не беспокойтесь, все будет в порядке.

Развернувшаяся бригада неудержимой лавиной неслась вперед под градом ружейного и пулеметного огня противника. Падали люди с лошадей. Сзади бегали санитары с носилками.

Уединов, прикрываясь рекой, смело вел свои полки прямо на мост полевым галопом.

Мой Казбек, весь взмыленный, ретиво догонял головные части бригады. Впереди бригады я увидел громадную фигуру Уединова. Его черкеска, кабардинская бурка, распахнутые ветром, неслись вместе с ним, как черные крылья, развеваясь вправо и влево. Сзади была видна только папаха Уединова да вытянутая вперед рука с обнаженной саблей. Рядом с ним скакали, тоже с обнаженными саблями, командиры полков Смирнов и Балашев.

Незаметно для себя я очутился рядом с Уединовым. Бросилось в глаза его распухшее от прилива крови лицо. Я невольно улыбнулся. Вот мы уже совсем близко к тетде-пону. В польских окопах заметно сильное движение: люди поодиночке и группами выскакивают из окопов и, согнувшись, бегут вниз, к мосту...

Огонь поляков стал утихать. По всему видно, нервничает. Вдаль с противоположного берега, с восточного конца моста, послышались громкие крики «ура» и стрельба. Очевидно, это был эскадрон 89-го полка, успевший пере-

правиться вброд и уже атаковавший мост с тыла. Уединов дал сигнал атаки. Сверкнули на солнце обнаженные сабли.

— Ура! Ура! Ура!.. — воодушевленно подхватили все красноармейцы бригады, пришпорив коней.

От быстрой езды строй бригады нарушился. Наша артиллерия замерла.

Головные части бригады, рубя направо и налево, бешеным карьером проскочили предмостные окопы, не считаясь с тем, что в окопах еще были поляки.

Через десять минут бригада ворвалась на западную окраину Вильно. Я еле-еле остановил своего Казбека около какого-то большого дома, где группировался взвод конницы.

Оказалось, что бойцы 89-го кавполка уже захватили два польских орудия и обезоруживали прислугу. Кругом немилосердно визжали пули, и я слез с лошади.

Из города все чаще и чаще доносились звуки выстрелов и треск разрывов ручных бомб. Часть гарнизона города, укрывшись в домах и на крышах, обстреливала нас, причиняя большой урон главным образом конскому составу.

Бригада по приказу Уединова, оставив часть своих лошадей у западной окраины, пешим строем углублялась в город. Начались уличные бои.

В 19 часов штаб корпуса прибыл в Вильно и тотчас же послал по радио командующему Западным фронтом и ЦК Белоруссии следующее донесение:

«Сегодня в 12 часов дня передовые части корпуса ворвались в г. Вильно. После восьмичасового кровопролитного боя под личным руководством комкора г. Вильно взят.

14 июля 1920 года. № 850».

И.С. Кутяков

1897—1938

Тот, кто видел знаменитый фильм «Чапаев», безусловно, помнит сцену, когда Василий Иванович, рассыпав по столу картошку, поучает раненого в руку подчиненного, где тот должен был быть в бою. Прототипом раненого был командир бригады 25-й стрелковой дивизии Иван Семенович Кутяков. О нем наш рассказ.

Призванный в армию в 1916 году, он служил в 20-м Туркестанском стрелковом полку младшим унтер-офицером. В мае 1918 года Кутяков сформировал красногвардейский отряд, который влился во 25-ю стрелковую дивизию, которой командовал В.И. Чапаев. В октябре того же года он уже командовал бригадой.

За успешное командование в бою за станцию Чишма и проявленную храбрость при овладении Уфой Кутякова наградили орденом Красного Знамени.

После гибели В.И. Чапаева с 6 сентября 1919 года до октября 1920 года он командовал 25-й стрелковой дивизией, которая участвовала в разгроме белоказачьей армии, взятии Гурьева, в Киевской операции. За успешные бои дивизии при форсирова-

нии Днепра 5 июня 1920 года в районе деревни Печки, а также при овладении станциями Борожняка, Тетерев и городом Овруч Кутяков награжден вторым орденом Красного Знамени.

После гражданской войны он окончил Военную академию РККА и курсы усовершенствования высшего комсостава.

С января 1924 года Кутяков — командующий Хорезмской группой войск Туркестанского фронта. За отличия в боях с басмачами удостоивается третьего ордена.

В последующем Кутяков командует стрелковыми корпусами, а с 1936 года является заместителем командующего войсками Приволжского военного округа.

В изданных энциклопедиях дата его смерти указана 23.9.1942 (1) года. Видимо, это досадная опечатка.

Причина ареста Кутякова заключается в том, что в 1935 году он написал книгу «Киевские Канны». Как непосредственный участник сражений с белополяками, он рассказал в ней об операциях Юго-Западного фронта, отметил неудачи управления войсками, назвал виновников. Это были Егоров, Сталин, Буденный, Ворошилов.

Предисловие к книге написал командарм 2-го ранга Седакин. Он положительно оценил труд, назвал книгу правдивой, поучительной.

Однако эта оценка не совпала с мнением Сталина. Тот определил ее «дрянной штукой». Узнав о том, Кутяков в личном дневнике записал: «26 октября 1936 г. Самара. Мои “Канны 1920 г.” есть петля на моей шее, они загубят при первом удобном случае. Значит, к этому нужно быть готовым...

15 марта 1937 г. Куйбышев. Пока “железный” будет стоять во главе, до тех пор будет бестолковщина, подхалимство и все тупое будет в почете, все умное будет унижаться. “Канны” написаны моей кровью, потом и всем сердцем, несмотря на это, они мне как в прошлом, так и теперь, кроме страшного несчастья, ничего не дали и не дают. Одно меня успокаивает, это то, что в будущем, может быть, даже далеко, они увековечат мое доброе имя».

В.И. Шорин

1870—1938

Василий Иванович Шорин — один из военачальников царской армии, принявших решительно и бесповоротно сторону народа и добровольно вступивших в Красную Армию с ее возникновением.

Полковник с боевым опытом русско-японской и мировой войн, он командовал батальоном, полком. За боевые отличия заслужил Георгиевский крест и Георгиевское оружие. После Октябрьской революции солдатским собранием его избрали начальником дивизии. В Красной Армии он возглавил командование 2-й армией Восточного фронта и в проведенных операциях проявил высокие организаторские способности, считался опытным военачальником. За боевые заслуги был награжден орденом Красного Знамени, Почетным революционным оружием, орденами Бухарской и Хорезмской народных республик.

В январе 1920 года, после успешного действия подчиненных ему войск Юго-Восточного фронта против денкинской армии, Шорин был назначен командующим Кавказским фронтом.

И тут с самого начала у него не сложились отношения с командованием Конной армии и, в частности, с Буденным, Ворошиловым, Щаденко.

О состоянии Конной армии в те дни можно судить по телеграмме Ленина. Вот, что в ней было сказано: «... Крайне обеспокоен состоянием наших войск на Кавказском фронте, полным разложением у Буденного, ослаблением всех наших войск, слабостью общего командования, распрями между армиями, усилением противника. Необходимо напрячь все силы и провести ряд экстренных мер с революционной энергией. Телеграфируйте подробно шифром, что именно предпринимаете. Ленин».

С овладением Ростова частями Конной и 8-й армий, Шорин решительно потребовал преследования деникинских войск, перенести военные действия на левобережье Дона.

В директиве от 9 января Конной армии предписывалось сразу же после овладения Ростовом форсировать Дон и овладеть Батайском. Но неожиданно потеплело, пошли дожди, переправа через Дон стала затруднительной. В назначенный срок ударная группировка не смогла перейти в наступление. Противник же использовал время для закрепления на левобережье.

14 января Реввоенсовет фронта вновь потребовал от командования Конной и 8-й армий без промедления форсировать Дон и овладеть Ейском, Куцевкой, Мечетинской. В новой директиве указывалось, что промедление с выступлением недопустимо, что оно способствует лишь усилению боеспособнос-

ти противника. Под нажимом командующего фронтом Шорина, потеряв восемь дней, Конная армия начала боевые действия. Две дивизии 8-й армии задержались, и конникам пришлось действовать самостоятельно. Переправляться через Дон нужно было по неокрепшему льду, и артиллерию пришлось оставить на противоположном берегу. Наступавшие, таким образом, лишились нужной огневой поддержки. Спешившиеся конники действовали на открытой, заболоченной равнине, и белогвардейские войска встретили их ураганным ружейно-пулеметным и орудийным огнем. Расстроив боевые порядки, противник на некоторых направлениях перешел в контратаку и отбросил часть красных войск на исходные позиции. В ходе четырехдневных боев конармейцы понесли значительные потери.

Человек твердых правил и убеждений, командующий фронтом Шорин не отступал от задуманного. «Батайск должен быть взят», — требовал он от командования Конной и 8-й армий. Вновь вспыхнули у Батайска бои, которые продолжались до февраля, однако выбить «пробку» не удалось.

Командование Конной армии увидело в этой настойчивости предвзятое к армии отношение и даже вредительство и обратилось в высшие инстанции.

1 февраля Буденный послал Ленину письмо. Он писал: «Командующий фронтом тов. Шорин в начале поставил конницу в болото Дона и заставил

форсировать р. Дон. Противник этим воспользовался и чуть было не уничтожил всю нашу конницу. А когда Реввоенсовет потребовал изменить направление Конной армии, тов. Шорин лишил вверенную мне армию пехоты. Он передал две пехотные дивизии 8-й армии, а Конная армия была брошена одна на противника и вторично оказалась сильно помятой. За все мое командование подобных печальных явлений не было. А как только Шорин получил право распоряжаться вверенной мне армией, так и полились несчастья. Еще 26 октября 1919 года, когда я был в подчинении тов. Шорина, он мне дал задачу, которая была вредна нам и полезна противнику. Тогда я по телеграфу ему об этом сказал, и он, наверное, обиделся и запомнил, а теперь это все отражается на общем нашем революционном деле...»

2 февраля Буденный, Ворошилов и Щаденко направили телеграмму в РВС республики главкому и в копии Шорину, в которой обвиняли командование фронтом в неправильном использовании Конной армии.

Не ограничиваясь этим, 3 февраля члены РВС Конной армии обратились по прямому проводу к члену Реввоенсовета соседнего, Юго-Западного фронта Сталину, прося защиты не только от Шорина, но теперь уже и от командарма 8-й Сокольников, создавшего, якобы, вокруг Конной армии атмосферу

вражды и злобы. Заодно просили и о подчинении Конармии корпуса Думенко.

Конфликт, возникший в далеком 1920 году, разрешился через 18 лет. В списки неблагонадежных военачальников прошлого был включен «военспец» Шорин. С утверждением ходатайства задержек не было. Неудобных «военспецов» в стране еще было множество.

И.И. Вацетис

1873—1938

Еще до того, как бывший командующий фронтом Шорин предстал перед «тройкой» особого суда, органами НКВД был арестован первый главнокомандующий Вооруженными Силами Республики Иохим Иохимович Вацетис.

Ловким следователям, поднаторевшим фальсифицировать события и факты, не составило особого труда создать «дело» Вацетиса, «царского приспешника, врага народа, творившего черные дела против Советской власти, шпиона и предателя».

Он родился в не богатой латышской семье. Когда Иохиму исполнилось восемнадцать, он подался на царскую службу. С блеском окончил Виленское пехотное юнкерское училище, а через десяток лет нелегкой армейской службы в заштатных гарнизонах старательный офицер был принят в Академию Генштаба. И там показал незаурядные способности, получив при окончании блестящую перспективную характеристику.

Первую мировую войну он прошел от звонка до звонка. Командуя пехотным батальоном, а потом и полком отбивал атаки австро-венгерцев и немцев,

сам поднимал в атаку русские боевые цепи, прорывая труднодоступные и яростные огневые позиции противника. Солдаты часто видели его в передовых подразделениях и проникались к нему уважением и преданностью: «...С таким не страшно, такой выведет из любой опасности».

В 1917 году, после Октябрьской революции он, командуя 5-м латышским Земгальским стрелковым полком, перешел вместе с полком на сторону советской власти. В бывшей царской ставке, в Могилеве, появился советский главковерх Крыленко. Но он — всего лишь прапорщик, ему позарез нужен человек, глубоко знающий военное дело, преданный делу революции, на которого он мог бы опереться в решении непростых дел.

— А Вацетис, — подсказали ему — это тот, который ныне необходим.

И сорокачетырехлетний полковник возглавил бывшую царскую ставку, став начальником оперативного отдела полевого штаба. Но пришлось не только планировать по карте операции красных отрядов, но и писать боевые документы. На ставку вдруг двинулись вражеские силы: три пехотные дивизии и бригада улан.

И главковерх Крыленко вызывает Вацетиса:

— Отныне вы командуете всеми силами Республики. Стягивайте к Могилеву преданные революции полки и отряды. И никакого промедления!

И Вацетис справился с чрезвычайным заданием. Белогвардейский мятеж ликвидировали.

Потом Вацетис возглавил латышскую дивизию столичного гарнизона.

В это тревожное время Вацетису поручили транспортировку трех железнодорожных эшелонов из Москвы в Казань. Это была нелегкая и ответственная задача сохранения всех запасов российского золота. Когда эшелоны достигли волжских берегов, там вспыхнул мятеж белогвардейщины и пленных чехов, едущих во Владивосток.

— Вацетису быть командующим Восточным фронтом! — последовал приказ из Москвы.

И он вступил в командование фронтом, подчинив отряды Фрунзе, Тухачевского, Гая, Чапаева, Каширина, Блюхера. Из отдельных отрядов был фактически создан фронт. Была проделана большая работа по преобразованию отрядов в регулярные части и соединения. Под руководством Вацетиса войска фронта добились первых успехов в боевых действиях по подавлению мятежа Чехословацкого корпуса.

А 6 сентября 1918 года его назначили главнокомандующим Вооруженными Силами Республики. Он принимал активное участие в формировании фронтов, ликвидации в частях и соединениях партизанщины и создании регулярной Красной Армии.

С августа 1919 года и до конца гражданской войны Вацетис работал в Реввоенсовете Республики.

С 1921 года Вацетис переключается на преподавательскую работу в Военной академии РККА (академии им. М.В. Фрунзе). Начал там с должности преподавателя истории военного искусства, затем, став профессором, возглавил руководство кафедрой истории войн.

За заслуги он был награжден орденами Красного Знамени и Красной Звезды.

Когда Вацетис предстал перед пресловутой «тройкой» суда, он, выслушав обвинение, спросил:

— За что меня судят? Что, не жалея себя, честно выполнял свой воинский долг в интересах Республики?

— Вопросы вам задавать не положено, — отвечал председательствующий. — Вы должны ответить, признаете ли вы вину?

— Конечно, нет, нет и еще раз нет...

Его расстреляли 28 июля 1938 года.

Ниже приводится с небольшими сокращениями одна из журнальных статей Вацетиса, опубликованная в 1927 году.

Выступление левых эсеров в Москве

Около 4 час. дня левыми эсерами был убит германский посол граф Мирбах. Затем заранее сосредоточенные левы-

ми эсерами в Трехсвятительском переулке вооруженные части заняли помещение ВЧК, арестовали и заперли в погреб Дзержинского, его помощника Лациса и председателя Московского Совета Смидовича. Только в этот момент выяснилась серьезность создавшегося положения.

Во главе восстания оказались эсеры Александрович и Прощьян. Первый состоял помощником председателя ВЧК, а второй — членом Высшей военной коллегии.

Из Трехсвятительского переулка, где в особняке Морозова поместился штаб повстанцев и левоэсеровское «правительство», части мятежников стали продвигаться к Кремлю, захватывая близлежащие улицы и площади.

Первые известия о левоэсеровском восстании. 6 июля пополудни я находился в помещении технической редакции на Садово-Кудринской. Около 5 час. адъютант сообщил мне из штаба дивизии по телефону, что меня разыскивает Подвойский. В это же время к подъезду подъехал автомобиль. Из него вышел секретарь Подвойского и, зайдя в комнату, в которой находился также Антонов-Овсеенко, предложил мне немедленно поехать с ним в Александровское училище. На мой вопрос, кто меня вызывает и по какой причине, я получил уклончивый ответ.

Наш автомобиль поминутно останавливали на улице вооруженные патрули, разъезжавшие на вооруженных грузовиках и проверявшие удостоверения личности. При одной такой остановке я узнал, что ищут автомобиль, на котором скрылись убийцы германского посла графа Мирбаха.

Наш автомобиль остановился у подъезда того флигеля, в котором ныне находится Высший военный трибунал.

Без пропуска и без исполнения прочих строгих формальностей меня привели в боковую комнату, в которой находились Подвойский и комвойск округа. У стены, подальше от окна, стоял массивный деревянный стол, на котором был разложен план гор. Москвы и ее окрестностей.

Я спросил Подвойского, с которым был знаком, в чем дело. На мой вопрос ответил с удивлением комвойск:

— Как, вы не знаете, что в городе восстание и положение очень серьезное?

Дальше взял слово Подвойский и сказал мне голосом, не терпящим возражений:

— Вы нам составьте план ночной атаки; мы атакуем в 4 часа утра.

Я задал вопрос:

— А на какие войска вы рассчитываете?

Мне ответили:

— Главным образом на полки Латышской дивизии; прочие войска малонадежны.

Задаю вопрос:

— А где войска левых эсеров?

Подвойский указал на плане Трехсвятительский переулок. Во время нашего разговора поступали донесения от каких-то людей, непрерывно входивших в комнату и выходивших. Сообщались разные сведения и предположения. Было ясно, что организованной работы еще нет.

Для командования войсками мной было предложено вызвать командира 1-й бригады Латышской дивизии Дудина.

Я стал знакомиться с положением дела. Сведения об эсерах были весьма недостаточные. Подвойский и комвойск говорили, что повстанцы заняли Трехсвятительский переулок и там укрепляются, что заставы их приближаются к Кремлю и расположены по р. Яузе. На основании таких кратких сведений пришлось приступить к составлению плана действий. Прежде всего, надо было крепко держать в своих руках Кремль, затем необходимо было укрепиться в городе так, чтобы не дать возможности присоединившимся к повстанцам массам распространяться по городу. Для этого я полагал необходимым занять все важные в тактическом отношении площади и перекрестки. Войсками же занять исходные положения: у храма Христа Спасителя, на Страстной площади и в Покровских казармах.

Был ли левоэсеровский заговор неожиданностью? О том, что в Москве что-то неладное, мы догадывались. Неделю за три до восстания мной, как начальником Латышской дивизии, было замечено, что какая-то властная рука старается очистить Москву от латышских частей, направляя их в разные провинциальные города якобы для восстановления советской власти. Ордера на отправку латышских частей присылались на мое имя и исходили от помощника председателя ВЧК Александровича.

До тех пор пока таковые ордера требовали отправки сравнительно небольших частей, особенного внимания они к себе не привлекали, но дней за десять до восстания я получил ордер от Александровича: отправить немедленно один батальон 1-го полка в Нижний Новгород, в распоря-

жение исполкома. Распоряжение это мной было выполнено, но из Нижнего командир батальона донес, что местным исполкомом прибытие латышских стрелков было встречено с удивлением. Положение советской власти там считалось прочным, и о присылке латышских стрелков никто не просил. Аналогичное донесение было получено от командира одного батальона 2-го полка, посланного таким же образом на юг.

Такие факты вызывали подозрения. Александрович хотел и меня выпроводить из Москвы, поместив мою фамилию в список сотрудников штаба Муравьева, отправлявшегося 16 июня на Восточный фронт. Но я запротестовал, и мне удалось остаться на должности начальника Латышской дивизии.

Как ни хитро левые эсеры вели свои подготовительные работы, но такой грубый способ удаления из Москвы воинских частей уже тогда заставил меня быть начеку. Собрав все документальные данные, говорившие в пользу моих подозрений, я обратился к комиссарам дивизии Петерсону и Дозиту и высказал свое мнение о том, что высылка латышских стрелков из Москвы делается, несомненно, с определенной политической целью и в дальнейшем является совершенно недопустимой. Товарищ Петерсон немало был удивлен моими соображениями, но, видимо, принял мой доклад к сведению. Дня через два он сообщил, что мои предположения оправдались и что ни один латышский стрелок больше не должен быть отправлен из Москвы.

Позднее выяснилась справедливость и своевременность опасений: товарищ председателя ВЧК эсер Александрович, стоявший во главе заговора, исподволь проводил высылку латышских стрелков из Москвы, по-видимому, с той целью, чтобы к моменту восстания левых эсеров большевики оказались лишенными воинских частей.

В отношении времени момент для восстания был выбран удачно. Свое восстание левые эсеры назначили как раз накануне Ивана Купалы, когда латыши привыкли устраивать за городом традиционные народные гулянья. Так же и в этот день, 6 июля, латышские стрелки уехали за город и казармы оказались пустыми. Возвратившийся командир 1-й бригады Дудин заявил нам, что в казармах почти никого нет и что собрать полки он не может. Таким образом, пришлось отказаться от ночной атаки и перенести наступательные действия на 7 июля.

Мое назначение руководителем операции по подавлению левозесеровского мятежа. К вечеру левые эсеры захватили почтамт и стали рассылать в провинцию свои воззвания, в которых говорилось о захвате ими власти и о свержении большевиков.

Резиденцией левых эсеров сделался морозовский особняк в Трехсвятительском переулке.

Было получено сообщение, что квартировавший в Покровских казармах полк Московского гарнизона перешел на сторону левых эсеров. Наше положение сделалось опасным во всех отношениях.

Доклад комбрига Дудина еще более усугубил наше положение. От предложенного ему командования он отказался, ссылаясь на свою неопытность для руководства действиями в столь большом городе, как Москва.

Подвойский и комвойск своего кандидата не имели. Как начальник дивизии, я должен был принять непосредственное руководство уличными боями. Принимая во внимание это, я заявил, что так как будут действовать главным образом полки вверенной мне дивизии, то долг требует от меня взять командование в свои руки. Это заявление было передано в Кремль. И в результате переговоров командование было поручено мне...

План действий. Вечером наш оперативный штаб был перенесен в здание штаба округа.

Наше положение было тяжелое: у нас не было налицо войск. Сведения о действиях левых эсеров были неполные и не отличались ясностью. Дозоры доносили, что строятся баррикады, перекапываются улицы, выставляются проволочные заграждения. Лезвоэсеровские отряды оттеснили большевистские войска за р. Язузу, и казалось, что они готовят штурм Кремля. Передавали также, что у левых эсеров образовалось свое правительство и составлено министерство.

Вечером обстановка сложилась весьма благоприятно для левых эсеров, и если бы они повели решительную атаку на Кремль, то его едва ли удалось бы удержать.

В этом последнем случае было решено перенести резиденцию правительства в артиллерийские казармы на

Ходынке. Такая предусмотрительность была вполне уместна, так как у нас не было войск для контратаки. На боеготовность 9-го латышского полка, занимавшего Кремль, мы не возлагали особенно больших надежд. Для упорной обороны Кремля он едва ли был пригоден.

Был намечен такой план действий:

1) организовать разведку, чтобы к утру иметь точные сведения о действиях левых эсеров и сочувствующих им войсковых частей;

2) к утру оттеснить части левых эсеров к Трехсвятительскому переулку и заставить их перейти к обороне;

3) наступление начать утром 7 июля.

Вместе с тт. Подвойским и Данишевским в закрытом автомобиле мы объехали часть города, бывшую в наших руках. Наши войска еще не успели занять назначенные им места.

Положение в городе. Мятеж был налицо. Восставшие против власти большевиков имели в своем распоряжении вооруженную силу, которая уже добилась кое-какого успеха. Какие части города успели захватить левые эсеры, что делают различные контрреволюционные организации — на такие вопросы дать точный ответ было трудно.

Нам было известно, что во главе восстания стояли Александрович и Прошьян, которые хорошо знали настроение и расположение частей Московского гарнизона. Вечером Прошьян в сопровождении отряда преданных ему войск захватил центральную телеграфную станцию, и левые эсеры стали рассылать свои воззвания по другим городам,

призывая к свержению власти большевиков и объявлению войны Германии. В захваченных типографиях изготовлялись прокламации к населению Москвы и к солдатам, в которых объявлялось, что левые эсеры стоят за советскую войну с Германией, за уничтожение Брест-Литовского договора.

Из состава 9-го латышского стрелкового полка были высланы две роты на центральную телеграфную станцию, чтобы очистить здание от левых эсеров. Но названные роты действовали крайне неискусно, были захвачены в плен, обезоружены и отведены в Трехсвятительский переулок; часть солдат была оставлена заложниками, а остальные отпущены в Кремль.

Покровские казармы вследствие измены полка Венглинского тоже оказались в руках восставших.

Движение публики в городе прекратилось. На улицах были лишь войска.

Свидание с тов. Лениным. В первом часу тов. Данишевский передал, что тов. Ленин вызывает меня в Кремль...

В довольно обширном помещении, в котором я очутился, было почти темно, где-то в углу горела небольшая электрическая лампочка, окна были занавешены. Обстановка напоминала мне прифронттовую полосу на театре военных действий. Войдя в зал, я остановился шагах в пяти от дверей.

Через несколько минут дверь на противоположной стороне зала отворилась и вошел тов. Ленин. Он подошел ко мне быстрыми шагами и спросил вполголоса:

— Товарищ, выдержим до утра?

Задав этот вопрос, Ленин продолжал смотреть на меня в упор.

Я понял, что Ленин ждал от меня ответа категорического и что всякий другой разговор был бы излишним. Но дать ответ на такой вопрос, какой поставил мне Ленин, я не был готов.

Под упорным взглядом Ильича я сформулировал ответ, который сводился к следующему: обстановка еще не выяснена, положение в городе осложняется, атаки в 4 часа 7 июля быть не может, так как наши войска не могут быть собраны, а потому прошу тов. Ленина дать мне два часа времени, в течение которого объеду город, соберу нужные сведения и в 2 часа 7 июля дам совершенно точный ответ на поставленный им вопрос. С этим тов. Ленин согласился и, сказав: «Я вас буду ждать», — ушел таким же быстрым шагом, как вошел.

О настроении рабочей массы сведений мне собрать не удалось.

Вторичное свидание с тов. Лениным. Вторичное свидание с тов. Лениным состоялось, как было условлено, в 2 часа ночи 7 июля. Со мной был тов. Подвойский. Встреча происходила на прежнем месте.

Я ожидал появления тов. Ленина, стоя у того же кресла, где стоял в первый раз. Товарищ Ленин вышел из той же двери и таким же быстрым шагом подошел ко мне. Я сделал несколько шагов навстречу ему и отрапортовал: «Не позже 12 часов 7 июля мы будем победителями в Москве».

Ленин взял обеими руками мою руку, крепко-крепко пожал ее и сказал: «Спасибо, товарищ. Вы меня очень обрадовали».

Наша беседа длилась минут двадцать. Окончив свой доклад и видя, что тов. Ленин не задает более вопросов, я встал и просил разрешения уехать.

События 7 июля. Сведения о действиях левоэсеровского командования поступали с большими перебоями.

Прокламации левых эсеров были разбросаны во всех казармах латышских стрелков и расклеены на улицах, ведущих к Трехсвятительскому переулку.

Здесь и там происходила редкая стрельба. Артиллерия обеих сторон молчала. Ночью нам удалось захватить одну неприятельскую бронемашину. Отличить своего от противника было очень трудно, так как обе стороны были одеты в обмундирование старой армии. Исключение составляли матросские отряды левых эсеров, которые были в своей морской форме. Но матросы пока не показывались; они вели агитацию и составляли главный резерв.

Утром явилась в штаб Латышской стрелковой дивизии (Знаменка, 10) матросская делегация от главарей левых эсеров. Матросы обратились к адъютанту дивизии и просили вступить в переговоры с Трехсвятительским переулком. Дивизионный адъютант спросил меня по телефону, как поступить с делегацией. Я сказал, чтобы он попросил матросов удалиться.

Около 7—8 час. утра послышалась артиллерийская стрельба из Трехсвятительского переулка по Кремлю. Сна-

рылы попадали в Малый дворец. Огонь велся из полевых орудий гранатой и шрапнелью. Это был самый безобидный огонь. Но я опасался, что левые эсеры откроют по Кремлю огонь зажигательными снарядами, что могло бы создать большую опасность для центра города.

С наших батарей последовал запрос о разрешении открыть огонь по Трехсвятительскому переулку. Одна батарея стояла у храма Христа Спасителя, другая — на Страстной площади. Я отдал распоряжение не открывать огня до моего приезда на батареи.

Сначала я направился на батарею, расположенную у храма Христа Спасителя. Там стояли два орудия. Обслуживали орудия курсанты: кадровых командиров не было. Курсанты готовили орудия для стрельбы по карте. Орудия были наведены на Трехсвятительский переулок; направление и расстояние, вычисленные по карте, были определены неправильно. После тщательной проверки оказалось, что снаряды ударили бы в воспитательный дом. Этой батарее было запрещено стрелять. Что же касается батареи, расположенной на Страстной площади, то тут случилось неразрешимое для того времени препятствие, а именно: стрелять пришлось бы по угломеру и уровню, а с этими атрибутами артиллерийской техники курсанты были мало знакомы. Да и смысла не было стрелять, не имея определенных целей. В результате такой стрельбы, какую могли дать наши батареи, могли возникнуть многочисленные пожары в центре города. Имея в виду эти последние

соображения, я распорядился открывать артиллерийский огонь только на близкие расстояния и прямой наводкой.

Наступление большевистских войск. Утром 7 июля был густой туман, покрывший город серой непроницаемой завесой. Видеть вперед можно было шагов на 15–20, а отличить своих от противника было совершенно невозможно. Наши войска теснили противника по всему фронту и к 9 час. утра сошлись вплотную. На всем фронте завязалась ружейная и пулеметная перестрелка. Время от времени левоэсеровские батареи бросали снаряды по различным направлениям.

Москва превратилась в боевое поле. Публика, невзирая на праздничный день, на улицу не выходила.

У нас была прочная телефонная связь с комбригом Дудиным. Согласно данным ему указаниям наступление должно было вестись с полной энергией, с тем чтобы к 10 час. достичь указанного рубежа.

Наше продвижение вперед шло хотя медленно, но планомерно. К 10 час. 2-й латышский полк занял часть Покровских казарм.

Труднее было положение на фронте 1-го и образцового полков, которым пришлось действовать по узким переулкам и под пулеметным огнем. Левоэсеровские отряды разместились в окопах и за баррикадами, на крышах и на балконах. Комбриг Дудин сообщил мне, что сопротивление левых эсеров принимает очень упорный характер и что у противника много пулеметов, расставленных на крышах и балконах. 1-й латышский стрелковый и образцовый

полки временно приостановили наступление и начали закрепляться, занимая прилегающие дома и приспособляя к обороне заборы и площади.

Часам к одиннадцати к нам присоединилось какое-то авиационное отделение и просило разрешения бомбить Трехсвятительский переулок. Разрешения дано не было. В Кремле с нетерпением ждали развязки. Оттуда шли запросы ко мне и к тов. Муралову. Немецкое посольство также заинтересовалось положением наших дел и стало время от времени делать нам запросы через секретариат Наркомвоен.

Мною было принято определенное решение: в 12 час. стать во главе главного резерва, вломиться в центр расположения левых эсеров и разогнать их огнем тяжелой артиллерии. Этот способ борьбы был сопряжен с большими разрушениями домов и пожарами. Но мы не теряли надежды, что нам удастся справиться с левоэсеровским мятежом более «гуманными» средствами.

Действия батареи командира латышского артиллерийского дивизиона тов. Берзина. Товарищ Берзин послал вперед двухорудийную батарею, стараясь продвинуть орудия возможно ближе к особняку Морозова. Одно орудие, а именно то, которым командовал стрелок Буберг, удалось продвинуть к особняку Морозова шагов на 300.

Ровно в 11 час. 30 мин. комбриг Дудин сообщил мне об этом по телефону и просил разрешения открыть огонь.

Наступил решительный момент. Орудие Буберга было наведено прямо в окна морозовского особняка... Дальнейшее промедление было недопустимо, ибо пулеметным ог-

нем с крыши особняка Морозова могла быть истреблена вся орудийная прислуга, и тогда пришлось бы пустить в дело тяжелую артиллерию.

Сообразив все это, я взял телефон и продиктовал комбригу Дудину приказ: «Огонь и атака!»

Надо сказать, что в это время происходила артиллерийская стрельба и на других боевых участках, но она особого значения не имела.

Как выяснилось после ликвидации мятежа, в то время когда Берзин открыл огонь, в особняке происходило заседание левых эсеров. Первый снаряд разорвался в комнате рядом с заседанием. Второй снаряд тоже. Следующие выстрелы картечью были произведены по крышам и балконам. Оглушительные разрывы гранат произвели ошеломляющее действие на участников заседания; они бросились на улицу и, спасаясь от картечи, разбежались в разные стороны. За главарями побежали и их войска.

Дальнейший ход действий и ликвидация восстания. Вслед за этим 1-й латышский полк двинулся вперед, захватил помещение ВЧК и освободил сидевших в погребе тт. Дзержинского, Лациса и Смидовича.

Оказалось, что левые эсеры бежали с такой поспешностью, что забыли снять своих часовых. По другой версии, они хотели найти новое помещение для штаба и «правительства», но появление латышей заставило их поспешно удалиться.

Ровно в 12 час. комбриг Дудин донес мне по телефону, что левые эсеры бегут. Комбригу Дудину было приказано организовать преследование.

Около 14 час. весь район, занятый левыми эсерами, был в наших руках. Все войска, бывшие под нашей командой, собрались около здания ВЧК.

Около 15 час. я получил доклад от комбрига Дудина, что преследование организовать ему не удалось, так как войска заявляют, что они очень устали. Кто-то предложил двинуть для преследования 9-й латышский стрелковый полк, который все время оставался в Кремле.

Мы с тов. Подвойским отправились пешком в Кремль. Лично я не был уверен, что наша миссия увенчается успехом, так как мне было хорошо известно внутреннее состояние этого полка. Командира полка разыскали не скоро. Но от него никаких распоряжений мы не добились. Он ссылался на то, что полком ведает председатель полкового комитета. Пошли за председателем полкового комитета, которого удалось разыскать при содействии коменданта Кремля.

Я изложил цель нашего посещения и просил нарядить в наше распоряжение один батальон. Председатель полкового комитета ответил, что он не уполномочен на такие распоряжения, и сказал, что соберет полковой комитет и предложит решение вопроса на его усмотрение. Товарищ Подвойский покачал головой и, по-видимому, начинал терять терпение. Несмотря на свое высокое положение в военном ведомстве (тов. Подвойский состоял членом Большой военной коллегии и являлся одним из народных комиссаров по военным делам), тов. Подвойский в данном случае оказывался слабее полкового комитета.

Мы стояли во дворе и ожидали решения. Наконец появился председатель полкового комитета и сообщил, что полковой комитет решил не давать стрелков для преследования, так как 9-й полк составляет гарнизон Кремля и не имеет права ослаблять его оборону. Товарищ Подвойский вышел из терпения и категорически сказал председателю полкового комитета: «Товарищ, полковые комитеты давно упразднены, пришлите командира полка».

Командир полка получил от Подвойского приказ немедленно выделить не менее одной роты и прислать к нему. Через полчаса командир полка привел один дозор в составе около двадцати человек, который и был направлен к Сокольникам.

Для преследования был отправлен инженерный батальон на грузовиках.

После разгрома в Трехсвятительском переулке левозэсеровские войска покинули Москву и направились в сторону Ярославля.

Выступление левых эсеров в Москве 6 июля было сигналом для штурма против советской власти. По этому сигналу поднялись восстания в Москве, Ярославле, Ленинграде, на Волге, на Урале.

По этому сигналу поднял мятеж главнокомандующий Восточным фронтом Муравьев и повернул против Москвы фронт всей заволжской контрреволюции.

Но пролетарская революция обладала достаточными силами. Она разгромила мятежников и уничтожила контрреволюцию.

И.Ф. Федько

1897—1939

Из военных округов страны Киевский округ являлся особым. С ним мог сравниться еще Белорусский: в них войска прикрывали опасное западное направление. В Германии агрессивный фашизм набирал силу, и угроза его нападения все более возрастала. С арестом Якира командующим в Киев назначили командарма 2-го ранга Ивана Федоровича Федько.

Немногие военачальники гражданской войны удостоивались двух орденов Красного Знамени. У Федько их было четыре. Таких в Красной Армии было всего четыре человека: он, Федько, и еще Блюхер, Вострецов и Фабрициус.

Его боевой путь не отличался от боевого пути военачальников, рожденных и выпестованных революцией.

Родился в крестьянской семье на Сумщине. Был призван в царскую армию в 1916 году, участвовал в боях первой мировой войны. Затем окончил Киевскую школу прапорщиков. Летом 1917 года солдаты 35-го запасного пехотного полка, расквартированного в Феодосии, избрали его командиром батальона.

В гражданскую войну в 1918—1919 годах Федько командовал колонной, наступавшей на Северный Кавказ. Эта колонна наступала на станцию Песчанокопскую. Разведка донесла, что там сосредоточены отборные офицерские части, превосходившие по силам красных.

— Нельзя наступать. Нужно выждать подхода резервов, — высказывались многие, но начальник колонны Федько решил по-своему:

— Надо атаковать на рассвете!

Атака для белогвардейцев была столь внезапна, что они не просто отступили, а бежали в одном белье.

В мае—июне 1919 года Иван Федорович является членом Революционного военного совета Крымской республики и заместителем командующего Крымской армией.

Переведенный на Южный фронт, Федько вступает в должность командира 58-й стрелковой дивизии, являющейся основой Южной группы 12-й армии. В ходе неравных ожесточенных боев группа оказалась отрезанной от основных сил армии и почти окруженной.

В начале сентября части Южной группы начали прорыв на север. Несмотря на попытки петлюровцев и деникинских частей разгромить их, советским частям удалось прорваться через боевые порядки врага. Трудный 500-верстный переход по непри-

тельским тылам завершился их соединением с главными силами 12-й армии. За этот переход Федько был удостоен ордена Красного Знамени.

Вторым орденом он был награжден в июне 1921 года. В приказе РВС Республики указывалось: «Награждается вторично орденом Красного Знамени начальник 46-й дивизии тов. Федько за храбрость, мужество и искусное руководство действиями дивизии в боях на врангелевском фронте...»

После гражданской войны, признавая в нем героя-самородка, Федько направляют на учебу в Военную академию, которую он с блеском кончает.

Федько назначают командующим 13-м стрелковым корпусом и направляют в Среднюю Азию на борьбу с басмачеством. За умелое командование он удостоивается ордена Трудового Красного Знамени Таджикской ССР.

До вступления в должность командующего Киевским военным округом в 1937 году Иван Федорович служил в Кавказской Краснознаменной армии, Приволжском военном округе, в Особой Краснознаменной Дальневосточной армии.

В 1938 году он удостоивается ордена Ленина, повышения в звании — командарм 1-го ранга, в должности — первый заместитель народного комиссара обороны.

Состряпав «дело о заговоре», умельцы из НКВД организовали очную ставку подследственных с Федыко. Пригласили Сталина.

Под угрозой пытки арестованные указали на Федыко как на их сообщника, подтвердив свои ложные показания. Попытки командарма опровергнуть гнусный навет оказались безуспешными. Тогда он обратился с письмом к Сталину. В нем он писал: «...В мое сознание не вмещается представление о том, что я оказался под тягчайшим подозрением, что я являюсь предателем партии и Родины и военным заговорщиком, что я обманул своих избирателей. Что может быть чудовищнее совершившегося события для меня, которому Вы, партия и тов. Ворошилов оказали величайшее доверие. Это самое тяжелое, что заставляет сжиматься до острой боли мое сердце...»

Ответ на письмо не пришел, и он послал второе. Но не было ответа и на него. Тогда командарм решил обратиться непосредственно в НКВД с целью установления его невиновности.

Узнав о том, Ворошилов попытался отговорить его от этой затеи: «Не надо ходить к Ежову... Вас там заставят написать на себя всякую небылицу. Я прошу вас, не делайте этого».

«Но Федыко не отступил от задуманного, — рассказывал присутствовавший при этом адъютант Ворошилова. — Нет, я пойду, но ничего там подпи-

сывать не буду». «Вы плохо знаете обстановку, — произнес нарком. — Там заставят вас признаться. Не надо вам ехать туда, прошу вас».

Все получилось так, как предсказывал Ворошилов. Уже на третий день после ареста Федько, не выдержав пыток и истязаний, написал на имя Ежова заявление, в котором указал, что еще в 1932 году он был вовлечен в заговор и знал об антисоветской организации Тухачевского.

В.М. Орлов

1895—1938

Тяжкий каток репрессий прошелся и по флоту. Одним из первых был арестован заместитель наркома обороны, начальник Военно-Морских Сил СССР, флагман флота 1-го ранга Владимир Митрофанович Орлов.

Родился он в Херсоне. До военной службы учился в Петербургском университете на юридическом факультете. В 1917 году окончил школу мичманов и служил вахтенным начальником на крейсере «Богатырь». В 1918—1920 годах Орлов назначается начальником политотдела Балтийского флота. Участвовал в боях против войск генерала Юденича.

В 1920—1921 годах он — заместитель начальника политуправления водного транспорта страны. С декабря 1921 года — помощник начальника политуправления РККА по морской части, начальник Морского отдела. С марта 1923 года — начальник и комиссар военно-морских учебных заведений. В 1926—1931 годах — командующий Морскими Силами Черного моря. С июня 1931 по июль 1937 года — начальник Морских Сил РККА.

На всех постах Орлов проявил себя как способный организатор строительства Военно-Морского Флота страны на самой современной для того времени основе. Был удостоен орденов Красного Знамени и Красной Звезды.

В Англию на коронацию короля вместо Тухачевского был направлен Орлов. Вскоре после поездки он был арестован. На следствии подвергся избиваниям и шантажу, о чем написал в заявлении на имя Ежова:

«Вчера, 16.VII, помощник начальника 5 отд. ОО ГУББ НКВД Ушаков, приняв от меня все написанные мною показания, сказал мне, что следствие ими не удовлетворено и что я должен дополнительно признаться в своей шпионской террористической и диверсионной работе, а также о своем участии в заговоре со значительно более раннего срока, чем мною указано в написанных мною показаниях, я понял, что зашел в тупик... Я никогда не был причастен к заговору Тухачевского или каких-либо других лиц, никогда не вел шпионской, террористической, диверсионной и вредительской работы, никогда не был и не мог быть врагом народа. Я нищу спасения от смерти. Но я не могу признаваться дальше в невероятных и небывалых своих преступлениях. Я умоляю Вас выслушать меня лично и вмешаться в ход моего дела. Я нахожусь на грани

сумасшествия. Через короткий срок я стану, как стал Джимми Хигинс, неосмысленной собакой. Но это может быть только в капиталистической стране и не может быть у нас».

Орлова судили 28 июля 1938 года. По обвинению в участии в контрреволюционной организации, созданной им в Военно-Морских Силах РККА, он был приговорен к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение в тот же день.

И.Н. Дубовой

1896—1938

Иван Наумович Дубовой — советский военачальник, командарм 2-го ранга. В ноябре 1916 года был призван в армию. В следующем году окончил школу прапорщиков.

В феврале 1918 года вступает в командование красновардейским отрядом в Бахмуте (Донбасс). Летом того же года он — помощник начальника оперативного отдела штаба Северо-Кавказского военного округа. В 1919 году Дубовой возглавляет штаб группы войск киевского направления Украинского фронта. Летом он временно исполняет должность командующего 1-й Украинской советской армии.

Затем он успешно командует 44-й стрелковой дивизией, которая в составе 12-й армии на Западном, Южном и Юго-Западном фронтах отличилась при разгроме петлюровских и деникинских войск, отражении нападения буржуазно-помещичьей Польши и ликвидации кулацкого бандитизма. В боях Дубовой проявил мужество и высокое воинское мастерство.

После окончания гражданской войны он продолжал командовать 44-й стрелковой дивизией, а в октябре 1924 года стал командиром 14-го стрелкового корпуса.

В декабре 1934 года Дубовой — заместитель командующего войсками Украинского, а затем командующий Харьковским военным округом.

Награжден орденом Красного Знамени.

Расстрелян 29 июня 1938 года.

Л. Гавро

1894—1937

В знойный августовский день покидал я Махачкалу. В аэропорт приехал задолго до прибытия самолета, летевшего из Баку в Харьков. В поисках укрытия от солнца зашел в почти пустой зал ожидания. Только в углу сидел седоголовый мужчина и, утираясь изредка платком, неотрывно глядел на желтеющие пески с чахлой травой. На лбу его залегли глубокие морщины. В профиль был виден прямой, с небольшой горбинкой нос и чуть выдающийся вперед решительный подбородок.

Лицо показалось мне знакомым. И чем дальше я смотрел на этого немолодого и прожившего, по-видимому, нелегкую жизнь человека, тем больше убеждался, что раньше где-то его видел, может, даже знаком с ним, но никак не мог вспомнить, когда это было.

В самолете наши места оказались рядом.

— Наверное, были в командировке? — поинтересовался я, стараясь вызвать соседа на разговор.

— Нет. Это поездка по долгу памяти.

— По долгу памяти? — переспросил я. — Как это понимать?..

Незаметно мы разговорились.

— Город этот знаю с 1918 года, — негромко рассказывал он. — Прежде чем попасть сюда, я проделал долгий путь. Вначале фронт, потом Таганрог, Астрахань. В Астрахани был сформирован наш отряд, который назывался интернациональным.

Одно упоминание об интернациональном отряде заставило меня забыть обо всем: я превратился в слух, с радостью веря, что случайная встреча стала такой счастливой находкой.

— Были в отряде чехи и словаки, венгры и австрийцы, немцы и русские, — продолжал мужчина между тем. — Правда, русских было немного, потому что отряд состоял в основном из военнопленных. В отряде я подружился с Миклашем.

— С кем? — переспросил я. — С Миклашем? А как его фамилия?

— А вы слышали о нем? — в свою очередь спросил спутник. — Бернат его фамилия. Миклаш Бернат.

Услышав эту фамилию, я насторожился.

— Рассказывайте, рассказывайте, — поторопил я собеседника. Разговору мешал шум моторов. И потому мы склонились голова к голове. Человек скупно говорил, а я внимательно слушал, стараясь не пропустить ни слова из его рассказа.

— Наша дружба стала особенно крепкой после одного случая. Отряд стоял в глухом ауле, каких в Дагестане было немало. Как-то вызывает меня командир и приказывает: «Вот донесение, передай его в штаб». До штаба верст пятнадцать. Взял я донесение, положил в шапку и поскакал. Штаб нашел быстро, передал все и хотел уже возвращаться, как мне говорят: «Малость повремени, заодно отвезешь пакет». В обратный путь выехал глубокой ночью. На небе — ни звездочки, все затянуло тучами.

Дорога проходила в ущелье: справа скалы, а слева бурлит река — в сторону не свернешь. Не доезжая аула, где стоял отряд, слышу стук копыт и разговор: кто-то навстречу едет. Я насторожился: свои или враги? В то время на дорогах беспокойно было. Мы гонялись за бандами, а они преследовали нас. Решил съехать с дороги и укрыться. Пропустить их. Так и сделал. Впереди показались всадники. «Только бы Орлик не заржал», — думаю я и тихонько поглаживаю коня. Вслушался в разговор — и мороз по коже: бандиты. Стук копыт все ближе, ближе... Мимо меня проплыли темные тени — шесть человек. Пропустил их и только было выехал на дорогу, как услышал крики. Заметили меня. «Ну, Орлик, выручай!» Оставалась надежда только на коня. В бою шестерых не осилишь. Да и пакет нужно доставить. В штабе предупредили: бумага

важная. Припал я к шее коня, лечу, слышу — выстрелы. Один, второй, третий. Над головой просвистели пули. И чувствую вдруг, как Орлик замедлил бег и начал падать. Вылетел я из седла, упал, потом вскочил и, не раздумывая, бросился с дороги к скалам. Из камней не так легко выбить. Началась перестрелка. Бандитов по вспышкам засекаю. Только и они по мне бьют. Попробовал перебежать и вскрикнул от боли. Во время падения ногу ушиб или подвернул. «Ну, все, — подумал я, — отвоевался».

Признаться, не надеялся я остаться тогда в живых. Достал пакет, сунул его подальше в камни. Если уж и погибну, так тайны не выдам. Вдруг слышу стук копыт. Бандиты на коней и — ходу...

«Шандор!» — слышу я голос Миклаша. Мое имя Александр, а он меня по-своему Шандором называл. «Здесь я!» — отвечаю, а сам подняться не могу...

Потом узнал, что Миклаш всю ночь не спал, ожидал моего возвращения. Он первый услышал выстрелы и примчался с товарищами на помощь.

В начале августа часть отряда снова перебралась в Петровск. На город наступали бандиты Бичерахова. И случилось так, что нам пришлось расстаться: Миклаш уходил, а я оставался.

Я прискакал попрощаться. Колонна уже проходила по улице селения. Увидев меня, Миклаш выбежал из строя. Обнялись мы с ним, по-мужски расцеловались. «Прощай, Шандор, — говорит он. —

Кто знает, увидимся ли еще? Время, видишь, какое!» «Увидимся, — отвечаю я, — определенно увидимся». А у самого в горле комок застрял, на глаза навернулись слезы. Помахал он на прощанье мне рукой и побежал догонять товарищей.

И мне представилось, как по пыльной дороге селения шагает отряд. И над колонной взлетают ввысь слова песни. И никакой-либо, а только этой, что звала бойцов на подвиг и даже смерть во имя победы революции:

Смело мы в бой пойдем
За власть Советов,
И как один умрем
В борьбе за это.

— Да что ж я вам не покажу своих товарищей! — спохватился вдруг мой сосед.

Взволнованный воспоминаниями, он торопливо достал фотокарточку. Руки его слегка дрожали. Карточка была старая, пожелтевшая от времени. На ней пять красноармейцев, перепоясанные ремнями снаряжения, с обнаженными клинками, в лихо заломленных фуражках.

— Вот Миклаш, — показал мой собеседник.

Я вглядываюсь в мужественное, строгое и, мне кажется, не улыбочливое лицо. А глаза живые, с огоньком, выдают горячую натуру.

— Это вот Миклаш, — повторяет спутник. — А это Пал. Мы его Павлом звали. А вот Ласло. Рядом с Миклашем — я сижу...

— А сейчас где они?

Человек, как мне показалось, вздрогнул.

— Опасения Миклаша сбылись: больше мы не встретились.

Мужчина замолк и припал к иллюминатору. Там, безбрежье неба,плыли пышные облака, ярко освещенные лучами заходящего солнца.

— Все они погибли в Махачкале... И похоронены там, где погибли...

И тут вдруг я вспомнил, что видел этого человека у могилы его боевых товарищей. Это было вчера. Мы ехали в автомобиле, и наше внимание привлекла белая колонна, возвышавшаяся в стороне от дороги, у моря.

— Венгры-добровольцы здесь похоронены, — сказал шофер. — В гражданскую войну погибли.

У памятника, держась рукой за ограду, неподвижно стоял человек. Это был мой спутник. Занятый своими мыслями, он не замечал нас. На желтой земле лежали цветы. Ветер осторожно шевелил их лепестки. А неподалеку, в вечном движении, напоминая о жизни, шумело море. Ветер гнал по нему в белой кружевной кипени гребни волн и носил соленый запах...

— А кто командовал отрядом? — спросил я. — Уж не Гавро ли?

Мой собеседник удивленно посмотрел на меня.

— Он... Он самый... Лайош Гавро. А вы что, его знали?

— Нет, нет! Слышал многое о нем...

В Ростове мы расстались. Мой спутник летел дальше. Я видел, как в наступающих сумерках самолет вырулил на взлетную дорожку, как он стремительно разбежался и круто взмыл в небо. Он уносил с собой человека, преисполненного любви и благодарности к боевым друзьям из далекой Венгрии.

А о Лайоше Гавро мне довелось узнать от его жены, Надежды Павловны Ровенской. По возвращении из десятилетней сибирской ссылки, Надежда Павловна жила в небольшой квартире в столичных Хамовниках.

В 1931 году она работала в библиотеке Военной академии им. М.В. Фрунзе и там повстречала слушателя Гавро. Он тогда имел большой чин, два ромба в петлице, командовал дивизией. Он первым из интернационалистов был награжден двумя орденами Красного Знамени.

У нее каким-то чудом сохранились документы времен гражданской войны. На одном пожелтевшем листе было указано: «Интернациональный стрелковый Астраханский полк на Украине сражался против войск Петлюры и Деникина. В декабре 1919 года за храбрость и мужество, проявленные в боях по ос-

вобождению Киева, полк был награжден Почетным Революционным Красным Знаменем, а командир полка Л. Гавро — орденом Красного Знамени».

Другой документ подтверждал, что в 1920 году Гавро командовал на Западном фронте 173-й бригадой 58-й стрелковой дивизии. Бригада Гавро на реке Случ, а затем на Буге полностью разгромила части белополяков. За успешное руководство этими боями Л. Гавро был награжден вторым орденом Красного Знамени.

Этот документ удостоверяла подпись командира 58-й стрелковой дивизии И. Федько.

— После гражданской войны Лайош находился на различных должностях и даже был генеральным консулом в Китае, — рассказывала Надежда Павловна. — В 1932 году родился сын, и нам казалось, что в Москве не было людей счастливей нас. Большим другом нашей семьи был известный писатель Мате Залка. Он писал роман «Кометы возвращаются», в котором прообразом главного героя был Лайош Гавро.

1937 год разрушил их счастье. Сначала погиб под колесами автомобиля любимый сын, потом арестовали и расстреляли как врага народа Лайоша. Сослали на долгие десять лет в Сибирь Надежду Павловну. В том же году погиб их друг Мате Залка. Он погиб в Испании, где под именем командира интернациональной бригады генерала Лукача сражался против фашистских соединений Франко.

Д. Сердич 1896—1937

Данило Сердич — югославский интернационалист. По национальности — серб. В первую мировую войну — рядовой австро-венгерской армии, с 1915 года находился в русском плену. Служил в Сербском добровольческом корпусе.

В Петрограде Сердич участвовал в июльской демонстрации, в штурме Зимнего дворца. С осени 1917 года он — командир 1-го Сербского революционного отряда в Екатеринославе, в 1918 — 1-го Югославянского коммунистического полка (под Царицыном). В 1919 году Сердич принял командование отдельной кавбригадой 14-й армии. С сентября 1919 по октябрь 1920 года учился в академии Генштаба, после чего был назначен командиром бригады 6-й кавдивизии 1-й Конной Армии. В октябре 1920 года на Южном фронте участвовал в разгроме войск Врангеля. Дважды награжден орденом Красного Знамени.

Заметку об отважном интернационалисте хочу продолжить рассказом профессора Вадима Полиеновича Яковлева.

— Осенью 1956 года, по окончании университета, я работал геологом шахты в Литвиновском (ныне Белокалитвинском) районе Ростовской области в грязном и скучном горняцком поселке. Жить в об-

щежитии мне не нравилось: вокруг — пьянство, мат, скандалы. Одна местная женщина повела меня устраиваться на частную квартиру к какой-нибудь хозяйке. Мне было все равно куда: лишь бы потише и поспокойней.

Подводят меня к какой-то завалюшке. Смотрю — на крыше сидит немолодая тетка, черепицу поправляет. Посмотрела на меня весьма неодобрительно и в жилье отказала. Я извинился и пошел дальше. Вдруг слышу, меня зовут обратно.

— Вы в конторе работаете?

— Там.

— Грамотный?

— В общем — да.

— Тогда другое дело. А я думала — хулиган. — Увидев мое удивление, пояснила: — Уже октябрь, а вы без фуражки. У нас так хулиганы ходят.

Поняв, что я неместный и обычаев таких не знаю, женщина совсем подобрела.

— Вы извините, — слезает хозяйка с крыши, — я давно хочу с грамотным человеком встретиться.

Мне стало интересно.

— Вы знаете, кто такой Сердич? Слышали?

Я извинился и сказал, что никогда не слышал эту фамилию.

— Я жена Сердича, — объясняет мне хозяйка. — Он тут в гражданскую воевал.

— Я об Олеко Дундиче читал. О Сердиче — не знаю.

— А о Жукове вы, конечно, знаете?

— О Жукове, конечно! Кто же не знает о Жукове?

— А вы знаете, что Сердич был командиром, а Жуков — его подчиненным?

Поняв, что разговор мне интересен, хозяйка предложила сесть.

— В 37-м мужа вызвали по телефону в Москву. Он срочно уехал. Больше я его не видела. Его арестовали.

— А вас?

Хозяйка махнула рукой. Продолжила:

— Жуков был молодой тогда, но лихой парень. За девками да бабами бегал!.. И ко мне приставал. Но я ему тогда говорила: «Не смей, Гришка, а то мужу скажу».

— Гришка? Почему Гришка? Он же Георгий, Георгий Константинович.

— Для вас — так. А я его Гришкой называла. Он мужа моего боялся, но очень уважал. Папаху ему подарил...

И я услышал длинный, сбивчивый рассказ о комдиве, потом комкоре Сердиче (тоже, как и Дундич, он был из сербских пленных, перешедших после революции на сторону Красной Армии). А потом — о том, как он служил в 20—30-е годы.

— Я и у Сталина на квартире была, и у Ворошилова. А вот грамоту и не успела выучить. Теперь мне грамотный нужен, чтобы написал куда следует. Сейчас честным людям, невинно пострадавшим, память возвращают.

Я написал три письма: Ворошилову (в то время Председателю Президиума Верховного Совета СССР), Волкову (председателю Верховного суда) и министру обороны СССР, Маршалу Советского Союза Жукову.

Из поселка Восточно-Горняцкого (где все это было) я скоро уехал. И вновь оказался там через год. Решил проведать свою знакомую. Спрашиваю у соседей.

— Ее давно уже здесь нет, — рассказали мне они. — Получила из Москвы какие-то важные бумаги и уехала, теперь в Москве живет.

Вскоре в «Комсомольской правде» я прочитал корреспонденцию Тимура Гайдара о том, как в Югославию на родину героя гражданской войны Сердича приезжала его вдова, как тепло принимали ее там. А еще позже имя Сердича я встретил на страницах книги Г.К. Жукова «Воспоминания и размышления».

Если бы не я, письмо в Москву написал бы и другой «грамотный». И все же мне приятно, что этим «грамотным» был я.

М.Д. Великанов

1892—1938

Имя командарма Великанова ныне малоизвестно. Почти забыто с той давней поры, когда июльской ночью его вывели в глухой тюремный подвал...

Его обвиняли в том, что он являлся германским агентом и занимался шпионской деятельностью, выдавая врагу секретные сведения о воинских частях Северо-Кавказского, Московского, Среднеазиатского и Забайкальского военных округов, где он занимал высокие командные посты. Оправдать себя не представляло возможным. Шитое белыми нитками «дело» было сработано умело. И даже прекрасные служебные характеристики не принимались в расчет. А они говорили о многом.

Вот одна из аттестаций: «Тов. Великанов М.Д. — прекрасный боевой командир. Любит военное дело, работает над своим общим и военным развитием. Много читает серьезные военные труды. Изучает немецкий и французский языки...»

Михаил Дмитриевич родился в небольшом селе Рязанской губернии. После окончания военного училища работал в родном селе земским учителем. Призванный в армию, он был направлен в школу прапорщиков, а по окончании ее участвовал в сражениях первой мировой войны.

Во время гражданской войны командовал ротой, батальоном, полком. На всех командных должностях он показал себя умелым организатором и волевым командиром.

Вскоре Великанов был назначен командиром бригады в знаменитую 24-ю железную дивизию. Позже о Михаиле Дмитриевиче писали: «Он был смелым и неустрашимым в бою, всегда лично находился в передовых цепях с частями, невзирая на явную опасность для жизни, своим беспримерным героизмом увлекал красноармейцев в бой и одерживал над противником блестящие победы».

В феврале 1920 Великанов командовал ударной пехотной группой в составе 1-й Конной Армии. За бои в ходе Тихорецкой операции 1920 года он был награжден орденом Красного Знамени.

Затем, командуя Эриванско-Дилижанской группой войск, помогал армянскому народу в их освободительной борьбе против турецкой оккупации. Участвовал в освобождении Тифлиса от врагов.

После окончания гражданской войны Великанов окончил Высшие военно-академические курсы командного состава РККА. Был командиром стрелкового корпуса. С 1923 года он — помощник командующего войсками военного округа, инспектор пехоты РККА. С 1933 года — командующий войсками Среднеазиатского, а с июня 1937 года — Забайкальского военных округов. Имел звание командарма 2-го ранга, награжден тремя орденами Красного Знамени.

М.К. Левандовский

1890—1937

М.К. Левандовский — выпускник Владимирского военного училища, которое закончил в 1912 году. С началом первой мировой войны на фронте, дослужился до звания штабс-капитана.

В феврале 1918 года Левандовский добровольно вступил в Красную Армию. В июле того же года был избран наркомом по военным делам Терской Советской Республики. Командовал Владикавказско-Грозненской группой войск, руководил ликвидацией контрреволюционных выступлений в районах Владикавказа и Грозного.

В январе 1919 года Михаил Карлович назначается командующим 11-й армией, ведущей напряженные бои с превосходящими силами противника в районе Кавказских Минеральных Вод. Войска армии, на две трети пораженные тифом, обремененные большим обозом и беженцами, не могли соревноваться в подвижности с отборными кавалерийскими соединениями противника. Силы врага превосходили советские войска более чем в пять раз.

11-я армия, неся большие потери, отступала. 27 января была оставлена станция Прохладная, 30 января — Моздок. К началу февраля Каспийско-Кизлярский фронт оказался прорванным от

реки Маныч до Кизляра. Остатки 11-й армии начали переформировываться.

В апреле 1919 года, сдав командование 11-й армией, Левандовский принимает 33-ю стрелковую дивизию. Соединение принимает активное участие в разгроме Добровольческой армии генерала Деникина. В конце октября, действуя на фланге ударной группировки, дивизия стремительным ударом овладела важным железнодорожным узлом Лиски и захватила плацдарм на противоположном берегу Дона.

В январе 1920 года 33-я стрелковая дивизия под командованием Левандовского совместно с частями 1-й Конной Армии осуществила Ростов-Новочеркасскую операцию. К исходу 8 января они ворвались в Ростов и после непрерывных боев к вечеру 10 января полностью очистили от противника город. Белогвардейцы поспешно бежали на левый берег Дона. От полного разгрома их спасла неожиданная наступившая оттепель, которая затруднила переправу советских войск. Однако частям Красной Армии удалось овладеть переправами через Дон и железнодорожным мостом в районе Ростова. В плен было взято 11 тыс. солдат и офицеров и захвачено 170 пулеметов, 33 орудия и 7 танков, поставленных англичанами.

В феврале 1920 года комдив Левандовский за бои на Северном Кавказе награждается орденом Красного Знамени.

В марте он снова принимает командование 11-й армией. 30 апреля ее передовые части вступили в Баку. По овладении столицей Азербайджана войска армии получили директиву на освобождение от врага всей республики. За осуществление Бакинской операции Левандовский удостоивается ордена Красного Знамени Азербайджанской ССР.

В январе 1921 года Левандовский назначается командующим войсками Теркской группы для участия в Тифлисской операции. Войскам главной группировки предстояло наступать на город с юга и юго-востока. Теркская группа под командованием М.К. Левандовского должна была наступать по Военно-Грузинской дороге с севера, чтобы отрезать Казбекскую группу войск противника и предотвратить взрыв моста через Терек в Дарьяльском ущелье. Часть сил обходила Рокский перевал и гору Крестовую с целью перекрыть Крестовый перевал. Операция была проведена успешно. Начатая 16 февраля, она завершилась через девять дней.

После гражданской войны Левандовский — помощник командующего Северо-Кавказского и Украинского военных округов, а в мае 1924 года вступает в командование Туркестанским фронтом.

Отмеченный правительством за ликвидацию басмачества, Михаил Карлович занимает руководящие посты в Москве. В 1929 году он был назначен командующим войсками Сибирского военного округа, а позже командующим Кавказской Краснозна-

менной армии. Левандовский имел воинское звание командарма 2-го ранга. В 30-е годы удостоился ордена Ленина.

В июне 1937 года последовало новое назначение — командующим Приморской группой войск Особой Краснознаменной дальневосточной армии. Однако вместо Хабаровска он попал в Московскую тюрьму. Следствие было недолгим: через месяц его судили и 27 июля расстреляли.

Е.И. Ковтюх

1890—1938

В далекие предвоенные годы, когда автор этой книги был школьником, летом он выезжал с пионерским отрядом на отдых. Лагерь располагался на берегу Черного моря, в небольшом местечке Кабардинке, дома которого утопали в буйной зелени на полпути от Новороссийска к Геленджику. Через село, населенное греками, пролегалo неширокое шоссе.

— Эта дорога знаменита! — говорил всезнающий Филипп Трофимович, преподававший в школе историю. — В годы гражданской войны по ней знаменитый Ковтюх вывел из окружения красную дивизию.

И он увлеченно рассказывал о бесстрашном красном командире Епифане Ковтюхе, который возглавил поход обреченных на гибель людей и сумел их спасти.

Об этом походе Александр Серафимович написал целую книгу, где главного героя, легендарного Епифана Ковтюха, вывел под именем Кожух. Повесть называлась «Железный поток».

Известному писателю, автору знаменитого романа «Чапаев» Дмитрию Фурманову посчастливилось близко знать Епифана Ковтюха. И вот как он его рисует: «У него атлетическая, коренастая фигура,

широкая грудь. Большие рыжие усы для того лишь и созданы, чтобы он их щипал и крутил, когда обдумывает дело, а в тревожной обстановке он все время полон мыслями. И в эти минуты уже не говорит — командует. Зорки серые светлые глаза; чуток слухом, крепок, силен и ловок Ковтюх. Он из тех, которым суждено остаться в памяти народной полуполюгандарными героями. Вокруг его имени уже складываются были и небылицы, его имя присоединяют красные таманцы ко всяким большим событиям».

Елифан Иович Ковтюх родился в 1890 году в селе Батурино Херсонской губернии. В 1911 году был призван в армию. По окончании школы прапорщиков был направлен на Кавказский фронт. Командовал ротой. Последний чин в царской армии — штабс-капитан.

Перейдя на сторону советской власти, участвовал в боях с белогвардейцами на Северном Кавказе.

Во время героического похода Таманской армии (август — октябрь 1918 года) командовал шедшей в авангарде 1-й колонной, добившейся успехов в боях под Архипо-Осиповкой, Агайским перевалом, Туапсе, Белореченской и Армавиром.

В августе 1920 года на кубанское побережье Азовского и Черного морей был высажен из Крыма белогвардейский десант генерала Улагая с целью поднять восстание кубанского казачества и свергнуть советскую власть.

Командующим 9-й армией было принято решение вражеский десант уничтожить, возложив главную роль на добровольческую группу под командованием Ковтюха. Эта группа в 600 штыков и сабель при четырех орудиях и 15 пулеметах скрытно выдвинулась на трех пароходах и четырех баржах по рекам Кубань и Притока в тыл белогвардейцам и внезапным ударом разгромила вражескую группировку.

Ковтюх также принимал участие в ликвидации Кронштадтского мятежа 1921 года. Награжден тремя орденами Красного Знамени.

После гражданской войны он командовал стрелковой дивизией и корпусом. С 1936 года — инспектор и заместитель командующего войсками Белорусского военного округа. В этой должности его и арестовали в 1938 году.

К нему применялись страшные пытки с целью вынудить его дать ложные показания о себе и других невинных. Позже один из сотрудников НКВД сообщил:

«Я лично видел в коридоре Лефортовской тюрьмы, как вели с допроса арестованного, избитого в такой степени, что его надзиратели не вели, а почти несли. Я спросил у кого-то из следователей, кто этот арестованный? Мне ответили, что это комкор Ковтюх, которого Серафимович описал в романе “Железный поток” под фамилией Кожух».

Ковтюх мужественно перенес истязания, отрицал предъявленные ему обвинения, не дал ложных показаний.

Обращаясь к Сталину из тюрьмы, он писал: «Я тот Кожух, который с 60-тысячной массой беженцев, их жен и детей, полураздетыми, полуголодными, недостаточно вооруженными совершил 500-верстный поход, перевалив через Кавказский хребет, и вывел эту армию из вражеского окружения. Я командовал той дивизией, которая ночной атакой освободила Сталинград от белых...

За что погибаю и зачем такая жестокая расправа со мной — не знаю. Я со слезами заканчиваю и надеюсь, что вы спасете мне жизнь».

Тщетны были надежды испытанного воина: ответа не последовало. Обвинив его в контрреволюционном заговоре, к нему применяли жестокие пытки, но, не добившись ни единого доказательства вины, судили как заговорщика. Приговор — высшая мера наказания.

Е.И. Ковтюха расстреляли 28 июля 1938 года.

В прилагаемом очерке рассказывается об освобождении дивизией Ковтюха Царицына.

Последний бой за Царицын

(В сокращении)

В период тяжелого положения на Южном фронте, когда противник приближался к гор. Орлу, а Мамонтов, совершая свой рейд, доходил до Козлова, угрожая центру советской страны, я возвратился после своего выздоровления в Москву и сделал в РВСР подробный доклад о жизни и боевой деятельности Таманской армии.

В своем докладе я просил РВСР разрешить мне в срочном порядке создать Таманскую дивизию путем объединения уцелевших таманских частей.

РВСР согласился с моим предложением, и был дан соответствующий приказ от 9 сентября 1919 г. за № 1431/286. Срок окончательного формирования дивизии был назначен в полтора месяца. Получив все указания от РВСР и необходимое имущество, я выехал из Москвы и 22 сентября прибыл в Вольск, где и приступил к выполнению возложенной на меня задачи.

Таманцы и кубанцы, услышав призыв для сбора и похода на Кубань, быстро отозвались со всех концов РСФСР. Сначала они прибывали в гор. Вольск одиночным порядком, а потом партиями и командами.

К концу ноября 1919 г. положение на Южном фронте ухудшилось. Ввиду этого Таманская дивизия, не окончившая своего формирования, была срочно переброшена на фронт под Царицын в распоряжение командарма-11.

По прибытии в район с. Владимировки, где всей дивизии приказано было сосредоточиться, я получил приказ командарма-11 образовать из 48-й Таманской и 50-й стрелковой дивизий 50-ю Таманскую дивизию, коей после формирования поручалось взять гор. Царицын.

Обстановка, сложившаяся на фронте 10-й и 11-й армий ко 2 января, настоятельно требовала немедленного взятия гор. Царицына, так как, находясь в руках противника, город разъединял 10-ю и 11-ю армии и препятствовал их согласованному продвижению на юг. Со взятием города обе армии входили в тесную связь между собой.

Главная надежда в атаке возлагалась на старых таманцев, многое испытавших и закаленных в неоднократных ночных боях во время 500-километрового похода в тылу у белых.

Очень большую помощь в смысле моральной подготовки частей оказали рабочие бывшего Французского завода, с которыми красноармейцы имели возможность лично беседовать. Рабочие сообщали, что противник собирается уходить из Царицына и при первом нашем наступлении покинет город. Эти сведения ободряюще действовали на красноармейцев, которые желали скорее перейти в наступление.

Таким образом, моральное состояние частей было крепкое и не внушало опасения или тревоги даже при неудачном исходе атаки.

Общая задача — атаковать противника — возлагалась на 3-ю Таманскую пехотную бригаду, состоявшую из трех полков.

Кавалерийская бригада получила задачу обеспечить левый фланг и тыл и при первой возможности перейти через Волгу у колонии Сарепта.

Артиллерии были поставлены задачи: борьба с артиллерией противника, разрушение окопов, уничтожение живых целей, борьба с воздушным флотом. В момент самой атаки артиллерия должна была открыть ураганный огонь по центру города и тем улицам, по которым возможно было движение частей на поддержку.

Атака рассчитывалась на внезапность, и поэтому начало ее было назначено после того, как Волга покроется льдом. Здесь возникал вопрос, не лучше ли было бы в главную атакующую колонну назначить 449-й полк, как ранее

переправившийся на правый берег Волги. Эти выгоды были учтены, но так как движение этого полка обнаруживалось с первого же момента, то терялась всякая возможность внезапности атаки, на чем был построен весь ее успех.

Таманцы и врангелевцы стояли лицом к лицу. Лишь быстрая Волга, покрытая у берегов тонкой коркой льда, разделяла их.

Каждый вечер, когда черная, непроницаемая завеса окутывала лагерь таманцев, с того берега доносились к нам шум города, ржание коней, звуки гармоник и отголоски кулацкой песни:

Ах, Кубань ты, наша родина,
Вековой наш богатырь!

Маленькими мигающими огоньками освещался Царицын.

К утру 1 января ударил сильный мороз; плавающие по реке льдины сцеплялись друг с другом, накапливались в более узких местах реки. К полудню движение льда по реке прекратилось, а к вечеру начался сильный треск льда. Это мороз скреплял поверхность реки и готовил переход для наших не ожидаемых противником частей.

2 января мороз усилился, и можно было надеяться, что вечером одиночным разведчикам удастся перебраться на правый берег реки. Тщательная разведка реки, произведенная с наступлением темноты, установила переходы в более узких местах в направлении острова северо-восточнее города.

После разведки и отыскания путей я созвал командиров и комиссаров полков. В небольшой халупе с низким потолком, пробитым снарядом гаубицы, мы провели совещание.

В 6 часов вечера подписали приказ о штурме города. Выступить решили ровно в 11. Оставшиеся пять часов использовали для подготовки. Каждому полку дали точные указания.

Противник, по-видимому, совершенно не ожидал нашей атаки. Его позиция по-прежнему занималась небольшими частями, а основная часть сил ввиду мороза располагалась в ближайших домах города. Поэтому же он не заметил нашего движения по реке и был застигнут врасплох.

До назначенного часа общего наступления части сделали необходимые передвижения и заняли исходное положение.

Ровно в 23 часа раздался оружейный выстрел.

«У-ух» — грохнула шестидюймовка. Это был сигнал. Колонны бойцов в запорошенных шинелях, слившиеся со снежным покровом реки, бросились в атаку с криком «ура».

— Быстро, быстро, — торопил я своих бойцов. — Ни секунды задержки... Бегом!

Вот и берег. С громким криком «ура» таманцы бросились в атаку, ворвались в окопы и, уничтожив слабые части противника, двинулись к городу.

На крики «ура» и артиллерийский огонь части противника выбежали из домов, и завязался ожесточенный уличный бой, переходящий в рукопашные схватки. Наше дальнейшее продвижение начало замедляться.

Неожиданно в разных местах города с потрясающей силой раздалась взрывы.

Это противником были взорваны городская и железнодорожная водоканалы, электрическая станция и мосты. Наши части, своевременно поставленные об этом в известность перебежчиками, особенного внимания на взрывы не обра-

щали. Части же противника после взрыва начали отходить в глубь города, где, подвергаясь обстрелу нашей артиллерии, разбежались. Это позволило нашим частям преследовать отходящего противника.

В дальнейшем противник упорного сопротивления не оказывал и поспешно в беспорядке разбежался по улицам и дворам и далее за город.

К 5 час. обе колонны соединились и, очищая город, двинулись к южной окраине. Но к этому времени 448-й полк уже вышел на южную окраину и преградил путь отхода противнику на юг. К 1 часу 3 января город был очищен от противника, а к 6 час. пехотные полки заняли ст. Елшанку, южнее Царицына.

Кавалерийская бригада одновременно с общей атакой перешла в районе Сарепты на правый берег и перехватила железную дорогу Царицын — Тихорецкая, благодаря чему были захвачены шедшие из Царицына около 60 эшелонов с войсками и имуществом.

Эта операция представляла поучительный пример ночной атаки почти неприступной позиции, дала хорошие результаты в виде большого количества пленных и трофеев. Наши 10-я и 11-я армии после взятия таманскими частями гор. Царицына установили тесную связь и двинулись вперед.

Противник, потеряв Царицын, почти безостановочно отступал за р. Маныч на протяжении 250 километров в глубину своего фронта, преследуемый нашими частями. При этом продолжительном отступлении его части окончательно деморализовались и потеряли боеспособность.

Части 50-й Таманской дивизии после короткой передышки, преследуя противника, двинулись по направлению

к Сарепте. Противник, отойдя к ст. Бекетовка, занял возвышенности западнее этой станции и пытался задержать наше движение.

Коротким ударом наши части сбили противника с занятой позиции и отбросили его в западном направлении. К вечеру 4 января эти части соединились в Сарепте с остальными (1-й и 2-й бригадами).

Противник, потеряв Сарепту, окончательно оторвался от Волги и постепенно по всему фронту начал отступать на юг.

Глава четвертая

ВОСКРЕСШИЕ ИЗ ВЫБИТЫХ

Репрессии командного состава 1937—1939-х годов не могли не оказать отрицательного влияния на состояние Красной Армии, ее боеготовность и боеспособность. Места зрелых, многоопытных командиров заняли молодые выдвиженцы, часто не способные самостоятельно решать возникающие перед ними задачи. До 70 процентов командиров полков и свыше 70 процентов командиров дивизий работали в должности менее года. Это естественно отразилось на авторитете командного состава, дисциплине в частях и подразделениях, среди личного состава процветало пьянство.

Особенно слабую подготовку командного состава, ослабленного репрессиями, показала война с Финляндией. Планируя ее, советское командование рассчитывало закончить ее за 9—12 дней. Однако война длилась более трех месяцев, а точнее — 105 суток. Наши потери были ужасающими: более 272 тысяч убитых, раненых и обмороженных. 17 тысяч военнослужащих пропали без вести.

Не показали полководческого таланта ни нарком обороны маршал Ворошилов, ни главнокомандующий советскими войсками командарм 1-го ранга Тимошенко.

На состоявшемся в мае 1940 года совещании заместитель наркома обороны И. Проскуров заявил: «Как ни тяжело, но я прямо должен сказать, что такой разболтанности и низкого уровня дисциплины нет ни в одной армии, как у нас». Его поддержали возгласы с мест присутствующих: «Точно!», «Совершенно верно!».

О, эти слова потом Герою Советского Союза, генерал-майору авиации Ивану Проскурову обойдутся дорогой ценой. Его обвинят во вредительстве, назовут врагом народа и 28 октября 1941 года по устному распоряжению Берии расстреляют.

На том же майском совещании начальник управления по начальствующему составу РККА признался, что в общем числе уволенных в период 1936—1939 годов было большое количество несправедливо арестованных и уволенных. Поэтому много поступало жалоб...

Обстановка настойчиво требовала принятия незамедлительных мер по восстановлению и укреплению армейских кадров. Было принято решение о реабилитации части командиров и возвращении их в армию.

В их числе оказались будущие маршалы Советского Союза К.А. Мерецков и К.К. Рокоссовский, будущий генерал армии А.В. Горбатов, генерал-лейтенант Л.Г. Петровский, будущий генерал-майор И.И. Блажевич.

К.А. Мерецков

1897—1968

Кирилл Афанасьевич Мерецков — один из крупных военачальников предвоенного периода. Участник гражданской войны, он по окончании Военной академии РККА занимал ответственные посты в Московском и Белорусском военных округах. С января 1935 года — начальник штаба Особой Краснознаменной дальневосточной армии (ОКДВА).

В 1936—1937 годах — военный советник в войне с Испанией. Отличился там при проведении Гвадалахарской операции.

С мая 1937 года Мерецков — заместитель начальника Генштаба, а с сентября — командующий войсками Приволжского, а вскоре Ленинградского военных округов. Во время советско-финляндской войны 1939—1940 годов одновременно командовал 7-й армией, которая успешно вела боевые действия на Выборгском направлении. За умелое руководство войсками армии, героизм и мужество удостоился звания Героя Советского Союза.

В мае 1940 года Мерецкову было присвоено звание генерала армии, а в августе он — начальник Генштаба.

Занимая высокие посты, он, однако, находился под наблюдением органов НКВД. В октябре 1937

года на него поступает донос от одного из работников ОКДВА. «Обвинения» были составлены по примитивнейшей для тех лет схеме. Мерецков, мол, работал ранее в штабе Белорусского военного округа, а командующим там был «враг народа» Уборевич, естественно, что и Мерецков тоже «враг», только еще не разоблаченный. И его стали «таскать» и проверять.

В тот период военком Генштаба дает ему такую характеристику: «За последнее время работал не с полным напряжением, явно проявлял боязнь в принятии решений и даче указаний. Избегал подписывать бумаги и резолюций на бумаге никаких не писал, настроен был нервозно и имел подавленное настроение. В разговоре со мной очень часто вспоминал, как его вызывали в НКВД и какие он давал объяснения».

Через полтора месяца к данной характеристике появляется приписка: «По-прежнему Мерецков настроен нервно и неоднократно в разговоре с командармом Шапошниковым (начальником Генштаба. — А.К.) говорил, что «вот на меня все показывают, а я ведь ничего общего с врагами не имел».

И все же его «взяли». НКВД неутомимо продолжал стряпать новые «дела» разоблачения в армии затаившихся и нераскрытых еще врагов.

Сфабриковав незадолго до войны новую военную «заговорщическую» группу, он включил в нее генерала армии Мерецкова, наркома вооружения

Ванникова, начальника управления ПВО генерал-полковника Штерна, генерал-лейтенанта, дважды Героя Советского Союза Смушкевича, командующего войсками Прибалтийского особого военного округа генерал-полковника Локтионова.

Роль руководителя мнимых заговорщиков отводилась генералу Мерецкову. Его арестовали на второй день войны в Прибалтике, где он, заместитель наркома обороны, руководил боевыми действиями советских войск.

Один из подручных Берии, который вел следствие, позже признавался: «Физические методы воздействия применяли к Мерецкову сначала высокие должностные лица (он имел в виду Владзимирского и Меркулова. — А.К.), затем и рядовые следователи. Его били резиновыми палками. На Мерецкова до ареста имелись показания свыше сорока свидетелей о том, что он являлся участником военного заговора. В частности, были показания, что он сговаривался с Корком и Уборевичем дать бой Сталину».

«Вы отдавали себе отчет, что избивали крупнейшего военачальника, заслуженного человека?» — спросили палача-особиста.

«Я имел такое высокое указание, которое не обсуждается, — последовал ответ. — Нам приказали его сломать, и мы своего добились».

Мерецкова на допросах избивали в кровь. На очных ставках он сидел с отсутствующим взглядом, избегал смотреть на собеседника.

«Кирилл Афанасьевич, ну ведь не было этого, не было, не было!» — умоляюще протягивал руки к Мерецкову корчившийся от боли Локтионов. Но встречал измученный, потухший взгляд.

Ему бы не избежать расстрела, если б на одном из совещаний у Сталина не возникла необходимость в военном знатоке Северо-Западного края.

— Более подходящей кандидатуры, чем генерал Мерецков, нет, — высказались присутствующие.

— А где он? — спросил Сталин. — Почему я давно его не вижу?

— Находится у Лаврентия Павловича.

Сталин перевел взгляд на Берию.

— Завтра он должен быть здесь.

— Завтра не сможет. Будет послезавтра, — ответил тот.

Перед освобождением Мерецкова вызвал к себе заместитель Берии Меркулов.

Увидев истязателя, генерал сказал:

— Всеволод Николаевич, раньше мы запросто встречались, а теперь я боюсь вас. И не хотел бы вас знать.

Меркулов усмехнулся.

И вот в назначенное время в кабинет Сталина вошел, с трудом передвигаясь, генерал.

— А вы где пропадали, товарищ Мерецков? — с маской озабоченности спросил Сталин, вглядываясь в подозрительно напудренное сверх меры лицо генерала. — В стране труднейшая обстановка, а вас нет. Нашел время отсиживаться!

Заметив, что тот плох, Сталин взял стул и подал генералу. С той поры Мерецкову в порядке исключения разрешалось сидеть в присутствии вождя.

Автору этих строк довелось воевать в годы Великой Отечественной войны на Карельском фронте, командующим которого был генерал армии Кирилл Афанасьевич Мерецков. Летом 1944 года, когда войска форсировали холодную и быструю Свирь, генерал был в цепях передового батальона.

А в последний раз я видел его в 1968 году в Москве, на военно-научной конференции в Военной академии им. М.В. Фрунзе. Золотом отливали маршальские погоны, на мундире пестрели ленточки многорядной, почти до пояса орденской планки, поблескивала звезда Героя... А в руках палка, на которую он тяжело опирался.

Больно было видеть такое, и вряд ли, кто тогда догадывался, что это следствие пребывания военачальника в застенках НКВД.

К.К. Рокоссовский

1896—1968

Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза. Участник первой мировой войны. В Советской Армии с 1918 года.

В гражданскую войну — командир кавалерийского полка. В 1929 году окончил курсы усовершенствования высшего начальства при Военной академии им. М.В. Фрунзе. С ноября 1940 года — командир механизированного корпуса. В июне 1941 года — генерал-майор.

В начале войны командовал мехкорпусом, с августа 1941 года — 16-й армией, с июля 1942 года — Брянским фронтом. В последующем — командующий Донским, Центральным, Белорусским, 1-м и 2-м Белорусским фронтом.

Войска под командованием К.К. Рокоссовского успешно действовали в Смоленском сражении 1941 года, в Московской, Восточно-Прусской и Берлинской операциях.

После войны Рокоссовский — главнокомандующий Северной группой войск. В октябре 1949 года по просьбе правительства ПНР был министром Национальной обороны ПНР. Маршал Польши.

По возвращении в СССР с 1956 года — заместитель министра обороны СССР. С октября 1957 года — командовал войсками Закавказского военного округа.

Награжден семью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, шестью орденами Суворова и Кутузова 1-й степени. Удостоен ордена «Победа».

В 1936 году за успехи в боевой подготовке подчиненного соединения Рокоссовский награждается высшей правительственной наградой — орденом Ленина.

В этот тревожный период комдива Жукова вызвали в Минск на беседу. Задав вопросы из биографии, спросили, кто из его знакомых арестован. Он назвал несколько фамилий сослуживцев.

— А с кем из них вы дружили?

— Дружил с Рокоссовским и Данилой Сердичем, — ответил Жуков. — Я считал их большими патриотами нашей родины и честнейшими людьми.

— Вы и сейчас о них такого же мнения?

— Да, и сейчас.

— А не опасно ли восхвалять врагов народа?

Да, в этот период Константин Константинович, став жертвой клеветы, был арестован. Его обвиняли в связях с польской и японской разведками, во враждебной деятельности и других антиправительственных делах. Доказать абсурдность обвинения не было никакой возможности. Ловкачи из НКВД «дело» состряпали умело.

В начале 1936 года Рокоссовского перевели из Забайкалья в Псков, где он принял командование 5-м кавалерийским корпусом, входившим в состав Ленинградского военного округа. В короткий срок

он зарекомендовал себя в новой должности весьма положительно.

Аттестация полностью отвергала наговор всемогущих органов безопасности. Вот, в частности, что в ней писалось: «За полгода пребывания в округе на должности комкора 5-го кавкорпуса показал умение быстро поднять боевую подготовку вновь сформированных дивизий. На маневрах дивизии действовали удовлетворительно. Сам комдив Рокоссовский показал вполне хорошее умение разобраться в оперативной обстановке и провести операцию. Очень ценный растущий командир. Должности командира кавалерийского корпуса соответствует вполне. Достоин присвоения звания комкора. Комвойсками ЛВО, командарм 1-го ранга Б. Шапошников».

Аттестацию подписал тот самый Борис Михайлович Шапошников, который вскоре стал маршалом и начальником Генерального штаба, первейший знаток военной науки, авторитет которого признавал сам Сталин.

Сын Рокоссовского, Виктор Константинович, рассказал, как в глухую осеннюю ночь 1937 года его, десятилетнего мальчугана, разбудил настойчивый стук в дверь. Они тогда с матерью жили в Иркутске.

— Кто там? Что надо? — дрогнувшим голосом спросила Людвигу Викторовна.

— Открой, Люда! — слышался голос соседки. — Нужно передать тебе кое-что.

Прогремела защелка, и в комнату вместе с соседкой и дворником вошли незнакомые люди в ов-

чинных полубухах, форменных фуражках, отличающих блеском хромовых сапогах.

— Вот ордер на производство обыска, — сказал один, показывая бумажку. — А они, — указал на соседку и дворника, — понятые, свидетели, стало быть. Есть ли что в квартире, принадлежащее Константину Рокоссовскому?

Людвига Викторовна достала из верхнего ящика стола плоский браунинг отца, молча подала.

— И это все?

— Он с семьей живет в Пскове, там его квартира, в ней ищите, — ответила мать.

— Уже там проверяли, решили проверить здесь.

С привычной тщательностью они перебирали содержимое ящиков старого комода, перетряхивали постели, перелистывали книги, даже учебники Виктора, обстучали подоконники и половицы пола.

Виктор с испугом наблюдал за происходящим. Никак не мог понять, почему эти военные люди так недобро настроены против отца, которого все мальчишки двора считали героем гражданской войны, преданным родине красным командиром.

Уходя, старший с напускным сочувствием сказал:

— Вам бы впору, гражданка Брыловская, написать заявление в осуждение предательской деятельности врага народа Рокоссовского. Так для вас будет лучше. Да и нелишне бы сменить сыну фамилию.

— Ничего делать не буду, — решительно ответила Людвига Викторовна. — Чему быть, того не миновать.

На следующий день к дому подъехала машина с грузчиками. Старший из них зачитал матери по-

становление о конфискации имущества. Она начала было возражать, но тот, не слушая, приказал выносить из квартиры указанные в списке вещи. Виктор помнил, как со стены над его кроватью сорвали ковер, сшитый из оленьих шкур, вылили из аквариума воду вместе с рыбками. Вынося опорожненную емкость, один мужик сказал:

— И с этим добром нам еще возиться...

— А мы сделаем так, — сказал другой и ударил камнем по аквариуму. Осколки со звоном разлетелись. — Вот и избавились.

Потом заявился домоуправ, сказал, чтобы в течение дня квартиру освободили.

— Куда же нам идти? — со слезами на глазах спросила мать.

— Это нас не касается. Квартира предназначена очередному жильцу.

И директор театра, где работала Людвиг Викторовна, заявил, что в связи с сокращением штата она увольняется.

Это были такие удары судьбы, выдержать которые не всякая женщина смогла бы. Еще через два дня Людвиг Викторовна с Виктором сели на московский поезд. Они возвратились в родной Смоленск.

Почти три года находился Константин Константинович под арестом. И таких в стране были десятки тысяч.

Сутками продолжались допросы. В пыточных камерах морили голодом, холодом, жаждой. Заточали в камеру смертников, дважды ночью вывози-

ли в лес на расстрел. Но он выдержал нечеловеческие испытания, выстоял. Ни на кого не дал показаний, ни одного человека не арестовали по его делу.

Позже Сталин поинтересовался:

— Там били?

— Били, — ответил он, глядя в пронзительные глаза всесильного вождя.

Вспоминать о пережитом не любил. Когда его об этом спрашивали, замыкался или переводил разговор на другое.

Репрессиям в то время подверглась значительная часть офицерского корпуса Красной Армии. Многие были расстреляны. Рокоссовский чудом остался в живых.

А угроза новой войны, меж тем, нарастала. Ее огонь уже полыхал в Европе, подняла голову и японская военщина. Обстановка вынуждала пересмотреть сфабрикованные «дела» на некоторых военачальников.

На всю жизнь в памяти Константина Константиновича сохранился студеный мартовский день, когда его вызвали в канцелярию тюрьмы.

— Рокоссовский? — хрипло спросил усач, обутый в добротные теплые бурки, и посмотрел на рваные опорки арестованного.

— Точно так, гражданин начальник.

— Это какой же у тебя нашелся покровитель?

— Не могу знать.

— Знаешь. Все знаешь, только прикидываешься. Ну, да ладно. Получай для воли документ, — и подал листок серой бумаги.

«Для воли? Не ослышался ли?» — с трудом сдерживая волнение, Рокоссовский взял бумагу, стал читать.

«Справка. Выдана гр-ну Рокоссовскому Константину Константиновичу, 1896 г.р., происходящему из гр-н б. Польши, г. Варшава, в том, что он с 17 августа 1937 г. по 22 марта 1940 г. содержался во внутренней тюрьме УТБ НКВД ЛО и 22 марта 1940 г. из-под стражи освобожден в связи с прекращением его дела. Следственное дело № 25358 1937 г.».

Он не стал вчитываться в подписи. Была бы печать. А она была: круглая, лиловая, с отчетливым оттиском.

— Надлежит ехать в Москву, в свой наркомат. И без задержки! Такое поступило распоряжение, — прохрипел усач. — Можешь идти.

По иронии судьбы через два года, когда завершился разгром немецко-фашистских войск на Волге, и имя генерал-полковника Рокоссовского было известно всей стране, к нему поступило одно среди тысяч поздравлений. Было оно от того тюремного начальника, усача, где Рокоссовский отсиживал свой срок.

Прочитав, Константин Константинович разорвал бумагу. Без улыбки произнес: «Рад стараться, гражданин начальник!».

Освобожденный из тюрьмы, Константин Константинович уже на следующий день был в столице.

Приведя себя в порядок, направился на Арбат, в Дом НКО.

— По распоряжению наркома обороны вы зачисляетесь снова в кадры Красной Армии с присвоением звания генерал-майора и предоставлением месячного отпуска, — сообщили ему в главном управлении кадрами.

После отдыха в Сочи его принял нарком. Когда-то Тимошенко был его непосредственным начальником, знал Рокоссовского как перспективного командира. И не без его участия тот был вызволен из тюрьмы.

— Готовьтесь, генерал, принять свой корпус. Он сейчас находится в пути и будет сосредоточен в Киевском военном округе. Командующим там ваш старый знакомый, Жуков. Он теперь генерал армии.

Некогда его подчиненный Георгий Жуков взлетел после халхингольских событий на такую высоту! А он, его начальник, лишь в первом генеральском чине.

Они встретились в Киеве, как старые друзья после долгой разлуки. Жуков был в зените славы: Герой, один из лучших советских полководцев, командующий ответственным, особым округом, сам Сталин ему покровительствует!

— Тебе, Костя, надо переключаться с кавалерии на механизированные войска. В предстоящей войне, а она не за горами, эти войска явятся решающей силой.

А.В. Горбатов

1891—1973

Генерал армии, Герой Советского Союза. В Советской Армии с 1919 года. Участник первой мировой войны, унтер-офицер. В гражданской войне — рядовой, командир взвода, эскадрона, полка, бригады. После гражданской войны — на различных командных должностях. С 1933 по 1937 год — командир кавалерийской дивизии.

В Великой Отечественной войне — с октября 1941 года. Участвовал в боевых действиях на Украине, под Сталинградом. С июня 1943 и до конца войны командовал 3-й армией. Его войска 5 августа 1943 года освободили г. Орел.

3-я армия успешно форсировала реки Сож и Днепр, участвовала в Белорусской, Восточно-Прусской операциях. В составе 1-го Белорусского фронта участвовала в Берлинской операции.

После войны Горбатов командовал воздушно-десантными войсками, войсками Прибалтийского военного округа.

Награжден тремя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, четырьмя — Красного Знамени, двумя — Суворова 1-й и 2-й степени и Кутузова 1-й и 2-й степени, двумя — Красной Звезды.

Приводим здесь отрывок из книги А.В. Горбатова «Годы и войны», вышедшей в Москве в 1989 году.

«После трехмесячного перерыва в допросах, 8 мая 1939 года, в дверь нашей камеры вошел человек со списком в руках и приказал мне готовиться к выходу с вещами!

Радости моей не было конца. Товарищ Б., уверенный, что меня выпускают на свободу, все спрашивал, не забыл ли я адрес его жены, просил передать ей, что он негодяй, не смог вытерпеть, подписал ложные обвинения, и просил, чтобы она его простила и знала, что он ее любит. Я пообещал побывать у его жены и передать ей все, о чем он просит.

Безгранично радостный, шел я по коридорам тюрьмы. Мы остановились перед боксом. Здесь мне приказали оставить вещи и повели дальше. Остановились у какой-то двери. Один из сопровождающих вошел с докладом. Через минуту меня ввели в небольшой зал: я оказался перед судом военной коллегии.

За столом сидели трое. У председателя, что сидел в середине, я заметил на рукаве черного мундира широкую золотую нашивку. «Капитан 1-го ранга», — подумал я. Радостное настроение меня не покидало, ибо я только того и хотел, чтобы в моем деле разобрался суд.

Суд длился четыре—пять минут. Были сверены моя фамилия, имя, отчество, год и место рождения. Потом председатель спросил:

— Почему вы не сознались на следствии в своих преступлениях?

— Я не совершал преступлений, потому мне не в чем было и сознаваться, — ответил я.

— Почему же на тебя показывают десять человек, уже сознавшихся и осужденных? — спросил председатель.

У меня было в тот момент настолько хорошее настроение, и я был так уверен, что меня освободят, что осмелился на вольность, в чем впоследствии горько раскаивался. Я сказал:

— Читал я книгу «Труженики моря» Виктора Гюго. Там сказано: как-то раз в XVI веке на Британских островах схватили одиннадцать человек, заподозренных в связях с дьяволом. Десять из них признали свою вину, правда, не без помощи пыток, а одиннадцатый не сознался. Тогда король Яков II приказал беднягу сварить живьем в котле: навар, мол, докажет, что и этот имел связь с дьяволом. По-видимому, — продолжал я, — десять товарищей, которые сознались и показали на меня, испытали то же, что и те десять англичан. но не захотели испытать то, что суждено было одиннадцатому.

Судьи, усмехнувшись, переглянулись между собой. Председатель спросил своих коллег: «Как, все ясно?» Те кивнули головой.

Меня вывели в коридор. Прошло минуты две. Меня снова ввели в зал и объявили приговор: пятнадцать лет заключения в тюрьме и лагере плюс пять лет поражения в правах...

Это было так неожиданно, что я, где стоял, там и опустился на пол.

В тот же день меня перевели в Бутырскую тюрьму, в камеру, где сидели только осужденные, ожидавшие отправки. Войдя, я громко поздоровался и представился по-военному: «Комбриг Горбатов». После Лефортовской эта тюрь-

ма показалась мне санаторием. Правда, в камере, рассчитанной на двадцать пять человек, было более семидесяти, но здесь давали ежедневно полчаса прогулки, вместо десяти минут в Лефортове.

Староста указал мне место у двери и параши. Когда я занял свои пятьдесят сантиметров на нарах, сосед спросил:

- Сколько дали, подписал предложенное?
- Пятнадцать плюс пять. Ничего не подписал.
- Репрессии применяли?
- В полном объеме.
- Да, не скупятся в таких случаях.

По мере того, как одни уходили, а другие приходили, я становился уже старожилом и продвигался от параши и двери ближе к окну...

Среди моих сокамерников опять оказалось много людей, которые на допросах сочиняли, как они говорили, «романы» и безропотно подписывали протоколы допросов, состряпанные следователем. И чего только не было в этих «романах»! Один, например, сознался, что происходит из княжеского рода и с 1918 года живет по чужому паспорту, взятому у убитого им крестьянина, что все это время вредил советской власти и т.п. Многие, узнав, что мне удалось не дать никаких показаний, негодовали на свои вымыслы и свое поведение. Другие успокаивали себя тем, что «всему одна цена — что подписал, что не подписал; ведь вот Горбатов тоже получил пятнадцать плюс пять». А были и такие, что просто мне не верили...

И вот, наконец, большинству из нас было приказано подготовиться к выходу с вещами. Потом нас в специальных крытых машинах повезли по улицам Москвы на плат-

форму одной из дорог и усадили в товарные вагоны. Все молчали и думали в это время, кто о чем. Я все еще почему-то верил, что правда восторжествует и я буду на свободе.

Когда миновали Волгу, стало ясно — везут в Сибирь. В Свердловске нас направили в пересыльную тюрьму. По городским улицам мы шли понуриив головы, окруженные охраной с овчарками, как опасные преступники. Нам стыдно было взглянуть в лицо советским людям, идущим по тротуарам, а они смотрели на нашу разношерстную колонну — одни с презрением, другие с недоумением и жалостью. Как хотелось громко крикнуть: мы не преступники, нет, нет, мы жертвы преступления! Но этого никто не осмеливался сделать. Мы, глядя под ноги, шли медленным шагом. Вероятно, некоторые граждане, идущие навстречу, хотели кому-то что-то подать, так как время от времени были слышны резкие окрики: «Не подходи, не передавай!» — да рычание четвероногих помощников конвоя.

В тюрьме нам впервые было разрешено купить бумагу и написать письма — «только чернилами и ничего лишнего...»

У одного из пяти уголовных, ехавших с нами в вагоне, был небольшой кусочек карандашного графита, который он утаил при обыске; он согласился продать его за две пачки махорки. Выписав из лавочки эти две пачки и две книжечки папиросной бумаги, я отдал ему махорку, взял карандаш и написал на тонких листиках письмо, пронумеровав каждый листок. Конверт я сделал из бумаги, в которую была завернута махорка, и заклеил его хлебом. Чтобы письмо не унесло ветром в кусты при выброске из вагона, я привязал к нему корку хлеба нитками, которые вытащил из полотенца, а между конвертом и коркой вложил рубль

и четыре листочка с надписью: «Кто найдет конверт, прошу приклеить марку и опустить в почтовый ящик». Проехав какую-то большую станцию, я устроился у окна вагона и незаметно выбросил письмо, когда миновали последнюю стрелку: я опасался, что, если письмо поднимут при свидетелях, оно не будет отправлено по адресу, а попадет туда, куда оно менее всего должно попасть.

Поезд медленно увозил нас на восток. Для санитарной обработки наш печальный эшелон останавливался в Новосибирске, Иркутске, Чите. Боясь, как бы в бане меня не обокрали «уркаганы», я мылся правой рукой, а в левой держал деньги. Помню — это было в Иркутске, — вымывшись, мы шли одеваться. Неожиданно один из уголовных подножкой повалил меня на пол, а двое других разжали мой левый кулак и отняли деньги под громкий смех одних и гробовое молчание других заключенных. Протестовать и жаловаться было бесполезно...

Миновав Нерчинск, мы уже воинских эшелонов не видели. Я подумал: вероятно, войска передвигаются в Монголию. Действительно, в это время начались боевые действия на Халхин-Голе. О них я узнал много позже.

Наконец в начале июля 1939 года нас привезли во Владивосток и разместили за городом в деревянных бараках, обнесенных колючей проволокой. Там было много заключенных, прибывших ранее. Нас продержали здесь дней десять. Стало ясно, что, во-первых, войны с Японией нет, а во-вторых, нас везут на Колыму. Задерживали же нашу отправку потому, что поджидали другие эшелоны, чтобы заполнить большой корабль...

На пароходе нас было около семи тысяч. Сидели мы в трюме, в отдельных отсеках. Время от времени нас выводили на палубу подышать свежим воздухом. Однажды во время прогулки мы увидели, что наш пароход идет через ворота Лаперуза. Справа виднелся японский берег, а слева — южная оконечность Сахалина, захваченная японцами в 1904–1905 годах. Нас охватила какая-то тревога, мы даже говорили от волнения тихо. Я думал в то время: если нас не освободят до войны с Германией и Японией, то нам отсюда уже не вырваться: эти ворота закроются для наших судов, и останется один-единственный маловероятный путь — по воздуху...

В Охотском море со мной стряслось несчастье. Рано утром, когда я, как и многие другие, уже не спал, ко мне подошли два «уркагана» и вытащили у меня из-под головы сапоги. Сильно ударив меня в грудь и по голове, один из уголовных с насмешкой сказал: «Давно продал мне сапоги и деньги взял, а сапог до сих пор не отдает». Рассмеявшись, они с добычей пошли прочь, но, увидев, что я в отчаянии иду за ними, остановились и начали меня снова избивать на глазах притихших людей. Другие «уркаганы», глядя на это, смеялись и кричали: «Добавьте ему. Чего орешь? Сапоги давно не твои». Лишь один из политических сказал: «Что вы делаете, как же он останется босой?» Тогда один из грабителей, сняв с себя опорки, бросил их мне.

Я не раз слышал в тюрьме рассказы о скотской грубости уголовных, но, признаться, никогда не думал, что в присутствии других заключенных могут вот так безнаказанно грабить...

Все эти изнурительные семь суток плавания мы питались сухим пайком, который доходил до нас в сильно

урезанном виде да получали немного кнхяткв. Многие не выдержали такого режима и заболели...

Мы пришли в Магадан, в центр Колымского края. Кто-то, по-видимому, уже знавший эти места, тихонько пропел:

Колыма, ты Колыма,
Дивная планета!
Десять месяцев зима,
Остальное — лето.

Магадан нас встретил неприветливо: моросил дождь, было холодно, выбоины на дороге полны воды. Шли молча, каждый думал о своем. Прохожие не обращали внимания на нас: вероятно, эта картина магаданцам уже примелькалась.

В луже остался мой опорок. Я наклонился, стал его поднимать, этим затормозил движение. Получил увесистый тумак и упал боком в лужу. Соседи помогли встать, порядок в колонне был восстановлен. Я мог ответить конвоиру только укоризненным взглядом, который он и не заметил.

После кое-какой санобработки и разбивки по группам нас, кроме явно больных, направили на отдаленные прииски, в пятистах-семистах километрах от Магадана».

Л.Г. Петровский

1902—1941

Леонид Григорьевич Петровский — один из наиболее молодых и перспективных военачальников предвоенных лет. Службу в Советской Армии он начал в 1918 году, в годы гражданской войны прошел отличную боевую школу: командовал взводом, ротой, полком, воевал на многих фронтах, был трижды ранен.

Закончил с отличием Военную академию РККА, а позже курсы усовершенствования высшего состава. По окончании академии командовал батальоном, полком, был начальником штаба стрелковой дивизии. В 1937 году в звании комкора Петровский командовал стрелковым корпусом. В декабре он — командующий Среднеазиатским военным округом, а потом заместитель командующего войсками столичного, Московского округа.

А в мае 1938 года вдруг последовал арест, заключение как врага народа в Лефортовскую тюрьму, приказ наркома обороны об увольнении его из армии. Наверняка, его бы расстреляли, если бы не помощь отца — кандидата в члены Политбюро ЦК ВКП(б)... В декабре 1940 года Петровского вновь зачислили на службу в армию, назначили командиром корпуса. С ним он в июне 1941 года в соста-

ве 21-й армии вступил в бой против немецко-фашистских войск. Июнь, июль и август корпус вел тяжелые оборонительные бои в Белоруссии, в районе Рогачева и Жлобина. Там, осуществив на бобруйском направлении контрудар, корпус успешно форсировал Днепр, углубился в расположение противника почти на 30 километров.

Для немецкого командования этот удар, где на решающем направлении действовал корпус генерала Петровского, оказался полной неожиданностью. Оно спешно направило на угрожающее направление мощные резервы. Немцы с трудом остановили наступление советских войск. В результате превосходства в силах и средствах противнику удалось окружить части корпуса, вынудить их вести бой в невыгодных для них условиях.

В это время через прибывшего на самолете делегата связи генерал-лейтенант Петровский получил приказ о назначении его командующим 21-й армией. Подчиняясь приказу, он должен был вылететь на том же самолете в назначенную армию, но не сделал этого. Он отказался покинуть находившиеся в тисках окружения подчиненные ему части. Попросил командование Западного фронта отсрочить время вступления в новую должность до вывода корпуса из окружения.

Его заставили пойти на такой шаг чувство воинского долга, ответственность за судьбы подчиненных ему людей и просто гражданская совесть.

Прорыв был назначен на 17 августа 1941 года. После почти 50-дневных ожесточенных боев части корпуса понесли значительные потери в живой силе и боевой технике. Однако личный состав не потерял уверенности, он был в полной решимости выйти из трудного положения, верил своим командирам и генералу Петровскому, осуществляющему этот дерзкий маневр.

Корпусу удалось прорвать кольцо окружения, однако в ходе прорыва генерал был смертельно ранен.

И.И. Блажевич

1903—1945

Генерал-майор Блажевич погиб за две недели до дня Победы. Случилось это за Веной, когда полки вели ожесточенные бои в голубых Альпах, наступая на Линц.

— Вот и все, — тихо проговорил раненый, не потеряв сознания. — Пришел мой конец.

Представитель Ставки маршал Тимошенко приказал доставить тело комдива самолетом в Москву...

Нелегким был боевой путь этого военачальника и начался он у памятной Сталинградской высоты, что вознеслась над Доном у казачьей станицы Сиротинской. Вблизи нее, именуемой на военных картах 180,9, пролежала дорога, по которой противник наносил главный удар. Ему даже удалось с ходу занять ее, что осложняло обстановку для отходящих к Волге наших войск.

Приказ командиру 119-го гвардейского стрелкового полка был коротким:

— Противника выбить, высоту занять и удерживать до последней возможности.

— Есть, — ответил Блажевич, — задача понята и будет выполнена.

Обстановка в августе 1942 года была напряженной. В эти дни армейская газета писала: «Бои, про-

исходящие сейчас на юге, бои на Дону, на нашем участке, — решают исход войны. Здесь идет борьба за Москву, за Родину, за наши богатства, за наши дела, за наши семьи, за каждого из нас. Ни шагу назад! Только вперед — приказывает нам Родина. Мы можем и должны выполнить этот священный призыв отчизны...»

Батальон капитана Кузнецова внезапным ударом выбил немцев с высоты, отбросил их от Дона. К утру 21 августа подразделения гвардейцев — в прошлом воздушных десантников — спешно стали оборудовать оборонительные позиции в уверенности, что противник не замедлит с атакой.

Взвод младшего лейтенанта Кочеткова занял позицию вблизи дороги. Три отделения по пять человек, с офицером шестнадцать. Еще во взводе два ручных пулемета, одна бронебойка — длинноствольное противотанковое ружье — и бутылки с зажигательной смесью, чтобы поджигать танки, если они приблизятся вплотную.

Гвардейцы не сумели надежно закрепиться, на них обрушился артналет. Звонящие разрывы снарядов, насадное криканье мин, хищный посвист осколков и пуль, крики команд — все смешалось в оглушительный хаос звуков. Вдавливая тело в землю, гвардейцы лежали в томительном ожидании атаки.

И она наступила. В напряженной тишине слышался отдаленный рокот танков, потом треск автоматов гитлеровской цепи.

И начался бой. Он продолжался двое суток. Полег весь взвод Кочеткова, сам командир батальона был смертельно ранен. На позиции гвардейцев и вблизи нее дымились шесть порыжевших от огня немецких танков. Но высота оставалась в наших руках...

Листаю архивные документы. От них исходит особый запах, запах времени. На пожелтевшей бумаге выцветшие строчки: «Полк под командованием И.И. Блажевича на рассвете 21.8.1942 г. в ожесточенном бою сумел отбросить численно превосходящего противника, поддержанного большим количеством танков. Товарищ Блажевич своим личным примером и храбростью воодушевлял бойцов и командиров на выполнение поставленной задачи...»

По представлению командующего Донским фронтом К.К. Рокоссовского Иван Иванович был удостоен ордена Красного Знамени.

Так начальники оценили его боевые качества офицера и патриота страны. А совсем недавно его судили, позорно обвиняли в предательстве, называли врагом народа. И грозила ссылка, но выручили товарищи, не поверили навету, высказали протест обвинению. Однако сидеть в Лефортово пришлось...

Беда подкралась исподволь. В январе 1935 года Блажевич делал доклад на собрании рабочей молодежи Феодосийской табачной фабрики о роли комсомола в гражданской войне. Он живо и интересно рассказывал о боевом пути комсомола. Поскольку

доклад читался вскоре после убийства С.М. Кирова речь неизбежно зашла об этом злодеянии. В соответствии с тогдашними установками докладчик связал террористический акт с антипартийной деятельностью Каменева и Зиновьева и закончил словами: «Приходится сожалеть, что эти люди раньше нами руководили».

Выступление Блажевича было расписано клеветниками, спекулирующими на бдительности, как «вражеская вылазка». Бессовестно исказив его мысли и слова, ему приписали такое заявление: «Приходится с сожалением констатировать, что бывшие вожди нашей партии, имеющие большие заслуги перед революцией, теперь у нас сидят за решеткой».

Было срочно сфабриковано персональное дело, поступившее на рассмотрение в партбюро. Хорошо зная своего начальника штаба, коммунисты полка не поверили клеветникам. Было известно, что за отличную работу Блажевич получил четырнадцать благодарностей от командования, несколько раз отмечался в приказах по Киевскому и Харьковскому военным округам, награждался личным оружием, грамотами, именными часами, ценными подарками.

В течение семи лет он избирался членом бюро 72-го и 8-го полков и Киевской пехотной школы, боролся за генеральную линию партии, громил участников антипартийных групп, выступал с политическими докладами перед красноармейцами, рабо-

чими, колхозниками. Известны были и его личные качества: высокая принципиальность, честность, любовь к бойцам, безупречное поведение в бою.

Поэтому, когда встал вопрос об исключении Блажевича из партии, чего добивались клеветники, коммунисты полка отвергли это предложение. Но персональное дело Блажевича обсуждалось в обстановке недоверия и подозрительности, усиленно нагнетаемых после убийства Кирова, и это не могло не сказаться при окончательном решении вопроса. В полку было принято постановление вывести Блажевича из членов бюро и объявить ему строгий выговор «за неточную формулировку».

Дивизионная партийная комиссия, однако, не согласилась с парторганизацией 8-го стрелкового полка. Выступление Блажевича было расценено как якобы антипартийное, и он был исключен из ВКП(б). После апелляции исключенного президиум Харьковской окружной партийной комиссии восстановил его в партии, но принял решение: «За антипартийное выступление на рабочем собрании молодежи объявить Блажевичу строгий выговор с предупреждением». Подобная формулировка набрасывала тень на политическую благонадежность Блажевича и послужила причиной, препятствующей отправке его в последующие годы на учебу.

По свидетельству партбюро 8-го стрелкового полка Иван Иванович все время «работал в парторганизации как один из активнейших и честных комму-

нистов». Поэтому в августе 1937 года полковая парторганизация ходатайствовала о снятии с него взыскания, «так как И.И. Блажевич в своей практической работе доказал преданность партии и ее ЦК. Товарищ Блажевич вполне благонадежный и достойный командир РККА». При обмене партийных документов взыскание было снято. Казалось бы, Иван Иванович мог вздохнуть спокойно... Однако буквально через несколько недель на него обрушился новый удар. Осенью 1937 года Блажевич был вызван на заседание партийной комиссии и вновь исключен из партии за выступление 1935 г., за которое он уже понес наказание. На этот раз к прежнему обвинению было добавлено: «...И за то, что не вел активной борьбы с троцкистами в полковой организации».

При служебной аттестации за 1937 год начальник политотдела дивизии не согласился с мнением командира полка: «...Должности начальника штаба полка вполне соответствует и заслуживает очередного продвижения по службе, достойный кандидат на курсы «Выстрел» и заключением командира дивизии: «Оставить в занимаемой должности начальника штаба полка». Мотивируя отказ утвердить аттестацию, начальник политотдела писал: «Блажевич в октябре 1937 г. дивизионной парткомиссией 3-й дивизии исключен из партии... Если решение будет утверждено окружной партийной комиссией, то Блажевич оставаться в армии не сможет».

Таким образом, сбылась горькая пословица: «Беда никогда не приходит одна». Над несправедливо исключенным из партии коммунистом нависла угроза увольнения из армии, без которой он не мыслил своего существования.

И вновь на защиту Блажевича встала парторганизация 8-го стрелкового полка. Она ходатайствовала не только об оставлении его на прежнем посту, но и о повышении в должности и награждении медалью «XX лет РККА».

В политической характеристике полковое партийное бюро отмечало: «Осенью 1937 г. дивизионная партийная комиссия... несмотря на положительные отзывы парторганизации, вновь пересмотрела вопрос о Блажевиче и исключила его из партии... Несмотря на явно несправедливый к нему подход и по существу издевательство, тов. Блажевич все это время продолжает быть активным и добросовестным работником, вполне заслуживает полного доверия».

Но все же клевета сделала свое дело. 30 июня 1938 года последовал приказ наркома обороны об увольнении Блажевича в запас. 19 июля, еще до того, как распоряжение об этом поступило в полк, Иван Иванович был арестован органами НКВД как «враг народа».

А.И. Блажевич рассказывал: «Утром 19 июля отец, как всегда, ушел на службу. Днем на квартиру пришел лейтенант, принес его плащ и сообщил,

что отец арестован. “Не беспокойтесь, это недоразумение”, — сказал он, прощаясь. Вечером был обыск, все перевернули вверх дном. Нашу семью немедленно выселили из дома начсостава на окраину города».

С июля 1938 по апрель 1939 года по делу Блажевича велось следствие. О том, какие при этом применялись меры воздействия на заключенного, красноречиво свидетельствует такой факт. Когда было разрешено свидание с родственниками, Блажевича не узнал собственный сын: «Отец, не имевший ни одного белого волоска, весь поседел».

Помимо обычного в те времена обвинения «в связях с врагами народа» (в 1937—1938 годах несколько раз сменялось и арестовывалось руководство полка и дивизии), Блажевичу инкриминировалось то, что он в 1935 году во время выступления на рабочем собрании в Феодосии якобы пытался защищать Каменева и Зиновьева, чем вызвал возмущение присутствующих; в 1937 году после ареста Тухачевского, Якира и других военачальников публично высказывал сомнение в их виновности; в 1938 году возражал против введения в армии института комиссаров; оскорблял политработников полка.

Блажевич категорически отвергал все обвинения в контрреволюционной деятельности, отказывался подписывать фальсифицированные протоколы допросов, опровергал на очных ставках ложные измыш-

ления и доказывал, что он всю свою жизнь был честным, преданным делу партии, коммунистом. Так же он держался и на заседании военного трибунала Харьковского военного округа, состоявшемся в апреле 1939 года.

Поскольку аргументы обвинения были весьма шаткими, а Блажевич категорически отказывался признать свою вину, суд вынес довольно умеренный, по тем временам, приговор. Блажевич был подведен под действие статьи 58¹, часть первая и осужден на 4 года заключения с лишением воинского звания.

Находясь после суда в Симферопольской тюрьме, Иван Иванович через одного из солдат охраны, ранее служившего под его начальством, передал на волю друзьям письмо, в котором рассказывал о своем положении. С помощью опытного адвоката были составлены прошения в Главную военную прокуратуру и Военную коллегия Верховного суда СССР. В этих жалобах опровергались аргументы обвинения и разоблачались нарушения законности в ходе следствия и суда.

23 августа 1939 года дело Блажевича было пересмотрено Военной коллегией Верховного суда СССР. Принимая во внимание то, что за выступление 1935 года обвиняемому был вынесен по партийной линии строгий выговор, снятый в 1937 году при обмене партийных документов; противоречия и путаницу в показаниях свидетелей обвинения; недоказан-

ность предъявленных обвинений, положительные аттестации за все время службы в армии — Военная коллегия сняла с И.И. Блажевича обвинения в контрреволюционных преступлениях, предусмотренных статьей 58¹, часть первая. Дело было прекращено, и 5 сентября 1939 года он был освобожден из-под стражи.

На всю жизнь сохранил Иван Иванович благодарность своим товарищам, коммунистам 8-го стрелкового полка.

Весной 1944 года автор книги, служивший замполитом подразделения дивизии Блажевича, был свидетелем знаменательного разговора. Как-то вместе с начальником политотдела он был вызван по делам службы к комдиву. Закончив беседу, Иван Иванович, показав на дело, лежащее у него на письменном столе, грустно сказал:

— Требуют предать суду военного трибунала этого офицера, — и назвал фамилию одного нашего сослуживца.

Нам было известно, что молодой командир, о котором шла речь, недавно за хорошую работу был представлен к очередному званию. Начальник политотдела напомнил об этом Блажевичу.

— Знаю, — сказал комдив. — Самое печальное во всем этом — возмутительная беспринципность командира и замполита части. Когда месяц тому назад они представляли офицера к повышению, то не поспешили в аттестации на всяческие похва-

лы, а стоило только человеку споткнуться, как будто все хорошее о нем. Почитайте, какую характеристику они написали теперь. Законченный преступник, да и только. Разве так поступают настоящие коммунисты...

Иван Иванович задумался, помолчал, и затем, как-то посветлев, продолжал:

— Вы знаете, что в 1938—1939 годах я был в тюрьме по обвинению политического характера. Тем не менее, командир полка, комиссар, наша парторганизация прислали в Военную коллегия, где разбиралось мое дело, положительную характеристику на меня, так называемого «врага народа».

Вы понимаете, сколько надо было иметь мужества и партийной принципиальности, чтобы так поступить. Именно эта характеристика сыграла решающую роль в моем освобождении и последующей реабилитации... — И обращаясь к начальнику политотдела, Блажевич закончил: — Разберитесь вместе с прокурором в этом деле. По-моему, офицера не следует судить. Наложим на него взыскание, переведем в другую часть. Он человек способный и быстро исправится.

Иван Иванович оказался прав. Через несколько месяцев офицер, о котором шла речь, был награжден боевым орденом...

После освобождения Блажевич поехал в Москву и добился восстановления в воинском звании и кад-

рах Красной Армии. Приказ об увольнении в запас был отменен и 11 декабря 1939 года последовало назначение Блажевича преподавателем тактики Саратовских курсов усовершенствования командного состава запаса. Затем он был назначен на должность командира батальона этих курсов.

В Саратове И.И. Блажевич провел всего несколько недель. В конце года его перевели в аналогичное военно-учебное заведение, расположенное в Красном Куте, небольшом городке в Заволжье. Помимо него здесь было еще несколько старших командиров, только что возвращенных из тюрем и лагерей. С некоторыми из них Иван Иванович близко сошелся. Особенно он дружил с майором Котовым и Карапетяном. Впоследствии все трое стали Героями Советского Союза. П.А. Котов погиб в конце 1944 года в Югославии, командуя гвардейским корпусом, И.И. Блажевич довел свою гвардейскую дивизию до Вены, М.А. Карапетян был одним из лучших командиров кавалерийских полков на юге. «Действуя со своим полком в тылу врага на удалении 30 км от линии фронта, Карапетян был ранен и потерял зрение. Но как ни уговаривали его, он отказался эвакуироваться в госпиталь до окончания боя. Собрав командиров подразделений, Карапетян заявил: «До тех пор пока вы не возьмете опорный пункт, я полк не оставляю...»

Получивший, наконец, возможность перейти на строевую работу, Блажевич вскоре зарекомендовал

себя наилучшим образом. В январе 1941 года начальник курсов писал о нем: «Обладает хорошей методической подготовкой, помогал комсоставу в работе. Как командир и товарищ, пользовался среди подчиненных и равных по службе большим авторитетом. Имел тесную связь с массами. Дисциплинированный, требовательный, волевой командир. За первый сбор 1940 года батальон имел хорошую оценку по всем разделам боевой и политической подготовки. За второй сбор батальон так же получил «хорошо», а по огневой подготовке «отлично». Сам товарищ Блажевич отличный стрелок из всех видов оружия. Упорно работает над повышением своего политического и военного уровня... За хорошие и отличные показатели в работе неоднократно премировался».

В конце 1940 года осуществилась давняя мечта Блажевича: он был зачислен слушателем первого курса факультета заочного и вечернего обучения Военной академии им. М.В. Фрунзе. А вскоре запыхала война. Блажевич принял командование 119-м гвардейским полком.

24 ноября 1942 года полк перешел в наступление. Преследуя противника, его подразделения за три дня преодолели 154 километра, с боями заняли многие населенные пункты. На плечах отступающего противника гвардейцы первыми форсировали Северский Донец и заняли на нем плацдарм в районе Верхне-Потаповской и Нижне-Калиновской. Отражая контратаки численно превосходящего про-

тивника, они удерживали важный рубеж до подхода главных сил.

Особое мастерство проявил командир полка Блажевич в стремительном наступлении на Шахты. Овладев населенным пунктом Каменоломни, батальоны полка устремились к городу. Преодолевая сопротивление противника, они ворвались на окраину Шахт. Разгорелся уличный бой. 12 февраля в 10 часов утра гвардейцы подняли флаг на здании в центре города.

В боевом донесении Блажевич писал:

«При занятии населенного пункта Каменоломни и города Шахты захвачено: паровозов — 36, орудий разного калибра — 10, танков — 4...»

Командование 5-й ударной армии от имени Верховного Совета страны наградило отважного командира полка орденом Александра Невского.

А потом был Миус, и там ранение, и очередное звание, и новое назначение. В конце июня 1943 года Иван Иванович принял 221-ю гвардейскую дивизию. Новому комдиву была поставлена задача в короткий срок подготовить соединение к серьезным боям по прорыву немецкой обороны. Глубина ее многополосных укреплений доходила до 70 километров. В ней доты, дзоты, минные поля, проволочные заграждения. Немецкие газеты вещали, что штурмовать «Миус-фронт» равно попытке прошибить лбом гранитную стену.

И вот на рассвете 17 июля 221-я дивизия при поддержке штурмовой авиации и артиллерии атаковала оборону врага. Испытывая упорное сопротивление, полки дивизии «прогрызали» оборону, настойчиво продвигаясь к ключевой высоте «Саур-Могиле». До нее оставалось совсем немного, когда к участку прорыва подошли немецкие танки и нанесли мощный контрудар. Он пришелся по флангу дивизии, 695-му полку. Танки смяли его боевой порядок, вышли к штабу, нарушили управление.

Это была третья попытка советских войск сокрушить «Миус-фронт». И она окончилась неудачей. Войска Южного фронта вынуждены были отойти на исходные позиции, откуда семнадцать дней назад начали наступление.

Из Москвы прибыла комиссия во главе с генералом.

— Где 695-й полк? — допрашивал он комдива. — Вы бездумно бросили его в огни! За это командира отдадут под трибунал.

— Полк погиб, но не отошел. А неудача потому, что противник на том направлении оказался сильнее нас, — отвечал Блажевич.

— Когда дивизия терпит поражение, виноват ее командир.

— Я не уклоняюсь от ответственности. Сделал все, что мог.

Полковник с трудом сдерживал себя, выслушивая столь грозное и незаслуженное обвинение.

Решение легло на стол командующего фронтом генерала Толбухина. Он внимательно прочитал его. «Обвинить и снять с должности Блажевича? За что?..» Он знал комдива, была ему известна и обстановка, в какую попала дивизия. И не только она одна. Противник бросил к месту прорыва значительные танковые и механизированные силы. Снял их из-под Курска, Харькова. «На один 695-й полк обрушилось почти сто танков!»... Неудача постигла не только дивизию, но и 5-ю ударную армию, весь Южный фронт.

— Снять с должности просто. Снимем и лишимся опытного командира, — решил командующий и не стал утверждать предложенное.

Дивизию направили на южный участок фронта, в 44-ю армию, наступавшую на Таганрог. Глубоким маневром дивизия способствовала освобождению Таганрога.

А потом был Мариуполь и Приказ Верховного Главнокомандующего, в котором в числе отличившихся была упомянута дивизия Блажевича, удостоившаяся звания «Мариупольской». Сам комдив вновь был награжден орденом Кутузова 2-й степени.

В дальнейшем дивизия действовала в составе 28-й армии, той самой, которая освобождала Ростов, командовал ею генерал Герасименко. За период наступательных боев от Миуса дивизия прошла 450 километров, освободила 72 населенных пункта, на

ее счету тысячи уничтоженных солдат и офицеров противника и много вражеской боевой техники...

Мне довелось служить под начальством полковника Блажевича на Карельском фронте. Памятно форсирование Свири, освобождение селений, нескончаемые бои в карельских лесах. Из рук комдива получил свой первый боевой орден.

Вспоминается эпизод, когда после длительного боя в окружении нашему батальону удалось вырваться из смертельного кольца.

На лужайке стоял строй: не батальон и даже не рота. На знакомых лицах, худых, изможденных, страшная усталость. Только лихорадочно горят глаза. Обмундирование изодрано.

Из штаба прибежал дежурный офицер:

— Не расходиться! Сейчас приедет комдив! Звонил по телефону...

Комдив, на ходу соскочив с «виллиса», шагнул к командиру батальона. Тот, привычно одернув гимнастерку и поправив на боку сумку, начал было докладывать.

— Знаю! Все знаю, Матохин. — Комдив обнял его, расцеловал. — Молодец, комбат! А я уж не думал свидеться... Спасибо... Спасибо...

Он снял со своей гимнастерки орден, которым был награжден за бои у донской станицы Сиротинской, и прикрепил комбату.

... Говорили, что потом он получил внушение: не имел права вручать свой орден другому. Но что

было, то было. Из песни, как говорится, слов не выкинешь...

После Карелии генерал Блажевич повел гвардейскую дивизию под Будапешт, на грандиозное и кровопролитное сражение у озера Балатон, освобождая многие венгерские и австрийские города, красавицу Вену. Дивизия снова действовала в составе Южного фронта, именовавшегося теперь 3-м Украинским. По-прежнему командовал им ставший маршалом Федор Иванович Толбухин.

В торжественных приказах Верховного Главнокомандующего снова упоминалось имя Блажевича.

И был тот печальный, последний для него день, когда гремел бой в альпийской долине...

Указ о присвоении ему звания Героя подписали, когда похоронная процессия была на Новодевичьем кладбище.

Глава пятая

БЫЛА ВОЙНА

22 июня 1941 года фашистская Германия без объявления войны напала на Советский Союз. В первый же день противник ввел в сражение 117 дивизий. По плану «Барбаросса» основные удары вермахта были направлены на Москву, Ленинград и Киев. В первые же часы мощнейшим бомбардировкам подверглись города Рига, Шауляй, Каунас, Вильнюс, Гродно, Лида, Брест, Барановичи, Минск, Бобруйск, Житомир, Киев, Севастополь и многие другие. Ожесточенные удары германская авиация обрушила на войска, пункты управления, аэродромы, порты, железнодорожные узлы.

Одновременно в приграничную зону десантировались многочисленные группы парашютистов. Вместе с ранее засланными диверсантами они выводили из строя линии связи, сеяли панику, неразбериху.

Боевая техника находилась в парках, на консервации и имела ограниченный запас горючего. Артиллерийские полки, в том числе и зенитные, были сосредоточены в лагерях на плановых учебных сборах, находились на удалении от своих частей и соединений.

Неблагоприятная обстановка позволила противнику начать продвижение вглубь нашей территории, опережая порой текущие на восток людские потоки населения. В большинстве они состояли из женщин, детей, стариков, спешащих со своими скудными пожитками избежать оккупации.

Тяжкое бремя ратных испытаний легло на плечи командиров и солдат, которые приняли в тот предрассветный час первый удар врага. На них пала великая ответственность за судьбу страны, за жизнь тысяч и тысяч воинов армии и народов нашей Родины.

Д.Г. Павлов

1897—1941

Осенью 1941 года в телефонном разговоре с Жуковым Сталин отрицательно отозвался о генерале Коневе:

— Он как командующий фронтом не оправдал нашей надежды. Его будем судить.

— Не надо суда. Оставьте его моим заместителем, — осмелился возразить Георгий Константинович. Он знал, какой приговор суда ожидал генерала. Совсем недавно судили генерала армии Павлова, тоже командующего фронтом, и расстреляли. Лишились большого и опытного военачальника.

Раздумав, Сталин согласился:

— Хорошо, пусть будет заместителем.

Жуков понимал, что Павлов пострадал за ошибки других и, прежде всего, самого Сталина, некомпетентного в военных делах, но всевластного, властного, неукротимого. Своими приказами о запрещении проведения необходимых мер безопасности он обезоружил не только Павлова, он обрек на преступное бездействие всех командующих.

Генерал армии Павлов командовал Западным особым военным округом, ставшим с началом войны Западным фронтом. Округ был одним из сильнейших. По количеству войск и боевой техники он

уступал лишь Киевскому. В нем насчитывалось около 700 тысяч человек, более 10 тысяч орудий и минометов, 2200 танков, почти 2 тысячи самолетов. Это составляло четверть всех войсковых сил, сосредоточенных в западных округах страны. Кроме того, на части его территории базировалась Пинская военная флотилия, а также 16 пограничных отрядов, которые представляли значительную войсковую силу.

По оперативно-стратегическому плану Западный фронт должен был с началом войны отразить наиболее мощный, первый удар противника, а затем перейти к активным действиям, то есть начать решительное наступление.

Желая оттянуть неизбежную войну с немцами и тем самым выиграть крайне необходимое для Красной Армии время, Сталин категорически требовал соблюдения в приграничных округах мирного режима. Были строжайше запрещены какие-либо перегруппировки или мероприятия, которые бы дали немцам повод обвинять советскую сторону в подготовке к войне. Казалось, Сталин отвергал возможность войны, верил заверениям Гитлера больше, чем своей разведке, сообщения которой становились все более тревожными.

Начало войны ввергло его в шок. Вину в неудачном ее начале надо было переложить на кого-нибудь, оправдав себя в глазах народа и мира. Таким другим оказалось руководство Западным фронтом и, прежде всего, командующий генерал Павлов.

Сталин знал его с 1937 года, когда генерал Павлов возвратился из Испании, где командовал танковой бригадой. Но особенно близко узнал в начале 1941 года, когда нарком обороны маршал Тимошенко проводил большую оперативно-стратегическую игру. На ней отрабатывались действия сторон в начальный период войны Советского Союза и Германии.

Руководство «синей» стороной (немцев) осуществлял генерал армии Жуков, «красной» (советские войска) — генерал Павлов.

В самом начале игры Жуков высказал несогласие с составом немецкой группировки войск. Она оказалась сильно заниженной. Создавалось впечатление, что руководители игры пошли на это в интересах «красных», отступая от существующей реальности.

И тем не менее на разборе игры предпочтение было отдано руководству войсками «синей» стороны.

Сталин, присутствовавший на учениях, с явным неудовольствием спросил Павлова, почему такое получилось, что «красная» сторона оказалась не на высоте.

— Такое на учениях бывает, — с долей шутки ответил он генсеку.

Ответ Сталину не понравился.

А через полгода разразилась Великая Отечественная война.

Приняв на себя удары танковых и механизированных армий наиболее сильной немецко-фашист-

ской группы армий «Центр», Западный фронт трепал. Несмотря на яростное сопротивление, предпринимавшие частые контратаки и контрудары, его войска отходили, неся огромные потери. Уже 28 июня был сдан Минск и десятки других населенных пунктов.

На одиннадцатый день войны, 2 июля командующего фронтом вызвали в столицу. В предчувствии серьезного разговора, вероятнее всего, с самим Сталиным, Дмитрий Григорьевич помчался по минской автостраде к столице. Он прибыл вовремя, но Сталин его не принял. Разговор состоялся с наркоминделом Молотовым.

Генерал хотел ему объяснить возникшую на фронте ситуацию, но тот не стал слушать, отчужденно сказал:

— Вопрос об отступлении разберут на Политбюро.

А после обеда ему вдруг вручили письменное распоряжение об отбытии снова на фронт.

В 9 часов утра следующего дня он выехал назад.

Павлов смотрел на убегающий под автомобиль асфальт дороги и ему казалось, что на колеса наматывается его жизнь.

Он родился в небольшой деревеньке близ Костромы в бедной крестьянской семье. Закончив сельскую школу, учился в городском училище. В 1914 году был призван в армию. На фронте получил ранение, попал в плен. В 1919 году вернулся на родину.

В гражданскую войну воевал на Южном, Юго-Западном, Туркестанском фронтах, командовал

взводом, эскадроном, был помощником командира кавалерийского полка.

В 1922 году окончил кавалерийскую школу, а в 1928 — Военную академию им. М.В. Фрунзе. В 1936 году Павлов командовал механизированной бригадой, когда его направили в Испанию. С той поры и начался его взлет. За четыре года он из комбрига стал генералом армии, Героем Советского Союза, командующим Западным военным округом.

Поздним вечером, когда автомобиль Павлова оставил позади древний Смоленск, и ехавшие устроили короткий отдых, к ним подкатил посланный из столицы автомобиль.

— Приказано возвращаться, — официально произнес старший из догонявших и указал генералу место в своей машине. До самой Лубянки с ним не перебросились словом.

Предусмотрительное ведомство, еще возглавляемое Ежовым, завело на генерала Павлова досье. Впрочем, уже тогда подобные «дела» были заведены на многих военачальников: и Конева, и Тимошенко, и Мерецкова, и Жукова.

Первым в папке был подколот донос на комбрига Павлова, когда он в 1936 году находился в Испании, командовал там танковой бригадой советских добровольцев. Однажды его штаб расположился на богатой вилле с интересной в ней библиотекой. Среди множества книг была одна, автора Гароцкого и называлась «Моя жизнь». Один из офицеров бро-

сил ее в камин, и огонь ее уже сожрал, когда приехал комбриг. Узнав, какую книгу сожгли, он пришел в бешенство.

— Пусть бы люди прочитали, от них бы не убавилось! — назидательно сказал он.

А потом к этой записке «доброжелателя» подкололи письмо комбрига своему командующему округом Уборевичу. Тому самому, который оказался «врагом народа» и был расстрелян. К письму прилагалось разъяснительное примечание: «Находясь в Испании, Павлов имел регулярную переписку с Уборевичем, в одном из писем описывал свою предательскую работу... Создавал заговорщические связи, рекомендовал расширить их, не ограничиваясь троцкистами и анархистами, а привлекать специалистов... Уборевич рекомендовал Павлова как члена контрреволюционной организации... Его инструктировал Фельдман и Урицкий... Проводил в Испании предательскую линию, направленную на поражение войск Республиканской армии...»

И хотя генерал Павлов за испанские дела удостоился звания Героя Советского Союза и ордена Красного Знамени, а затем последовало повышение по службе, однако досье продолжало пополняться новым компроматом. Его уже включили в группу потенциальных военных вредителей, в составе которой числились: начальник Артиллерийского управления РККА Г. Кулик, комиссар данного управления Г. Савченко, комиссар Бронетанкового управления П. Аллилуев и др.

Его арестовали 4 июля 1941 года. Используя материалы досье, следователь заявил: «Следствие располагает сведениями, говорящими, что ваши действия на протяжении ряда лет были изменническими. Они особенно проявились во время вашего командования Западным фронтом».

На это Павлов отвечал: «Я не изменник. Злого умысла в моих действиях как командующего фронтом не было. Не виноват я и в том, что противнику удалось глубоко вклиниться в нашу территорию...»

В своих показаниях Павлов, в частности, говорил:

«Против двух наших дивизий, что прикрывали путь на Брест, действовали сразу три механизированных корпуса. Это создавало превосходство противнику не только в количестве людей, но и в технике...»

«23 июня штабом фронта была получена телеграмма, в которой говорилось, что 6-й мехкорпус имеет только одну четверть заправки горючим. Учитывая это, я сразу же отправил для него все наличное горючее, то есть 200 тонн. Остальное горючее, предназначенное нам, по плану Генштаба находилось в Майкопе...»

«Господство вражеской авиации в воздухе было полное. Особенно с учетом того, что наша истребительная авиация одновременным ударом противника по всем аэродромам, предпринятым в 4 часа утра 22 июня, даже не взлетев, была в значительной степени выбита. За первый день войны мы потеряли до 300 самолетов различных систем... Это произошло потому, что было темно, пилоты не смогли поднять

свои самолеты в воздух... Подняться в воздух наши летчики не смогли, так как полетами на новой технике в ночных условиях не овладели...»

«Основной причиной всех наших бед считаю огромное превосходство противника в танках, а также в авиации. Кроме того, на левый фланг Прибалтийского военного округа были поставлены литовские части, которые воевать не хотели. После первого натиска немцев на левое крыло прибалты перестреляли своих командиров и разбежались. Это дало возможность немецким танковым частям нанести мне удар с Вильно...»

Все доводы командующего Западным фронтом генералом Павловым следователями отвергались. Они стояли на своем:

— Напрасно вы пытаетесь свести поражение войск фронта к независимым от вас причинам. Следствием установлено, что вы являетесь участником заговора еще с 1935 года и уже тогда имели намерение изменить Родине.

— Никогда и ни в каких заговорах я не участвовал и ни с какими заговорщиками не общался, — утверждал генерал Павлов. — Это обвинение чрезвычайно тяжелое и неправильное от начала до конца. Если на меня имеются какие-нибудь показания, то все они сплошь и явно лживы и принадлежат тем, кто желал хотя бы в чем-нибудь очернить честных людей, нанести вред государству.

16 июля 1941 года за подписью Сталина было издано совершенно секретное постановление Госу-

дарственного Комитета Обороны за № 00381. В нем говорилось:

«Государственный Комитет Обороны устанавливает, что части Красной Армии в боях с германскими захватчиками в большинстве случаев высоко держат великое знамя Советской власти и ведут себя удовлетворительно, а иногда прямо героически, отстаивая родную землю от фашистских грабителей.

Однако наряду с этим Государственный Комитет Обороны должен признать, что отдельные командиры и рядовые бойцы проявляют неустойчивость, паникерство, позорную трусость, бросают оружие и, забывая свой долг перед Родиной, грубо нарушают присягу, превращаются в стадо баранов, в панике бегущих перед обнаглевшим противником.

Воздавая честь и славу отважным бойцам и командирам, Государственный Комитет Обороны считает вместе с тем необходимым, чтобы были приняты строжайшие меры против трусов, паникеров, дезертиров.

Паникер, трус, дезертир хуже врага, ибо он не только подрывает наше дело, но и порочит честь Красной Армии. Поэтому расправа с паникерами, трусами и дезертирами и восстановление воинской дисциплины является нашим священным долгом, если мы хотим сохранить незапятнанным великое звание воина Красной Армии.

Исходя из этого, Государственный Комитет Обороны, по представлению главнокомандующих и командующих фронтами и армиями, арестовал и

предал суду военного трибунала за позорящую звание командира трусость, бездействие власти, отсутствие распорядительности, развал управления войсками, сдачу оружия противнику без боя и самовольное оставление боевых позиций:

1) бывшего командующего Западным фронтом генерала армии Павлова;

2) бывшего начальника штаба Западного фронта генерал-майора Климовских;

3) бывшего начальника связи Западного фронта генерал-майора Григорьева;

4) бывшего командующего 4-й армией Западного фронта генерал-майора Коробкова;

5) бывшего командира 41-го стрелкового корпуса Северо-Западного фронта генерал-майора Кособуцкого;

6) бывшего командира 60-й горно-стрелковой дивизии Южного фронта генерал-майора Салихова;

7) бывшего заместителя командира 60-й горно-стрелковой дивизии Южного фронта полкового комиссара Курочкина;

8) бывшего командира 30-й горно-стрелковой дивизии Южного фронта генерал-майора Галактионова;

9) бывшего заместителя командира 30-й горно-стрелковой дивизии Южного фронта полкового комиссара Елисеева...»

Генерала армии Павлова расстреляли 22 июля 1941 года во внутренней тюрьме НКВД в Москве, на Лубянке. Та же участь постигла и всех, упомянутых в постановлении.

В.Я. Качалов

1890—1941

Имя генерала Качалова в августе 1941 года оказалось заклеянным. В приказе Сталин назвал его предателем, и черное пятно оставалось долго несмываемым.

Теперь, когда я слышу его имя, память уносит в прошлое, и возникает непреодолимое желание рассказать о трудной судьбе этого военачальника.

Закончив рассказ по теме, политрук Вязников отложил тетрадь с конспектом:

— А теперь поговорим о положении на фронте.

Мы затихли, насторожились. Знали, что политрук скажет больше тех скупых сводок Совинформбюро, которые печатались в газетах, доставлявшихся сюда, в Монголию, чуть ли не с недельным опозданием.

Наш полевой класс представлял собой три ряда дугообразных ровиков, расположенных против места руководителя: ямки с возвышением из дернины, на котором политрук раскладывал тетрадь и карандаши. Мы же сидели против него, опустив ноги в ровик.

Было не совсем удобно сидеть так в течение двух часов, да еще под солнцем, но приходилось терпеть.

На этом голом, без единого деревца и кустика косогоре, где располагался дивизионный лагерь, не было ни одного сооружения под крышей. Только палатки. Их сотни, выстроенные в ряды и уходящие вдаль.

Впрочем, один деревянный навес имелся, на полевой кухне, но в июне разбушевавшийся ветер снес его начисто. Поэтому и проводились занятия в полевых классах.

Признаться, было бы лучше без классов, но тогда, наверняка, многие бы попытались вначале устроиться поудобнее, прилегли, а потом невзначай и задремали. Ведь умудрялись же спать даже в походе! Ноги, как заведенные, идут, а голова отключена: идешь и спишь, пока не наступишь на пятку идущему впереди.

— Как вам известно, сейчас основные события развернулись на Западном фронте, под Смоленском, — перешел к объяснению политрук. — Город расположен на главной магистрали, ведущей к Москве, и этим объясняется его исключительное значение. Он как бы является щитом столицы. В Отечественную войну двенадцатого года там тоже происходило жестокое сражение русского воинства с наполеоновскими захватчиками.

Неприметный с виду, в полинявшей гимнастёрке, стянутой ремнями полевого снаряжения, политрук пользовался в роте большим авторитетом. Не было случая, чтобы он не дал ответа к самым ковыристым вопросам. А уж любители их в нашей роте имелись. Все со средним образованием, неко-

торые сами в прошлом преподавали. Занимались мы по особой программе, по освоении которой становились командирами взводов, с «кубарем» младшего лейтенанта на петлицах.

— Войска Западного фронта, — продолжал политрук, — нанесли мощные контрудары по гитлеровской группировке, однако сдержать врага не удалось, он продолжает вклиниваться в нашу оборону.

Мы находились за тысячи километров от фронта, но, казалось, были вблизи от него. Многие призывались в Ростове, накатывающаяся к столице и Ростову угроза волновала. Рядом со мной сидел с застывшим взглядом честнейший и добрейшей души Борис Федев. Застыла былинка в зубах Анатолия Хуринова. Подперев щеку, уставился в объяснявшего Иван Мельниченко. Был еще в числе ростовчан Михаил Проскуренко, Леонид Французов.

Когда политрук кончил, посыпались вопросы. Кто-то спросил о полковнике Федюнинском, убитом в прошлом году в Москву. До того он командовал нашей 82-й мотострелковой дивизией. О нем старослужащие солдаты, участники халхингольских боев, вспоминали часто, поражаясь его смелости, рассудочности, но еще больше взлету по службе. В мае прошлого года он был всего лишь капитаном, а ныне полковник, Герой.

— Он уже генерал, — удивил нас политрук. — Наверное, теперь на фронте.

Потом спросили о полковнике Мишулине, тоже участнике Халхин-Гола. Его бронеприкрытие до выхо-

да в лагерь соседствовала с нами в небольшом городке Баин-Тумэн. И здесь, в лагере, быстроходные колесные танки проносились по нашей тыловой линейке, поднимая бурые облака пыли.

— Полковник Мишулин на Западном фронте, командует танковой дивизией, — последовал ответ.

— А где генерал Качалов? — спросил я.

Вязников настороженно уставился на меня:

— А причем тут Качалов? Почему вы вдруг о нем спросили?

— Он командовал Северо-Кавказским округом. Прошлым летом я видел его в Ростове.

— Генерал Качалов не оправдал надежд Верховного командования. Он недостойно показал себя в бою, — сухо ответил политрук.

— Неужели и он стал врагом народа? — спросил скуластый Басан Хануков, в прошлом учитель из Элисты.

Сидевший рядом степенный Фог — немец из Поволжья, дернул его за гимнастерку:

— Молчи!

— В общем, об этом, товарищи бойцы, не будем говорить. Не все еще изменники и предатели народа выявлены и уничтожены. Есть еще они и в рядах доблестной Красной Армии. Поэтому товарищ Сталин и требует от нас высокой бдительности.

Было неприятно это слышать, словно часть генеральской вины ложилась и на тебя. Недавно перед строем роты нам зачитали постановление о генералах-изменниках. Назывались фамилии Павло-

ва, Климовских, Григорьева, Коробкова. Но Качалов не упоминался. Неужели и Качалов тоже? Не хотелось верить словам политрука.

Генерала Качалова я видел всего один раз, в июне 1940 года, в Ростове. Тогда в театре имени Горького состоялась встреча выпускников школы со значительными людьми города.

Мне с приятелем удалось пробиться в партер и занять удобные места.

— Вот тот, в черной камилавке, профессор Богораз, — узнал одного из сидевших в президиуме мой друг.

— А рядом с ним артист Мордвинов, — слышался сзади девичий голос. — Тот, что играл Отелло!

О чем-то переговаривалась женщина в синем костюме со своим соседом, тот был в форме железнодорожника. И еще был военный: широкогрудый, на красных петлицах гимнастерки по три звездочки, ордена.

— Кто это? — спросил я друга. Тот пожал плечами.

Первым к трибуне вышел профессор Богораз. Он шел, опираясь на палку, и сидящие в президиуме почтительно уступали ему проход. Мы знали, что он — врач, как-то спешил к больному и попал под трамвай. Теперь ходил на протезах. Профессор говорил, что профессия врача — самая гуманная, и счастлив будет тот, кто овладеет ею. Нет ничего благороднее, чем прийти в трудную минуту на помощь человеку, спасти его. Поэтому он призывает юно-

шей и девушек поступать в медицинский институт.

После Богораза к трибуне вышла женщина. Оказалось, что она тоже профессор, из педагогического института. Голос ее звучал взволнованно и с такой убежденностью, что сидевшие за нами шумливые девчата затихли.

— Ах, девочки, как хорошо она говорит! — не выдержала одна.

Потом выступил мужчина в железнодорожной форме — начальник дороги Нецветай. За ним говорил... нет, не говорил, а декламировал артист Мордвинов. И каждый из выступавших приглашал нас выбрать ту жизненную дорогу, на которую он когда-то сам ступил.

Мы с другом лишь посмеивались: никакие уговоры нас не могли сбить. Мы уже твердо наметили подать заявления в университет: он — на физмат, я — на геофак.

Утихомиривая страсти, председательствующий позвонил в колокольчик.

— Слово предоставляется командующему Северо-Кавказским военным округом генерал-лейтенанту Качалову.

Генерал с трибуны молча оглядел зал.

— Передо мной выступали товарищи, призывали вас поступать в учебные заведения, продолжать учебу, чтобы стать высокообразованными специалистами, нужными нашей Родине. В этом нет ничего необычного. Право трудиться, получить образование

завоевано кровью наших отцов, право закреплено Конституцией. Но в мире тревожно, обстановка серьезная, и потому каждый из вас должен быть готовым это право защитить. Защитить с оружием в руках. Не буду долго вас, особенно ребят, агитировать, скажу лишь, что многие осенью будут призваны в армию, а потому готовьтесь к нелегкой, но почетной воинской службе. Это ваша обязанность. Враг опытный, и чтобы победить, нужно быть сильнее его. А потому готовьте себя к недалекой армейской службе.

Слова генерала, словно камни, дробили наши планы и обнажали тревожную действительность приближающейся войны.

Напряженно слушал генерала Богораз, застыла тревога на лице профессора-женщины, понимающе покачивал головой начальник дороги.

При мертвой тишине зала генерал прошел к своему месту, сел и устало положил руки на стол...

В то же лето 1940 года генерал Качалов получил из Наркомата распоряжение о новом назначении. Создавался Архангельский военный округ, и он назначался его командующим. Но прежде ему предстояло прибыть в Москву.

Приказ настораживал. Его предшественника генерал-лейтенанта Грибова тоже вызвали в Москву якобы для переговоров, а он вдруг оказался в Лефортовской тюрьме, где и был расстрелян. А до того Каширин, тоже командующий СКВО, получил повышение, выехал в столицу и там нашел свой конец. А ведь Каширин был героем гражданской вой-

ны, командармом, состоял членом военного суда на процессе над Тухачевским, Якиром, Уборевичем!

С высоты своих пятидесяти лет Владимир Яковлевич оглянулся на прожитые годы. Волжанин, из небогатого сословия мелких торговцев (отец имел кожевенную лавку), сам закончил коммерческое училище, совсем не думал о военной карьере. Однако жизнь распорядилась по-своему. После Октябрьской революции он — доброволец Красной Армии. В гражданскую войну — начальник отряда, начальник штаба бригады, а потом и 1-го конного корпуса. Корпусом командовал знаменитый конник Жлоба, лихая голова, человек необыкновенной отваги... Впрочем, Жлоба тоже, как и многие военачальники, недавно расстрелян.

Опасения, однако, оказались напрасными. Было принято решение на территории Архангельского военного округа в кратчайший срок сформировать 28-ю армию, командование которой возложить на генерала Качалова.

В первый же день войны еще не завершившие формирования дивизии этой армии начали выдвигаться в район боевых действий.

По распоряжению Ставки в тылу Западного фронта начал организовываться новый фронт из шести резервных армий. Одной из них была 28-я армия. К середине июля она заняла оборонительный рубеж на широком фронте, прикрывая важнейшее направление к столице. Ее правый фланг находился севернее Ельни, а левый — южнее Брянска. Штаб армии раз-

местился на окраине небольшого городка Кирова, на территории опустевшего фаянсового завода.

Впереди находились дивизии Западного фронта. Они вели ожесточенные бои за Смоленск. Против них действовали превосходящие силы немецкой группы армий «Центр», на главном направлении которой находилась танковая армия Гудериана. Наступление группы было столь обещающим, что начальник немецкого генерального штаба сухопутных войск генерал Гальдер рисовал в радужных красках успех войск. В своем дневнике 8 июля он писал: «Группа армий «Центр» должна двусторонним охватом окружить и ликвидировать действующую перед ее фронтом группировку противника и... открыть себе путь на Москву... Непоколебимо решение фюрера сровнять Москву и Ленинград с землей, чтобы полностью избавиться от населения этих городов, которое в противном случае мы потом будем вынуждены кормить в течение зимы. Задачу уничтожения этих городов должна выполнить авиация. Для этого не следует использовать танки. Это будет «народное бедствие, которое лишит центров не только большевизма, но и москвитов (русских) вообще» (слова Гитлера. — А.К.)... После уничтожения русской армии в сражении под Смоленском надлежит перерезать железные дороги, ведущие к Волге, и овладеть всей территорией до этой реки. После этого рейдами подвижных соединений и авиации уничтожить оставшиеся русские промышленные центры».

Смоленск имел стратегическое значение, и этим определялось то упорство, которое проявляли войска в сражении за него. Оно началось 12 июля, когда немецкие танковые части, захватив советские войска в клещи, вышли на подступы к городу. В окружении остались три наши армии — 19-я, 16-я и 20-я. Через четыре дня Смоленск пал.

Но сражение за город продолжалось. Его вели находившиеся в окружении советские армии и подошедшие из глубины страны резервы. По распоряжению командования были созданы пять ударных групп, которые должны были восстановить положение у Смоленска. Одна из таких групп создавалась в 28-й армии, действия которой должен был возглавить сам командарм.

Группа генерала Качалова, как, впрочем, и остальные, состояла из трех дивизий: 149-й, 145-й стрелковых и 104-й танковой. Предстояло на первом этапе овладеть городом Рославлем, чтобы в последующем ударить на Смоленск.

К исходу 22 июля группе удалось сосредоточиться севернее Рославля. Взаимодействуя с группами Хоменко и Рокоссовского, она начала наступать на Смоленск. Но, как это часто бывало на войне, сюда же, к Рославлю, устремились и немецкие дивизии Гудериана. Их было девять, в их числе один моторкорпус, отличавшийся не только высокой подвижностью, но и огневой мощью.

Превосходство противника было четырехкратным. Однако советские дивизии, начав с утра 23 июля

наступление, отбросили врага и продвинулись до 60 километров. Авиация противника «висела» над боевыми порядками, то и дело приходилось отбивать контратаки пехоты и танков врага. В ходе боя части 149-й стрелковой дивизии захватили в плен около 600 гитлеровцев.

Успешно наступали 145-я стрелковая и 104-я танковая дивизии. Преодолевая упорное сопротивление противника, войска группы настойчиво продвигались к Смоленску. 28 июля они столкнулись с основными силами танковой группы Гудериана. Завязался бой, который продолжался 29-го, 30-го и 31 июля. О его напряженности можно судить по тем потерям, которые несли наши части. Так, один лишь мотострелковый полк потерял 473 человека убитыми и ранеными.

Разведка донесла, что противник стягивает свои силы не только с фронта и фланга, но и оказался уже в тылу, где находилась 222-я стрелковая дивизия 28-й армии.

2 августа обстановка для оперативной группы Качалова стала угрожающей. Механизированным частям противника удалось выйти не только в ее тыл, но и «вбить» клинья между дивизиями, разобщив их действия. Однако приказ о наступлении на Смоленск оставался в силе, его нужно было выполнять.

Оценив обстановку, командарм принял решение продолжать наступать, прикрывшись частью сил со стороны Рославля. Там уже кипел бой на улицах. Даже находясь в полном окружении, генерал Кача-

лов не отказывался от решительных действий по уничтожению противника.

С каждым часом положение группы становилось все более угрожающим. Теперь уже было ясно, что ее войска попали в «мешок», и оставался еще «незатянутым» неширокий выход через деревни Лысовка и Старинка, на восток, к реке Остер.

Штаб группы находился в лесу, и все ожидали прибытия стрелкового полка, который предназначался в авангард. Он должен был прорвать кольцо окружения и обеспечить выход штаба группы.

При тусклом свете фонаря генерал вглядывался в помятую карту. За эти дни боев он исчертил всю ее цветными карандашами, отражая в ней меняющиеся десятки раз положения частей. Теперь вместе с начальником штаба группы генералом Егоровым он наметил на карте план вывода войск из окружения.

Командарм понимал сложность обстановки, всю ответственность, какая легла на его плечи за сохранение подчиненных полков и дивизий, за тысячи солдатских жизней. Вглядываясь в карту, он еще и еще оценивал как бы со стороны трудности, какие ожидают на пути и какие они должны преодолеть.

Авангардный полк должен был подойти вечером, с тем, чтобы ночью, используя неожиданность, атаковать гитлеровцев и сломить их сопротивление. Но время шло, а полка все не было. За ним посылали офицеров связи, чтобы те настойчиво потребовали от командира ускорить прибытие, но тот отвечал, что подразделения связаны боем и не могут оторвать-

ся от противника. Если же начнут отходить, то противник начнет «на плечах» их самих преследовать.

А тут еще разведка принесла тревожное сообщение. Ее дозоры, миновав Лысовку, подошли к Старинке, куда должен был следовать штаб группы, и на окраине попали под сильный обстрел: в деревне находились гитлеровцы. Горловина «мешка» затягивалась.

Наконец полк прибыл. Его командир Пилиного начал было оправдываться, но генерал не стал слушать.

— Без промедления к Лысовке, а оттуда к Старинке. Но знай, полковник, там уже немцы. Придется прорываться с боем.

Двигались по двум маршрутам: справа — колонна 145-й стрелковой дивизии генерала Вольхина, слева — части 149-й дивизии генерала Захарова. Впереди полк Пилиного, за ним — штаб группы, артиллерия, автотранспорт. Здесь же единственный танк командарма, броневедомость связи. Как и донесла разведка, в Старинке оказались немцы, и по оказанному сопротивлению можно было догадаться, что там находились значительные силы. Атаковавшие наши стрелковые цепи не смогли ворваться в деревню и отошли.

На наблюдательный пункт командира полка прибыл командарм. Пилиного доложил ему о неудаче.

— Нужно послать в цепь штабных офицеров, — предложил начальник штаба Егоров.

Командарм не стал возражать, позвал адъютанта майора Погребаева.

— Всех командиров в цепь, и танк сюда подтяните.

Майор сел в броневтомобиль, помчался к штабу передать приказ командарма.

Пилиноге генерал сказал:

— Готовьтесь к повторной атаке! В 13.00 начать! Резервный батальон посадить на автотранспорт для преследования противника.

Генерал был уверен, что на этот раз атака завершится успехом, и по овладению Старинкой враг пустится в бегство.

Подтянули орудия, минометы, пулеметы. Коротким огнем налетом подавили на окраине точки противника.

— Ура-а! — загремело в солдатской цепи. — Ура-а!

Где-то там бежал бригадный комиссар Колесников, офицеры штаба, стреляя на ходу из винтовок и пистолетов.

— Танк! — распорядился генерал.

Полковник по решительному виду командарма понял, что тот намерен поддержать атаку огнем своей машины.

— Товарищ генерал, может, воздержаться...

Но генерал не дал договорить. Ослабил на комбинезоне ремень, полез в люк.

«Тридцатьчетверка» вздрогнула и, выбросив сизый клуб газов, двинулась вдогонку солдатской цепи. Ведя огонь на ходу, танк догнал эту цепь, некоторое время двигался с ней вместе, а потом, когда огонь из деревни усилился, рванулся вперед, как бы увлекая за собой людей.

Подмяв пулеметную точку, танк ворвался в деревню. И скрылся в гуще строений. Лишь изредка

оттуда доносились частая пальба, хлопки гранат, резкие, рвущие воздух выстрелы орудий.

Пехота рвалась к деревне, однако овладеть ею не удалось. Перед окраиной на пути цепи противник поставил огневую завесу, заставил красноармейцев вначале залечь, а затем и отступить. И новая попытка прорваться к танку не удалась. Оставалось одно: изменить направление отхода, прорваться в обход Старинки, по бездорожью...

А экипаж танка с генералом во главе продолжал сражаться. Яростно строчил пулемет, била пушка. Тогда немцы подтянули тяжелые орудия, выкатили их на прямую наводку. Но сталь башни выдержала удары, не поддалась и лобовая броня. Один снаряд угодил в гусеницу, разбил трак, танк потерял возможность двигаться, стал мишенью. На него обрушился град снарядов. Один угодил в борт, пробил броню и разорвался внутри.

Их всех вынесли из машины бездыханными. Один из погибших привлек внимание немцев: крупный мужчина со звездами на петлицах. Это был генерал Качалов. В тот же день жители деревни похоронили всех, не зная ни имен, ни фамилий.

Немногим тогда удалось вырваться из железного кольца окружения. Но в числе удачников нашелся один, который заявил, что командарм Качалов бросил всех и ушел.

— Как ушел? Куда?

— Известное дело, куда! Переметнулся к немцам! Сел в танк — и был таков.

Клевета в виде донесения легла на стол начальника Главного политического управления Красной Армии Мехлиса. Опять генералы-изменники! Да сколько же их! Недавно расстреляли командующего фронтом Павлова и вместе с ним группу высших чинов, потом была еще большая группа осужденных генералов. Теперь вот Качалов...

Мехлис не стал разбираться в обстоятельствах: было не до того. Зато он поспешил доложить Сталину еще об одном «генерале-предателе», приверженце тухачевщины. А уж о его умении преподнести дела в нужном свете многие знали. Ведь не один год Лев Захарович проходил в помощниках у Сталина.

— Разрешите подготовить о случившемся приказ?

— Не надо. Я сам напишу, — сказал вождь.

Не выпуская трубку из руки, Сталин степенно вышагивал по огромному кабинету.

— Некоторые большие начальники недостойно показали себя в бою, проявили малодушие и трусость, — диктовал он и подкрепил мысль фактом:

— Командующий 28-й армией генерал-лейтенант Качалов проявил трусость и сдался в плен, а штаб и части вышли из окружения.

Потом он высказал упрек двум другим генералам, якобы проявившим в бою малодушие.

— Это позорные факты. Трусов и дезертиров надо уничтожать. — Пройдя по дорожке к двери, он продолжил: — Приказываю: срывающих во время боя знаки различия и сдающихся в плен считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аре-

сту как семьи нарушивших присягу и предавших Родину. Расстреливать на месте таких дезертиров.

Он бросил взгляд на стоявшего у стола помощника, торопливо записывающего его слова в тетрадь.

— Второе: попавшим в окружение — сражаться до последней возможности, пробиваться к своим. А тех, кто предпочитает сдаться в плен, — уничтожать всеми средствами, а семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишать государственных пособий и помощи.

Так был рожден известный приказ № 270 от 16 августа 1941 года, получивший в армейских кругах название приказа отчаяния. По этому приказу находившаяся в эвакуации на Урале семья генерала Качалова незаслуженно испила до дна горькую чашу. Сам же генерал осенью того же года был заочно осужден и приговорен к расстрелу с конфискацией имущества и лишению наград и званий. Судили мертвого.

Лишь в 1956 году ему было возвращено честное имя с посмертным награждением орденом Великой Отечественной войны I степени.

Так сложилась нелегкая судьба военачальника, имя которого связано еще с далекого времени гражданской войны с тихим Доном, нашей донщиной.

И еще одно событие напомнило об этом мужественном человеке. Спустя полтора года после его гибели, в феврале 1943 года, наступавшие от Волги войска освободили Ростов. Первыми в город ворвались дивизии 28-й армии. Той самой, которая в суровую пору сражалась на трудных рубежах под командованием генерала Качалова.

П.В. Рычагов

1911—1941

Все началось с поступившей из Москвы телеграммы.

— Читайте, — подал Павлу синий бланк с наклеенными ленточками текста не улыбочивый и предельно исполнительный командир дивизии полковник Ванюшкин.

«Срочно командировать старшего лейтенанта Рычагова в распоряжение командующего ВВС страны. Прибытие...» Срок такой, что нужно выезжать немедленно, чтобы успеть на проходящий поезд.

— Сдавайте немедленно дела и на станцию! Там обратитесь к коменданту, его предупредят, — приказал командир дивизии.

Всю дорогу Павла не покидала беспокойная мысль: «Зачем вызывают? Что ему, старшему лейтенанту, летчику-истребителю, скажут в штабе главного авиатора страны?»

Поезд прибыл в столицу ночью, а утром Рычагов уже был в наркомате, в кабинете самого командарма Алксниса. Слушая рапорт прибывшего, строгий латыш оценивающе оглядел его крепко сбитую фигуру, потом справился о здоровье, о летных делах, семье.

— Жены нет, холостякую, — ответил Павел.

— С этим успеется. — И спросил: — Вам, конечно, известно об испанских событиях? Так вот,

правительство этой страны запросило у нас помощи. Ее армия нуждается в летчиках. Согласны вы добровольцем ехать в Испанию?

Предложение было столь неожиданным, что Павел оторопел: «В Испанию? Страну, о которой только читал, даже не мечтал побывать когда-либо в ней!»

— Кем? Летчиком-инструктором?

— Нет, боевым летчиком, истребителем.

— Я готов, товарищ командарм.

Через две недели он уже был в далекой стране, а еще немного спустя взлетел на курносом истребителе в синее небо.

Он хорошо помнил свой первый бой и сбитый им неприятельский самолет. Тогда их звено атаковали шесть итальянских «фиатов». Превосходство у противника полное, но тройка И-16 не отступила. Самолеты стрижами носились в небе, выписывали замысловатые виражи, чтобы уклониться от атаки «фиатов» и занять выгодное для стрельбы положение.

Павлу, наконец, удалось поймать момент, когда один из итальянских самолетов оказался в прицеле его пулемета. Нажав на гашетку, ударил очередью по стервятнику.

Но и его самолет оказался поврежденным. Мотор работал с перебоями, в нем что-то стучало, слышался подозрительный посвист. Летчик с тревогой вглядывался в горизонт: где-то за желтыми холмами лежал аэродром, с которого взлетел и на который должен возвратиться. О прошедшем бое не думал, в голове одна мысль: только бы долететь... Только бы дотянуть...

А на подлете, зайдя для посадки, холодея, подумал: «Выйдут ли из гнезд колеса шасси? Не заклинито ли их?» Но, слава богу, все обошлось. Круто спланировав, он посадил «ишачка» как надо.

Самолет оказался весь изрешеченный пулями. Пробоины были рассыпаны по всему фюзеляжу и плоскостям. Пара пуль угодила в бронированную спинку сиденья — единственную защиту летчика, оставив на металле глубокие вмятины. Немного повыше — и ему бы конец.

— Ну, Рычагов, не иначе как ты в рубашке родился, — покачивали головой летчики. — А может, кто-то здорово за тебя молился.

А кто молился? Разве что мать в Нижних Лихоборах. Деревенька расположена у самой Москвы. Никого, кроме матери, у Павла нет. Жены нет, и семьей не обзавелся...

И был еще, шестой, сбитый им самолет: немецкий «мессершмитт». Эти узкокрылые и маневренные истребители появились позже. Когда он впервые увидел одного в небе, то подумал, что на стекла его очков попала соринка. Попытался смахнуть ее. Но ошибся.

Он долго с ним возился, пока не улучил момента и не ударил из пушки. «Мессер» упал неподалеку от аэродрома, и Павел побывал возле него. Долго ходил, разглядывал бронированный фюзеляж и удивлялся, что самолет цельнометаллический, и летчик в нем надежно защищен. «Нам бы такие», — подумал он.

Из Испании Рычагов вернулся в конце 1937 года с Золотой звездой Героя, двумя орденами Ленина, в петлицах две «шпалы» майора.

Вскоре в клубе подмосковного городка, где летчики нередко проводили вечера, он познакомился с Машей — будущей женой. Она стояла неподалеку в спортивном костюме, лыжных ботинках, белом беретике. Как бы не замечая его, с независимым видом смотрела в сторону. И Павел подошел к ней, чтобы пригласить на вальс.

Оказалось, что девушка пришла сюда прямо с лыжных соревнований, не успев переодеться. Голубоглазая, с застенчивой улыбкой, она походила на озорного подростка.

На следующий вечер он не узнал ее: Маша была в форме летчика — капитана, казалась строгой, недоступной.

— Это вы? Летчик? — не скрыл Павел удивления. — Летаете?

— Командир эскадрильи...

Мария Нестеренко мечтала об авиации со школьной скамьи. Закончив аэроклуб, поступила в летную школу. Летала она мастерски. Ее направили в авиаполк. Она была в числе немногих женщин, овладевших не без успеха мужской профессией.

Через неделю, в декабре 1937 года, Павел получил новое назначение: с группой воздушных асов улетел в Китай. Возвратился через год. На гимнастерке рядом с орденами Ленина красовался орден Красного Знамени.

А когда у озера Хасан разгорелись военные события, Павел Рычагов возглавил там авиацию. И снова награда — орден Красного Знамени.

На вызов в столицу он ехал с ожиданием не только разговора с наркомом обороны, но и встречи с Машей, с которой переписывался.

— Вы назначаетесь начальником Главного управления Военно-Воздушных Сил страны, — объявил ему Ворошилов. — Товарищ Сталин утвердил вашу кандидатуру. Будете самым молодым главнокомандующим.

Маша вскоре стала его женой.

В декабре 1940 года на большом совещании высшего командного состава Рычагов выступил с докладом об использовании авиации в современной войне. Перед ним выступали генералы армии Жуков и Тюленев, генерал-полковник Павлов. Опытные военачальники высказали немало ценных предложений для развития военной науки в преддверии войны. Генерал-лейтенант Рычагов, основываясь на личный опыт, изложил взгляды на способы завоевания господства в воздухе.

— Отличный доклад! — похвалил начальник Генштаба Жуков.

Однако столь лестная оценка не смогла погасить его волнения за то, что не сумел сказать правды о слабости нашей авиации, что недавняя восторженность рекордами наших летчиков не отражает истинного положения. Война в Испании показала, что советские самолеты по техническим и боевым ка-

чествам уступают немецким. Он не сказал потому, что в этом случае его ожидала участь его предшественников: Алксниса расстреляли, опытного командарма Локтионова арестовали, на Лубянке находится непревзойденный ас Смушкевич. Все они ранее пребывали на том посту, какой ныне занимает он, двадцатидевятилетний Павел Рычагов. Неизвестно, где находится многоопытный Туполев и другие авиаконструкторы.

А потом была война... Ночью и под утро 22 июня в штаб ВВС посыпались шифровки: одна тревожнее других. В них сообщалось не только о налетах немецкой авиации, но и об огромных потерях. Внезапными налетами врагу удалось уничтожить и повредить наши самолеты прямо на аэродромах, не позволив им подняться в воздух. Число потерь перевалило за тысячу, но Павел Рычагов понимал, что после уточнения их будет больше.

Последние дни и буквально вчера он просил, настаивал, чтобы самолеты переправили на запасные и полевые аэродромы, места, которые сохранялись в тайне, но сделать это ему не разрешили.

— Нельзя. Есть на то строгий приказ свыше.

Чей приказ — не говорили, но он догадывался, что приказ Сталина.

И тогда он, в недавнем прошлом боевой летчик, а ныне главный над авиацией, настоял, чтобы ему разрешили вылететь туда, где уже бушевала война.

Настойчиво зазвонил телефон.

— Вы в курсе авиационной обстановки? — услышал он голос Жукова.

— В курсе, — ответил коротко.

— Какой отдали приказ своим начальникам?

— Действовать по разработанным планам... Есть необходимость вылететь мне на Западный фронт. Уточнить обстановку на месте.

— Вылетайте. Наркома поставлю в известность, — с присущей ему решимостью сказал начальник Генерального штаба.

Сам Жуков по приказу Сталина вылетал на Юго-Западный фронт, к Кирпоносу, чтобы помочь ему организовать контрудар.

Павел Васильевич позвонил на квартиру, чтобы предупредить Машу о своем убытии. Но ее дома не было. «На аэродроме». И он позвонил туда. Мария Петровна служила в одном из столичных авиационных полков.

— Майор Нестеренко слушает, — послышался в трубке знакомый голос.

— Маша, я улетаю. Ненадолго. Ты не волнуйся. Звони в штаб, там будут знать, где я.

— До свидания, — подавив вздох, ответила она.

Прилетев на Западный фронт, Рычагов наблюдал с земли, как два немецких истребителя уничтожили четыре наших тяжелых бомбардировщика. Они вынырнули сверху, из облаков, юркие, стремительные. Генерал сразу узнал их, они запомнились ему еще по Испании, эти злосчастные «мессеры».

Они с ходу атаковали идущий последним наш бомбардировщик, хлестнули по нему очередями. Тот мо-

ментально вспыхнул и после взрыва стал в небе разваливаться. А «мессеры» уже били по второму, и тот с бьющим от моторов пламенем круто пошел к земле.

Потом Рычагов попал на главный аэродром, там должен был его встречать командир авиационной дивизии.

Рычагов с трудом узнал полковника Ванюшкина, того самого, который пять лет назад направил его, тогда старшего лейтенанта, в Испанию.

— Дивизии, товарищ генерал, нет. — Не глядя на него, полковник указал в сторону самолетной стоянки, где в беспорядке лежали искореженные и обгоревшие боевые машины. — Вот что осталось от дивизии.

Рычагов с трудом подавил в себе нарастающее бешенство.

— Так нужно было вчера перебросить их отсюда...

— Не разрешили.

Генерал Рычагов возвратился в Москву, и на аэродроме его предупредили, чтобы поспешил в Кремль, на совещание к Сталину. Он едва успел, вошел в кабинет последним.

Разговор, конечно, шел о безрадостном положении наших войск: над ними нависла катастрофа. Потом Сталин негромким голосом обратился к нему:

— Меня беспокоит еще и то, почему, товарищ Рычагов, наша авиация несет поражение не только на земле, но и в воздухе? Почему такие потери?

Рычагов поднялся. С молниеносной быстротой вспомнились проведенные им воздушные бои, всплы-

ла недавняя картина расстрела «мессершмиттами» наших бомбардировщиков, промелькнула и бронированная спинка летчика со следами вражеских пуль.

— Так что вы скажете, товарищ Рычагов? — Сталин стоял рядом, держа у груди трубку. От нее тянулась едва видимая сизая струйка. — Почему такие потери? Долго ли они будут такими? Можете ли вы дать ответ?

Молчание становилось угрожающим.

— Могу, товарищ Сталин, — пересиливая в горле спазму, наконец, ответил генерал: — Потери будут до тех пор, пока летчики не пересядут на современные самолеты. Ныне они летают на гробах.

Вскинув голову, Сталин уставился на летчика, даже отступил. Остолбенел Молотов. Зловеще блеснули стеклышки пенсне Берии. Застыло испуганное недоумение на старческом лице Калинина. Окаменели сидевшие за столом военные.

Это был не просто ответ, в словах генерала звучал дерзкий вызов. Подобного еще никто не посмел допустить в разговоре с всемогущим генсеком.

У Сталина глаза вдруг пожелтели — верный признак гнева. Он вонзил в генерала острый, неподвижный взгляд, казалось, сверлил его. И все увидели, как виски молодого генерала вдруг засе-ребрились.

— Молодой человек сказал нехорошо, — отведя взгляд и с хрипотцой в голосе, произнес Сталин. — Очень нехорошо.

В злобещей тишине он направился к двери, ведущей в его личную комнату. Дверь за хозяином кабинета бесшумно закрылась.

— На сегодня заседание отменяется, — сказал вошедший помощник генсека бритоголовый Поскребышев.

В подтверждение высказанного генералом сошлемся на авиационные авторитеты. Известный авиаконструктор А. Яковлев позже писал: «В воздушных боях наши истребители оказались хуже немецких, уступая им в скорости и особенно в калибре оружия и дальности стрельбы... Это был реальный факт: мы явно отставали в области авиации. Нашумевшие рекордные самолеты и самолеты-гиганты никак не могли заменить того, что требовали условия войны».

В тот день Машу с утра охватило недоброе предчувствие. Ей казалось, что сегодня должно что-то произойти. Может с Павлом, а возможно — с ней. Павла в Москве не было, улетел на запад, к линии фронта. У нее же в полку полеты не были запланированы.

Она позвонила к нему в управление, и там сказали, что командующий должен сюда вернуться. А когда вечером она снова справилась о нем, ей ответили, что Рычагов уже в Москве и сейчас на большом совещании, возможно, задержится.

Ночью он не появился, не явился и утром... Могла ли она предвидеть, что в это время в служеб-

ном кабинете Павла, заместителя наркома обороны, в его сейфе и ящиках стола неизвестные рылись в бумагах. Сослуживцы такое наблюдали в 38-м году, когда смещали командарма Алксниса, и в прошлом году, когда начальствовал Смушкевич.

А на следующий день к штабу ее полка подкатила черная «эмка». Сидевший в ней справился у дежурного, где заместитель полка Мария Петровна Нестеренко.

— Майор на летном поле руководит полетами, — ответили ему.

Увидев двух военных с малиновыми петлицами и знаком НКВД на рукаве гимнастерки, она сразу поняла, что приехали за ней.

— Вот ордер на ваше задержание. Следуйте за нами.

Она не стала возражать. Когда же предложили снять майорские знаки с петлиц, отказалась.

— Звания меня никто не лишал. Снимать не буду.

— Тогда это сделаем мы...

Путь до Лубянки был недалеким.

Создавая «дело» новой военной заговорческой группы, арестовали генерала армии Мерецкова, наркома вооружения Ванникова, начальника управления ПВО генерал-полковника Штерна, генерал-лейтенанта, дважды Героя Советского Союза Смушкевича, командующего войсками Прибалтийского особого военного округа генерал-полковника Локтионова. В ту же группу включили и Павла Рычагова.

Искушенные следователи долго и терпеливо допрашивали генерала Рычагова, пытаясь получить нужное. Он же от всех обвинений отказывался, упорствовал. И тогда терпение палачей лопнуло: после очередного допроса Павлу сломали ребра, отбили почки, приволокли в камеру едва живого.

— Я ничего не подписал, — сказал он запекшимися от крови губами.

Когда в октябре 1941 года над Москвой нависла угроза немецкого вторжения, всех арестованных перевезли подальше от опасности, на Волгу. Там с прежним усердием следователи продолжали свое дело.

Утром 28 октября следователь Рейцис допрашивал Марию Петровну Нестеренко с целью выбить из нее компромат против мужа. Вошел доверенный Берии майор Родос. Наклонившись, тихо сказал:

— Кончай работу, отправляй ее в камеру. — Когда женщину увели, объяснил: — От шефа получено распоряжение...

Светя фарами, пять крытых брезентом машин выехали из ворот тюрьмы. Миновав окраину города, они направились к поселку Барбыш. Там, в глубине леса находился окруженный забором спецучасток НКВД. Въезд перекрывал полосатый шлагбаум, а вывешенное объявление предупреждало: «Опасная зона! Вход воспрещен!»

— Выводить пятерками! — скомандовал старший и стал выкликать:

— Штерн... Локтионов... Смушкевич... Савченко... Рычагов... Рычагов! — повторил он, повысив голос.

И тут в напряженной ночной тишине пронесся женский крик:

— Павел!.. Павел!.. Это я, Мария!

— Кто кричит? Молчать! — прикрикнул начальник в добротном полушубке.

Павел узнал ее голос. «Но почему она здесь? Еето за что?»

— Гражданин начальник, это моя жена, Мария Нестеренко! Позвольте проститься!..

— Нестеренко я! Мария Нестеренко, жена Рычагова! — в подтверждение назвалась она.

— Нельзя! Первую пятерку увести! — скомандовал старший, и охрана, окружив арестованных, подталкивая, увела их в темень ночи...

Женщин, а их было трое, увели последними. Спотыкаясь о смерзшиеся неровности дороги, они спустились в лощину, миновали горку, источавшую острый запах извести, когда оказались на поляне, слепя их, вспыхнул свет фар. И сразу ударили выстрелы...

В ту же ночь появился документ, названный актом. В нем сообщалось: «Город Куйбышев, 1941 год, октября 28 дня. Мы, нижеподписавшиеся, согласно предписанию Народного Комиссара внутренних дел СССР, генерального комиссара государственной безопасности тов. Берия Л.П. от 18 октября 1941 года за № 2756/Б, привели в исполнение приговор о ВМН (высшая мера наказания. — А.К.) — расстрел в отношении следующих 20 человек осужденных:

**Штерн Григорий Михайлович,
Локтионов Александр Дмитриевич,
Смушкевич Яков Владимирович,
Савченко Григорий Косьмич,
Рычагов Павел Васильевич...**

.....

**Розова-Егорова Зинаида Петровна,
Фибих Александра Ивановна,
Нестеренко Мария Петровна».**

Г.М. Штерн 1900—1941

Григорий Михайлович Штерн — генерал-полковник. В Советской Армии с 1919 года. Во время гражданской войны в качестве комиссара полка, бригады, политотдела стрелковой дивизии участвовал в боях с белогвардейцами на Южном фронте.

После войны — комиссар полка, штаба стрелковой дивизии и конного корпуса.

С 1923 по 1925 год Г.М. Штерн участвовал в борьбе с басмачеством на Туркестанском фронте. Затем — начальник политотдела 7-й кавалерийской дивизии.

Учитывая деловые качества, Штерн был выдвинут на ответственную должность порученца наркома обороны СССР, на которой находился по 1936 год.

Во время войны в Испании был главным военным советником при республиканском правительстве. По возвращении в мае 1938 года — начальник штаба Дальневосточного фронта. В августе того же года руководил боевыми действиями войск в районе озера Хасан. После командовал 1-й отдельной Краснознаменной армией на Дальнем Востоке.

В 1939 году возглавлял фронтовое управление, координировавшее действия советских войск на Дальнем Востоке и МНРА во время боев на реке Халхин-Гол.

За образцовое выполнение заданий, героизм и мужество, проявленное в боях с японскими захват-

чиками, Штерну было присвоено звание Героя Советского Союза.

Во время советско-финляндской войны 1939—1940 годов командовал 8-й армией.

В январе 1941 года Г.М. Штерна вновь направляют на Дальний Восток командующим Дальневосточным фронтом.

В апреле он возглавил Управление ПВО Народного комиссариата обороны, а 7 июня его арестовали, «с согласия Буденного», как указано в резолюции об аресте.

Во время нахождения под стражей Штерн подвергался нечеловеческим пыткам, однако ложных показаний, каких добивался от него Берия и его подручные, он не дал. Лишь на допросе 27 июня он, не выдержав пыток, показал, что с 1931 года являлся участником заговорщической организации и агентом немецкой разведки, однако в конце протокола он дописал: «Все вышеизложенное я действительно показывал на допросе, но все это не соответствует действительности и мною надумано, так как никогда в действительности врагом, шпионом и заговорщиком я не был».

Во время халхингольских событий Штерн являлся командующим фронтовой группы войск, в подчинении которого находилась армейская группа Жукова. Выдвигая Штерна на эту должность, руководители страны признавали его как одного из наиболее опытных и грамотных военачальников, оставшихся после репрессии 1937—1938 годов. После разгрома японцев у озера Хасан его действия получили высо-

кую оценку наркома обороны. В приказе № 0040 от 4 сентября 1938 года указывалось: «...Японцы были разбиты и выброшены за пределы нашей границы благодаря умелому руководству операциями против японцев т. Штерна и правильному руководству т. Рычагова действиями нашей авиации».

Подводя итоги халхингольским событиям в августе 1939 года, нарком в приказе отмечал действия Жукова и Штерна. Им одновременно присваивалось звание Героя Советского Союза.

Присущая дальновидность военачальника позволила Штерну сделать предположение, что вслед за авантюрами у озера Хасан и на реке Халхин-Гол японцы предпримут более серьезные действия, а потому необходимо сибирские воинские формирования довести до их штатной численности. Он сумел добиться специального разрешения Политбюро ВКП(б) о приведении войск Дальнего Востока в боеготовное состояние.

В своем донесении наркому обороны от 13 июля 1939 года Штерн писал: «...Я по-прежнему считаю необходимым: 1. Тихо, распорядительным порядком влить в войска 1-й и 2-й ОКА (Отдельные Краснознаменные Армии. — А.К.) все положенные мобпланом местные ресурсы, хотя это и будет порядочным ущербом. 2. Отмобилизовать распорядительным порядком положенные схемой развертывания для Востока части внутренних округов, учить и учить их».

Эти предложения были приняты и к концу 1940 года войска были развернуты. С началом войны, а точнее, в период боев за Москву, они были туда переброшены и сыграли в сражении решающую роль.

А.Д. Локтионов

1893—1941

Александр Дмитриевич Локтионов по окончании школы прапорщиков в 1916 году командовал ротой и батальоном на Западном и Юго-Западном фронтах первой мировой войны. В 1917 году был избран помощником командира полка.

Активный участник гражданской войны, Локтионов сражался с белогвардейцами на Южном и Кавказском фронтах. Полк под его командованием освобождал Донбасс, участвовал в ликвидации белогвардейских десантов на Дону, Кубани, в Крыму.

После войны Локтионов командовал стрелковой дивизией, с 1930 года — корпусом. В 1937 году назначен командующим войсками Среднеазиатского военного округа и в том же году — начальником ВВС РККА — заместителем наркома обороны СССР по авиации.

С 1940 года он — командующий войсками Прибалтийского особого военного округа, проводит большую работу по повышению боевой готовности войск в предвоенные годы. Генерал-полковник. Награжден двумя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды, медалью «XX лет РККА».

В ходе следствия к нему применялись мучительные пытки. В заявлении от 16 июня 1941 года Локтионов писал: «Я подвергаюсь огромным физичес-

ким и моральным испытаниям. От нарисованной перспективы следствия у меня стынет кровь в жилах. Умереть, зная, что ты не был врагом, меня приводит в отчаяние... Я пишу последние слова — крик моей души: дайте умереть честной смертью в труде за интересы моей родины — Советского Союза. Умоляю свое правительство — спасите жизнь. Я не виновен в измене Родине. Бывший ген. полковник Локтионов».

Его расстреляли 28 октября 1941 года.

Я.В. Смушкевич

1902—1941

Яков Владимирович Смушкевич был признанным авторитетом у советских авиаторов. «Авиационный Чапаев» — так назвал его известный полярный летчик Михаил Водопьянов.

Службу в авиации Смушкевич начал в далеком 1922 году, когда молодого командира пехоты родом из Литвы направили в летную эскадрилью осваивать незнакомое дело — авиацию. Потом была учеба в Качинской военной школе летчиков. По окончании ее, в ноябре 1931 года, он стал командиром 201-й авиабригады.

Когда летом 1936 года в Испании вспыхнула война, он одним из первых изъявил желание ехать туда добровольцем, сражаться с мятежниками. Было совсем как у поэта Светлова:

Я хату покинул,
Пошел воевать,
Чтоб землю в Гренаде
Крестьянам отдать.

В октябре под именем генерала Дугласа он возглавил отряд советских летчиков в Испании. Его знали многие испанцы. Мадридцы не раз видели в небе сражающийся с вражескими самолетами его

юркий истребитель. Он был душой многих воздушных операций.

Когда республиканскому командованию стало известно о подготовке мятежниками атаки Мадрида, Смушкевич сосредоточил на ближайших к фронту аэродромах авиагруппу в составе 45 истребителей, 15 штурмовиков, 11 бомбардировщиков. В ходе оборонительных боев самолеты оказали сухопутным частям республиканцев большую помощь. Враг был остановлен, а потом отступил. Самолеты, которыми командовал Смушкевич-Дуглас, вылетали на боевые задания по несколько раз в день, наносили врагу ощутимые удары. За мужество, отвагу и героизм, проявленные в боях в Испании, Яков Владимирович был награжден орденом Ленина и удостоен звания Героя Советского Союза.

По возвращении из Испании он окончил курсы усовершенствования начсостава при Военной академии им. М.В.Фрунзе. Был назначен заместителем начальника ВВС РККА.

В мае 1939 года в далекой Монголии возник военный конфликт у реки Халхин-Гол. «Я имею боевой опыт и должен быть там!» — заявил Смушкевич начальнику управления Военно-Воздушных Сил страны командарму А.Д. Локтионову. В июне он с группой из 48 опытных летчиков прибыл в Монгольскую Республику. Там он возглавил военно-воздушные силы армейской группы, которой командовал будущий маршал Г.К. Жуков.

В первых боях японские летчики сумели завоевать господство в воздухе благодаря лучшей подготовке летчиков и техническим данным своих самолетов. Нужно было научить молодых, не имеющих боевого опыта советских летчиков грамотно вести воздушный бой, объяснить слабые стороны вражеской боевой техники, умело использовать боевые и технические возможности наших самолетов. Смушкевич, не щадя себя, взялся за дело. Целыми днями он был на аэродромах, учил летчиков, передавал свой опыт молодежи. Вскоре в боевые части поступила новая, более совершенная техника.

Первый крупный воздушный бой произошел 22 июня. В нем участвовало 95 советских и 120 японских истребителей. В этот день произошел перелом в воздушном господстве. Японская авиация, несмотря на количественное превосходство, отступила. И потом стала терпеть одно поражение за другим. В ночь на 3 июля японцы неожиданно перешли в наступление. Отбросив малочисленные дозоры монгольских частей, они переправились через Халхин-Гол и к утру овладели ключевой высотой Баин-Цаган. Узнав об этом, командующий группой Жуков спросил начальника штаба, где находятся ближайшие наши части.

— Поблизости танковый батальон да дивизион пушек. Пехоты нет, — ответил тот. — Может, использовать авиацию?

— Да! Конечно! — решительно произнес Жуков. И приказал Смушкевичу: — Поднять всю авиа-

цию, до последнего самолета! Нанести по противнику мощный удар!

Летчики блестяще справились с боевым заданием. В нанесении удара по врагу в тот день приняло участие около 500 самолетов.

За период боев на Халхин-Голе летчики уничтожили в воздухе и на аэродромах 660 японских самолетов. В этом большая заслуга принадлежала Я.В. Смушкевичу, по словам маршала Г.К. Жукова, великолепному организатору, отлично знавшему боевую летную технику и в совершенстве владевшему летным мастерством, исключительно скромному человеку, прекрасному начальнику, так искренне любимому всеми летчиками,

За образцовое выполнение боевых задач и проявленную при этом самоотверженность и храбрость комкор Смушкевич осенью 1939 года был награжден второй медалью «Золотая Звезда» Героя Советского Союза.

И какова была нелепость обвинения в том, что он будто бы состоял на службе в японской разведке и выполнял шпионские задания. На следствии, когда от него требовали порочных признаний, он, избитый до полусмерти, катался от боли по полу, но не подписал ни одной сфальсифицированной бумаги.

Смушкевича расстреляли 28 октября 1941 года в городе Куйбышеве, когда под Москвой шли ожесточенные бои с немецко-фашистскими войсками.

Глава шестая И ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Великая Отечественная война завершилась разгромом агрессивной фашистской Германии, уничтожением главарей в логове — в Берлине. Советские воины, их командиры с честью выдержали великие испытания. Проявляя высокое мастерство и духовные силы, они преодолели тысячеверстное расстояние от Кавказа и Волги и вышли на заветный рубеж Эльбы.

Весь мир преклонялся перед советскими людьми, совершившими такой исторический подвиг. Это была великая, ни с чем не сравнимая победа народа и ее Армии, вызвавшая восторженные отзывы и высокие оценки полководческого мастерства наших маршалов и генералов.

И однако же...

Вот один из документов того послевоенного времени, говорящий о многом.

Письмо генерала К.Ф. Телегина в Президиум ЦК КПСС, тов. Молотову В.М.

«Я, бывший член Военного совета МВО и МЗО, Донского, Центрального, 1-го Белорусского фрон-

тов и группы советских оккупационных войск в Германии, бывший генерал-лейтенант Телегин Константин Федорович, осмеливаюсь обратиться к Вам с настоящим письмом по личному вопросу.

24 января 1948 года я был арестован МГБ СССР и 20 марта 1952 года, после вторичного судебного разбирательства моего дела, осужден Военной коллегией Верховного Суда СССР по статье 58¹² УК РСФСР и Указу Президиума Верховного Совета СССР от 7.8.32 года к 25 годам лишения свободы с поражением в правах на 5 лет после отбывания наказания.

Как могло случиться, что я, член партии с февраля 1919 года, прослуживший в армии 38 лет, защищавший Родину с оружием в руках на фронтах гражданской войны, в борьбе с бандитизмом, на озере Хасан, в освободительном походе в Западную Белоруссию, в войне с белофиннами и в Великой Отечественной войне, честно и добросовестно служивший Партии и Родине, оказался «преступником», «врагом народа» и осужден к самой высшей мере наказания?!

Я честно, искренне заявляю Вам, Вячеслав Михайлович, что здесь допущена судебная ошибка (о большем я боюсь утверждать) и ЦК КПСС был самым бессовестным образом обманут руководством МГБ (простите за резкое высказывание, но это так).

Вскоре после отъезда Жукова Г.К. из Германии, в апреле 1946 года, меня срочно отозвали в Москву

якобы по распоряжению тов. Сталина на учебу, и до октября месяца я находился в каком-то ложном положении, так как никакого назначения я не получил и никто меня не принимал. Но в октябре начались занятия на курсах и до июня 1947 года все шло как будто бы нормально. А в июне месяце неожиданно и срочно (в воскресенье) я был вызван начальником управления кадров министерства В.С. - Голиковым, который объявил мне, что я уволен из армии за допущенную ошибку в награждении орденом т. Руслановой. А через неделю, 22 июня, я вместе с Жуковым Г.К. был вызван в ЦК КПСС, где за эту самую ошибку Жукову был объявлен выговор, а я был исключен из партии. Этими решениями я был потрясен до глубины души. Если такая ошибка и могла служить причиной столь жестокого наказания, то почему мне не было предоставлено возможности даже высказаться по этому вопросу? В последующие месяцы (до ареста) я обращался в ЦК, к правительству, к тов. Сталину, тт. Булганину, Жданову, Берия, Шкирятову, Поскребышеву, к Вам, дорогой Вячеслав Михайлович, с просьбой принять меня, выслушать, объяснить, что же случилось? Ниоткуда я не получил ни ответа, ни объяснения. Как видно, письма мои не доходили, потому что все товарищи меня хорошо знали и не могли оставить мои просьбы без внимания. Вконец измученный неизвестностью и тяжестью свалившихся на меня несчастий, я уехал отдохнуть в Ростовскую область. Возвращаясь в Москву, я был аресто-

ван 24 января 1948 года на квартире генерала Бойко в Ростове, арестован без предъявления ордера и доставлен в Москву, во внутреннюю тюрьму МГБ. Здесь с меня сразу содрали мою одежду, часы и проч., одели в рваное, вонючее солдатское обмундирование, вырвали золотые коронки вместе с зубами, подвергли другим унижительным издевательствам. После этой «предварительной обработки» я был вызван министром Абакумовым, который начал разговор с того, что обругал меня матом как «врага Родины и Партии» и потребовал, чтобы я признался в своей «преступной работе» против Партии и Советского государства. Когда же я потребовал, чтобы мне предъявили конкретные обвинения в моих преступлениях, ибо я их не знаю и никогда не имел, министр в присутствии следователя Соколова заявил мне: «Это ты скажешь сам, а не будешь говорить — отправим в военную тюрьму, покажем тебе, где раки зимуют, тогда заговоришь!!!»

Чудовищность обвинения, бесцеремонность обращения, угрозы избиений, добавленные к самому факту ареста и предыдущему решению Секретариата, о котором я выше писал, очень сильно подействовали на мою психику. Оскорбляя и издеваясь, следователи и руководство МГБ требовали от меня показаний о «заговоре», якобы возглавлявшемся Жуковым Г.К., Серовым И.А. и мною, дав понять, что они также арестованы.

Заставляли вспоминать факты, которые бы подтверждали враждебную деятельность этих лиц и мое соучастие.

Я всю жизнь был честным и принципиальным человеком и коммунистом. День за днем я перебирал в памяти время совместной работы с Жуковым (я работал с ним около года), старался вспомнить все, что могло быть переоценено в данное время, но в свое время чему, может быть, не придавалось значения. Несколько таких фактов было сообщено следствию с объяснением, как это мною тогда понималось и почему я не считал необходимым докладывать ЦК ВКП(б). Следователи часть этих фактов внесли в протокол, но совершенно в другой редакции, без всяких моих пояснений, придавая им яркую антисоветскую, заговорщицкую окраску. На мои протесты об искажении в протоколах моих показаний и отсутствие пояснений, мне неизменно отвечали: «Мы следователи, а не литераторы. Нам нужны только факты, и их принципиальную оценку производим мы сами, а ты свои пояснения дашь в конце следствия». Я верил, что советское следствие действительно даст мне возможность дать пояснения, но глубоко ошибся. Не удовлетворенное моими показаниями, из которых никакого «заговора» все же не могло получиться, и добиваясь, чтобы я подписал годные руководству МГБ фальсифицированные протоколы, следствие решило привести в исполнение свои угрозы.

26 февраля 1948 года я был спешно переброшен из внутренней тюрьмы МГБ в Лефортовскую тюрьму и в тот же день дважды был подвергнут чудовищному, зверскому избиению резиновыми дубин-

ками следователями Соколовым и Самариним. Эти истязания продолжались ежедневно до 4 марта 1948 года. У меня были вырваны куски мяса (свидетельства этому у меня на теле), сильно повреждены позвоночник, боль в котором преследует меня и по сей день, бедренная кость. Ум, воля, сердце были парализованы. Единственным моим желанием и просьбой к палачам было, чтобы они скорее убили меня, прекратили мои мучения. Я умру, так же любя свою Родину, Партию и Великого Сталина, как я любил их всю свою сознательную жизнь, зная, что рано или поздно, но Партия узнает правду, реабилитирует меня и накажет тех, кто обманывал ее, арестовывая и истязая честно служивших Партии и Родине людей.

Я терял рассудок, я не мог выносить больше пыток. Палачи, истязая меня, садились мне на голову и ноги, избивали до невменяемости, а когда я терял сознание — обливали водой и снова били, потом за ноги волокли по каменному полу в карцер, били головой об стену, не давали лежать, сидеть я не мог, в течение полугода я мог только стоять на коленях у стены, прислонившись к ней головой. Меня морили голодом, мучили жаждой, постоянно не давали спать — как только я засыпал, мучители начинали все сначала. Я даже забыл, что у меня есть семья, забыл имена детей и жены, за что подвергался новым испытаниям. Полтора года после этого я был буквально невменяем, к своей судьбе, дальнейшей жизни я был не только

безразличен, но горячо желал, чтобы она возможно скорее окончилась.

Вот в этих условиях, при глубочайшей травме нервной системы, состоянии полнейшей душевной депрессии, я подписывал протоколы в их формулировках, по их желанию, даже не читая их, потому что читать я не мог, лишь бы скорее настал конец, пусть самый худший.

И только в конце 1949 года, когда мое сознание стало немного проясняться, я потребовал показать мне подписанные мной протоколы допросов и установил, что следствие умышленно исказило и извратило смысл моих показаний, в результате чего получилось обвинение на лиц, которыми МГБ интересовалось.

И вот в течение трех лет я настойчиво добивался преследствия, но мне в этом отказали, добивался разрешения написать в ЦК партии — в этом мне также было отказано. И только в сентябре 1951 года, наконец, мне дали подписать протокол, опровергавший часть обвинений (в частности, анекдоты, якобы рассказывавшиеся в группе: Жуков, Серов, Телегин, высмеивавшие Вождя народов — Сталина И.В.). В другом же было отказано, и под нажимом следствия и прокурора МГБ Новикова я подписал остальные протоколы, признав себя виновным во всем, так как сопротивляться у меня не было сил, и, кроме того, я надеялся, что будет суд, на котором смогу раскрыть злоупотребления следствия и МГБ и отвести обвинения. С меня сняли статью 58¹¹ «за недоказанностью

и отсутствием данных» (а их не было в природе), но оставили 58¹⁰ и 193¹⁷, хотя и для этих статей в деле не было никаких доказательств.

При подписании обвинения по ст. 206 УПК РСФСР я внимательно прочел дело, стараясь найти хоть одно показание свидетелей, подтверждавшее обвинение меня в политических преступлениях перед Партией и Родиной, но ни одного такого показания в деле не было, и мне совершенно неизвестно и непонятно, на каком основании я был арестован как «военный заговорщик». На первом судебном заседании 4 ноября 1951 года суд отверг обвинения меня по ст. ст. 58¹⁰, 58¹¹, оставив только ст. 193¹⁷, но неожиданно для меня выдвинул новое обвинение по ст. 58¹² «за укрывательство антисоветских разговоров» моего брата — Телегина Д.Ф. Мой брат также оказался арестованным по моему «делу», хотя я с 11 лет с ним не встречался, не работал и не жил вместе. Брат намного старше меня, в царское время был матросом, затем рабочим, жил все время в Сибири, ходил в экспедиции по тайге. Он беспартийный, аполитичный человек, любящий выпить. Личная жизнь у него не сложилась, и одинокий старик приехал ко мне погостить в 1947 году, около двух месяцев жил у меня на квартире, затем устроился работать на ГЭС в Константиновке. За это время я видел его всего несколько раз, так как учился на курсах.

Естественно, я не мог нести за него никакой ответственности, но суд не принял во внимание этих

обстоятельств и осудил меня на десять лет лишения свободы по указанным обвинениям. На этом же судебном заседании Военная коллегия Верховного Суда объявила мне, что «дело передается на новое расследование». Однако новый следователь Ельфимов заявил, что суд «переквалифицировал» мне ст. 193¹⁷ на Указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 августа 1932 года.

Мне не было дано ответа, почему этого не было в постановлении суда от 4.9.51 г. и почему такое решение мне не объявлялось. Следователь Ельфимов зачитал мне такое решение Военной коллегии, вписанное уже после заседания, и повел следствие уже в совершенно ином направлении — о «расхищении» мною социалистической собственности во время пребывания в Польше и Германии.

Для чего следствию и суду понадобилось обвинять меня еще и в таком тягчайшем преступлении, я тогда не мог этого понять. И только теперь, после свидания с женой, мне стало известно, что еще за две недели до моего ареста, в мое отсутствие, органами МГБ, при личном участии министра Абакумова, было незаконно изъято и вывезено абсолютно все имущество нашей семьи и, видимо, тогда же разбазарено. По тем статьям, по которым меня осудило 1-е судебное заседание, конфискации имущества не предусматривалось, а его уже и не существовало, и поэтому следствию нужно было срочно искать выход из создавшегося положения по нарушению советской законности, допущенному МГБ.

И в основу этого обвинения были положены ложные показания также арестованных свидетелей — моего бывшего адъютанта Васюкова, зав. столовой Морозовой, бывшего адъютанта Жукова Семочкина (если только эти показания не были добыты таким же способом, как и у меня), так как в них были допущены явная клевета, бездоказательные обвинения и не было ни одного факта, где бы указывалось, что я расхищал трофейное имущество, брал что-либо со складов, грабил квартиры и т.д.

Я требовал запросить всех комендантов городов, начальников трофейных складов, представителей министерств, в ведении которых находилось трофейное имущество, допросить солдат, обслуживавших и охранявших меня, — я был уверен в том, что среди них не найдется такого человека, который смог бы показать, что я расхищал социалистическую собственность. Следствие, безусловно, искало 4 года таких людей и, не найдя их, все обвинение обосновало на бездоказательных и лживых показаниях указанных выше свидетелей. Надо сказать, что вообще на все более-менее ценные вещи, купленные в Германии, имелись счета и прочие документы. МГБ забрало их вместе с имуществом, не оставив семье даже элементарно необходимых для существования вещей, прихватив даже старое, никому не нужное тряпье, для раздувания описей, чтобы тем самым ввести в заблуждение ЦК ВКП(б) и получить право держать меня в тюрьме. Все, что было приобретено семьей за 30 лет ее существова-

ния, записали как «трофейное, награбленное» в Германии.

Когда мне было предъявлено столь чудовищное обвинение, я потребовал приложить к делу имевшиеся в актах описи 44 счета и квитанции, но следствие отказало и, желая оставить это обвинение во что бы то ни стало в силе, уничтожило их, оставив в деле только акт об уничтожении этих оправдывающих меня документов. Я требовал допроса свидетелей о моей политической принципиальности, партийности в служебной деятельности и личной жизни — следствие мне отказало; требовал вызова свидетелей в суд — суд отказал; просил вызвать жену, которая могла бы дать исчерпывающие справки, свидетелей, адреса и проч., но даже в этом мне было отказано.

Видя, что моя судьба уже заранее решена так, как было угодно МГБ, да еще находясь в это время в общей камере тюрьмы среди 40 военных преступников, я снова начал терять рассудок, забывая, кто я. У меня уже не было никаких сил, и, когда следствие мне диктовало — я все подписывал, соглашался, что я грабил, убивал, мародерствовал — все, что угодно. Мне уже все было безразлично, я видел тот конец, который заранее был мне уготовлен. И вот только на основе сфабрикованных бездоказательных обвинений меня так жестоко осудили к высшей мере наказания.

Вячеслав Михайлович! Уничтоженный морально, искалеченный физически, я кричу об этой исклю-

чительной ошибке, несправедливости и беззаконии, допущенных МГБ, судом и прокуратурой. Врагом Партии и Родины я никогда не был и не буду. Всю свою сознательную жизнь я безраздельно отдавал Родине, начав защищать ее с оружием в руках с 18 лет. Я был честен, правдив, беспощаден к врагам Родины и Партии. В Германии я работал один по войскам и Советской администрации (без второго члена Военного совета), я был чрезвычайно перегружен работой, Вы это знаете прекрасно; кроме того, я был тяжело болен повторившимся туберкулезом легких, но несмотря на это, я с честью справлялся с возложенными на меня Партией обязанностями. Я никогда не занимался расхищением социалистической собственности, а, наоборот, вел беспощадную борьбу с этим злом — это, уверен, могут подтвердить все члены военных советов армий, начальники отделов штабов фронта, управление тыла и все честные офицеры и солдаты, близко соприкасавшиеся со мной. В деле нет ни одного допроса этих свидетелей, несмотря на то, что я настойчиво добивался этого.

Сейчас я в тяжелом моральном состоянии. До сих пор я не мог связно написать в ЦК о злоупотреблениях МГБ, об обмане руководством МГБ ЦК Партии, изложить суть своего дела. Следствие стремилось изобразить меня недовольным ЦК КПСС и, видимо, делало в этом направлении немало. Но это ложь. Я никогда не колебался идейно. Я безгранично верю своему ЦК и Великому Вождю И.В. Сталину и с этого пути не сойду до конца жизни. Верю, что до ЦК

дойдет правда по моему делу и ЦК исправит эту ужаснейшую несправедливость, допущенную по отношению ко мне и моей семье, и накажет виновных.

Я обращаюсь к Вам, Вячеслав Михайлович, как знавшему меня, с просьбой: поручите кому-нибудь из Ваших доверенных людей внимательно ознакомиться с моим делом, затребовать от людей, работавших со мной, характеристику на меня, отзывы, мнения, и Вы убедитесь, что все это дело шито белыми нитками.

Сейчас я нахожусь в Переборском отделении Волголага МВД СССР. Я отбываю незаслуженное наказание, выполняя тяжелую физическую работу простого чернорабочего, молча перенося страдания от последствий истязаний и долгого пребывания в тюрьме, и терпеливо ожидаю отмены несправедливого решения суда по моему делу.

Если будет невозможно принять решение об отмене приговора без нового судебного разбирательства и следствия, то прошу Вас оставить это письмо без последствий. Вновь возвращаться в тюрьму на следствие не могу — не выдержу, ибо всякое напоминание о пережитом кошмаре выводит меня из нормального состояния.

Простите, Вячеслав Михайлович, за обращение к Вам и за столь длинное письмо — это крик израненной души.

**Ноябрь 1952 года.
Переборы».**

Пояснение к письму дал сын генерала К.Ф. Телегина — полковник в отставке Константин Константинович Телегин. Он писал:

«Через некоторое время после смерти Сталина мама узнала, что Г.К. Жуков вернулся из Свердловска в Москву, был назначен первым заместителем министра обороны СССР. Она тут же написала ему письмо, связалась по телефону с секретариатом и попросила доложить маршалу о необходимости встречи с ним. Не прошло и получаса, как раздался ответный звонок и ей был назначен день встречи.

Когда мама пришла, в приемной было много генералов, ожидавших вызова, но порученец, едва из кабинета вышел посетитель, провел ее вне очереди. Георгий Константинович встал из-за стола, вышел навстречу маме к самой двери обширного кабинета, усадил ее в кресло рядом с собой и приложил палец к губам в знак того, что надо молчать. Да, у него еще не стерлось и сотрется ли когда-нибудь память о том, что он познал несколько лет назад!

Умудренная тем же опытом, мама отлично поняла Георгия Константиновича, молча протянула ему свое письмо и копию приведенного выше письма отца Молотову. Жуков, время от времени сокрушенно покачивая головой, внимательно прочитал оба документа, аккуратно сложил их в папку, снял трубку телефона и сказал тогдашнему министру обороны СССР Н.А. Булганину, что должен зайти к нему по срочному делу. У мамы внутри все похолодело: ведь это Булганин, когда ее мужа в 47-м

исключали из партии и увольняли из армии, на чью-то реплику, что на это нет достаточных оснований, жестко бросил: «Пусть будет в назидание другим!»

Между тем Георгий Константинович попросил маму подождать и, прихватив со стола папку, вышел из кабинета. Вернулся он минут через двадцать и заверил, что сделает все возможное для скорейшего возвращения Константина Федоровича домой...

В начале июля в квартире зазвонил телефон. Чей-то голос сообщил: «Будете говорить с маршалом Жуковым». — «Здравствуйте, Мария Львовна. Пеките блины — Костя возвращается».

Через несколько дней, поздно вечером перед окном (мы жили тогда на первом этаже) остановилась машина. Хлопнули дверцы, гулко грохнула дверь в подъезде. Заверещал старомодный механический звонок — тот самый, который похоронным звоном прозвучал пять с половиной лет назад, возвестив о начале трагедии...

Открылась дверь, и отец переступил порог своей квартиры...

Справедливость восторжествовала!

Потом все постепенно войдет в колею. Жизнь есть жизнь, и прошлого не вернешь и не переиграешь. Генерал К.Ф. Телегин будет полностью реабилитирован, восстановлен в партии и Вооруженных Силах. Но здоровье, здоровье... В 1956 году ему пришлось уйти в отставку.

Дома отец никогда не будет жаловаться на недомогание, ни разу не вспомнит вслух и никто из нас не напомнит ему о перенесенных нечеловеческих пытках. Не увидим мы и рубцов на его теле, тщательно скрываемых дома под пижамой или рубашкой.

Из лагеря отец вернулся тяжело больной инфекционной желтухой, и его тут же отправили на лечение в Главный военный госпиталь имени Бурденко. Начальником инфекционного отделения была тогда миловидная, очень заботливая женщина — врач Галина Александровна, ставшая позднее женой Георгия Константиновича. При первом же осмотре больного Телегина она пришла от удивленного в такой ужас, что немедленно написала письмо в Центральный Комитет партии о зверских расправах с заключенными в бериевских застенках.

Чуть поправившись, отец с головой ушел в общественную работу, постоянно выступал с лекциями и докладами перед воинскими и трудовыми коллективами в нашей стране и за рубежом. Им написано немало статей, две книги.

А с Георгием Константиновичем они были дружны до прощального часа».

В.Н. Гордов

1896—1950

Василий Николаевич Гордов лихо воевал с германцами и австро-венграми, дослужился до старшего унтера. Потом вступил в Красную Армию, воевал, вырос до командира полка. В послевоенное время успешно закончил высшие курсы «Выстрел», военную академию, занимал ответственные посты. Незадолго до Великой Отечественной войны ему, начальнику штаба Приволжского военного округа, присвоили звание генерала.

Командующий округом Василий Филиппович Герасименко, вручая ярко-алые петлицы со звездочками, сказал:

— Давно достоин генерала. Надеюсь, что это звание — не последнее. Только проявляй, Василий, к людям терпимость, будь покладистой.

Характер у Гордова в самом деле не мед: жесткий, требовательный, в разговоре может запустить непотребное выражение. Однако не злопамятен и отходчив. Весь в отца — крестьянина из глухого Заволжья.

— Таков уж удался. Горбатого могила исправит, — шутя ответил он.

Через несколько дней — война. И Герасименко с Гордовым, возглавив сформированную ими 21-ю армию, были уже на фронте.

— Армии надлежит занять рубеж Рогачев — Жлобин и остановить противника, — прочертив карандашом на карте линию, сурово проговорил маршал Тимошенко. — Не выполните задачу — разговор будет иной.

В начале июля армия заняла назначенный рубеж. И начались тяжелые кровопролитные бои. Превосходящие силы врага, используя подвижность и боевую мощь авиации, танков, обходили фланги, прорывались в тыл, вынуждая вести бой в полукольце, терпеть неудачи.

Положение не только 21-й армии, а всего Западного фронта было критическим. 4 июля в Берлине Гитлер заявил: «Я уже давно пытаюсь поставить себя в положение противника. Практически он уже проиграл войну...»

Но вдруг 13 июля 21-я армия нанесла противнику мощный контрудар. Форсировав Днепр, ее войска ворвались в Рогачев и Жлобин, преодолевая сопротивление, стали продвигаться к Бобруйску. Врагу понадобилось восемь дивизий, чтобы остановить советские войска.

Вскоре начальник штаба Гордов планировал и руководил отводом войск на новый рубеж. Вопреки попыткам окружить армию, ее войска сумели отойти за Днепр и создать на нем крепкую оборону. В августе они выдержали удары превосходящих сил. Обойденные с флангов, войска попали в окружение, но сумели удержать позиции. А в начале сентября последовал новый приказ: наступать! И 21-я

армия решительно атаковала. Однако фланги в ходе контрударов оказались соседями незащищенными, чем неприятель не замедлил воспользоваться. Его танковая и пехотная армии пытались схватить ее в клещи. Потеряв связь с соседями, отражая мощные удары немецких танков и мотопехоты, войска пробились к Киеву. Для Гордова это была тяжелая школа. В ходе бесконечных боев накапливался опыт управления войсками, закалялась воля, мужал характер. Угроза окружения под Киевом была очевидной, когда из Москвы поступило распоряжение на отход. Но время было упущено.

Судьба командования Юго-Западного фронта сложилась трагично. Многие, в том числе его командующий генерал Кирпонос, заместители, погибли. Большие потери понесли и войска. В труднейших условиях командование 21-й армией сумело объединить разрозненные части в крепкий отряд и вывести его из окружения. В документах тех лет отмечалось: «Организовано вышли из окружения около 500 работников управления 21-й армии во главе с командующим армией генерал-лейтенантом В.И. Кузнецовым, членом Военного совета генерал-майором С.Е. Колониным и начальником штаба генерал-майором В.Н. Гордовым».

Вскоре генерал Гордов вступил в командование 21-й армией. Это был уже зрелый военачальник, испытывавший радость побед и горечь поражений.

В мае 1942 года армия участвовала в Харьковском сражении, а затем была направлена под Сталинград.

В июле 1942 года из Москвы пришло распоряжение о срочном вызове генерала Гордова в Ставку. О цели не сообщалось, и он вылетел, теряясь в догадках.

— С вами будет говорить Сталин, — объявили в столице.

Оценивающим взглядом смотрел Сталин на вошедшего. Невысокий и неширокий в плечах генерал, без той стати, которая свойственна людям большого чина. Разве, что голос да лицо выдавали характер.

— Мы решили поручить вам ответственный пост, — сказал Сталин.

— Я — солдат, и готов служить, где прикажут.

На днях Ставка приняла решение о замене многоопытного маршала Тимошенко, возглавлявшего Сталинградский фронт. Его направляли на Северо-Западный.

Летом 1942 года сталинградское направление приобретало важнейшее значение. Сосредоточив большую мощь, немецко-фашистское командование решило здесь нанести главный удар. Еще зимой, когда разрабатывался план предстоящих военных действий, многие в Генштабе определяли, что главный удар противник нанесет на юге с целью выхода к Волге и Кавказу для захвата его богатств и, прежде всего, нефти. К этим предположениям склонялась и наша разведка, установившая сосредоточение на юге значительных немецких сил. Однако Ставка, внимая Сталину, считала главным направ-

лением центральное, где, якобы, ожидалось наступление на Москву. И туда направили наши главные силы. На Южном же крыле создалась нехватка танков, артиллерии, авиации и даже живой силы.

— Мы решили рекомендовать вас на должность командующего фронтом... Сталинградским фронтом, — объявил наконец Сталин.

«Фронтом? — не ослышался ли он. — Его, генерал-майора, только осенью принявшего армию, и сразу командующим фронтом! Да еще каким! Сталинградским!»

— Прежде всего, там нужно твердой рукой навести революционный порядок. Мы очень на вас надеемся. Мы знаем вас как опытного и крепкого начальника.

В Сталинград Василий Николаевич прибыл в звании генерал-лейтенанта.

Под мощнейшими ударами танковой армады, авиации, артиллерии развалился соседний, Южный фронт, возглавляемый боевым генералом Малиновским. Войска же Сталинградского фронта яростно и упорно защищали рубежи в донских степях, на дальних подступах к городу. Они не только оборонялись. Нанося контрудары, углублялись в расположение противника, вынуждали его терять время, расходовать силы. 6-й немецкая армия Паулюса запросила поддержки, и на помощь ей с кавказского направления была повернута армия Гота.

Лишь в середине сентября закончилась наступательная операция войск Сталинградского фрон-

та, началась героическая оборона города. А в это время наступавшие у Ростова части немецкой 17-й армии были уже на перевалах Главного Кавказского хребта, рвались к черноморскому берегу.

Однако командующим фронтом генерал Гордов пробыл только до октября. Последовало новое назначение с понижением в должности: на Западный фронт командующим 33-й армией.

Уезжал Гордов с тем тяжелым чувством, которое испытывает человек, незаслуженно отстраненный от начатого им дела. В течение почти трех месяцев бесконечно долгих дней и ночей напряженной битвы он не знал ни минуты покоя, отдавал всего себя без остатка наитруднейшему сражению. Теперь же он был как бы непричастен к нему.

Конечно, порой он был груб, не мог сдержаться себя в разговоре, но попробуй быть другим в сумасшедшей круговерти, когда каждый шаг продвижения или отхода давался ценой многих человеческих жизней. Да только ли он был таким? Податливых и мягкосердечных начальников не очень жаловали, считали их неспособными выполнить ответственные задания.

А между тем, хорошо знавший генерала маршал Конев давал ему такую характеристику: «Это был военачальник, способный руководить крупными войсковыми соединениями. Если взять в совокупности все операции, проведенные им во время войны, то они вызывают к нему уважение. В частности, надо отметить, что он проявил и мужество, и

твердость в трудные времена Сталинградского сражения, воевал, как говорится, на совесть и со знанием дела... С именем генерала Гордова связан ряд операций, успешно проведенных армиями, находившимися под его командованием».

В отличие от Сталинградского, на Западном фронте было относительное спокойствие. Больших операций не проводилось, и войска в основном держали оборону. Позиции 33-й армии находились восточнее Вязьмы. Почти неделю генерал Гордов пребывал в полках и дивизиях, лазил по траншеям, изучал расположение врага, его уязвимые места, общался не только с командирами, но и с солдатами, не упуская из внимания даже на первый взгляд малозначимое.

На совещании с офицерами он со всей решительностью потребовал:

— Отсиживанию в обороне приходит конец. Наступил черед наступлению. А потому нужно учить солдат наступать, взаимодействовать с артиллерией, танками. Окопную болезнь из солдата вон!

И начались бесконечные учения, днем и ночью, стрельбы, даже обкатка сидящих в траншее солдат танками. Казалось, генерал старался вселить в каждого свое бесстрашие и мужество.

И вот настал долгожданный черед. Войскам предстояло провести Ржевско-Вяземскую операцию по ликвидации выступа, образованного в ходе немецкого наступления. Операция началась 2 марта. Весенняя распутица, лесистая местность, болота. На

каждом шагу умело возведенные заграждения, скоывающие маневр, однако войска 33-й армии ничто не могло сдержать. На десятые сутки они ворвались в Вязьму. В результате этого удара враг был отброшен от Москвы на 160 километров.

А потом были Спас-Деменская, Ельнинско-Дорогобужская, Смоленско-Рославльская операции и во всех войска Гордова действовали на решающем направлении.

31 августа 1943 года войскам 33-й армии и его командующему была объявлена в приказе Верховного главнокомандующего благодарность за освобождение города Ельни. В их честь над столицей прогремел салют. За умелое командование Гордову присваивают воинское звание генерал-полковник.

Пятнадцать раз отмечалось его имя в приказах Верховного. Немногие военачальники добивались такой высокой чести.

В марте 1944 года генерал Гордов, сменив генерал-лейтенанта Рябышева, вступил в командование 3-й гвардейской армией. Летом начались бои за освобождение Западной Украины и Польши. Действуя на направлении главного удара 1-го Украинского фронта, войска 3-й гвардейской стремительно продвигались на запад. Пройдя с боями более 250 километров и с ходу форсируя реки, они овладели стратегически важным Сандомирским плацдармом на Висле. Отсюда войска маршала Конева в январе 1945 года устремились к границам Германии. В апреле и мае 3-я гвардейская армия участвовала в Берлинской операции.

Войну Василий Николаевич завершил в Праге. Спешно перегруппированная его гвардейская армия участвовала в завершающей Пражской операции. В ночь на 9 мая ее передовые части вступили в Прагу. Сам же командующий удостоился чести быть первым начальником гарнизона столицы Чехословакии.

В том же году Гордов возвратился в родные края, в Куйбышев, командующим войсками Приволжского военного округа.

В начале января 1946 года на общем собрании колхозники одной артели выдвинули его кандидатом в депутаты в Верховный Совет СССР. Вскоре последовали встречи с избирателями Сергиевского округа. Его встретили тепло, видели в нем не только депутата, но и заслуженного земляка, отдавшего жизнь людям. О его делах говорили награды: Звезда Героя, два ордена Ленина, три Красного Знамени, Красная Звезда, а о полководческом таланте — три (!) ордена Суворова 1-й степени и той же степени орден Кутузова.

После официальной части, когда Василий Николаевич сошел со сцены, его обступили, посыпались просьбы. Просил помощи и председатель колхоза: хотя бы тракторишко какой списанный или автомашину. Весной-то не на чем пахать, придется коров впрягать.

— Коро-ов? — не поверил Василий Николаевич.

— А ежели они не потянут, то и баб впряжем.

После того, что он видел в поверженной Германии, не верилось, что такое могло быть. Но и в других хозяйствах положение было не лучше.

Однажды разговаривая со своими помощниками, Гордов сказал, как отрубил:

— Тех, кто довел крестьянство до такого положения, надо судить! И как только народ терпит!

Этого было достаточно, чтоб к генералу вызвать подозрение и учинить слежку. А летом нагрянула комиссия с проверкой состояния дел, но все уже было предрешено. В ноябре пришел приказ: уволить из армии подчистую, по болезни. Но ведь он-то абсолютно здоров!..

Впрочем, в то лето многие боевые генералы были уволены из рядов армии. Неожиданно сместили с высокого поста и маршала Жукова. Отправили командовать второразрядным округом.

Теперь за каждым шагом Гордова следили, фиксировали, доносили. Даже на московской квартире приладили подслушивающее устройство.

В январе 1947 года на имя Сталина поступила справка о записанном оперативной техникой разговоре генерала Гордова с женой. Справку подписал председатель Комитета Государственной безопасности Абакумов. К справке прилагался текст подслушанных разговоров Гордова с женой и сослуживцем. Абакумов назвал генерала явным врагом советской власти и просил у Сталина разрешение на арест и предание суду, его — депутата Верховного Совета СССР, Героя Советского Союза, боевого генерала.

После того, как содержание подслушанного и записанного разговора было прочитано, возражений против ареста не последовало. «Что меня погубило,

так это то, что меня избрали депутатом, — говорил жене опальный генерал. — Я поехал по районам, и когда я все увидел, все это страшное — тут я совершенно переродился. Не мог я смотреть на это. У меня изменились настроение, мысли, я стал высказывать их тебе, еще кое-кому, и это пошло как платформа. Я сейчас говорю, у меня такие убеждения, что если сегодня уберут колхозы, завтра будет порядок, будет рынок, будет все...»

Когда генерала не стало, появилась версия, что прототипом отрицательного персонажа Горлова из пьесы А. Корнейчука «Фронт» послужил командующий Сталинградским фронтом генерал Гордов. И различие-то всего в одной букве!

Сам автор пьесы вряд ли бы решился вывести в отрицательные персонажи генерала, которому сам Сталин доверил наиважнейший в то время боевой участок. За автора это сделали «доброжелатели». К сожалению, эту версию подхватили и непрозорливые журналисты. Появившаяся версия была попыткой возвести на незаслуженно пострадавшего генерала навет и тем самым снять часть вины за содеянное беззаконие.

И еще. В некоторых изданиях можно встретить сообщение о дате смерти Василия Николаевича Гордова — 12 декабря 1951 года. День и месяц его рождения совпадают с днем смерти. Однако дата эта неверна. Генерал был расстрелян 24 августа 1950 года. Подтверждение тому — документы.

Г.И. Кулик

1890—1950

В одну ночь с генералом Гордовым был расстрелян и его заместитель, сослуживец по штабу округа и — по определению суда — его сообщник, генерал-майор Кулик. Перед войной он имел звание маршала и занимал ответственную должность в руководстве Советской Армии.

Однажды автору этих строк довелось его видеть. Весной 1944 года, незадолго до отправки на фронт, наша гвардейская дивизия проводила в районе Щелково и Ногинска многосуточное учение. Офицеров предупредили, что возможно за учениями будет наблюдать сам Кулик, а потому действовать следует не как-нибудь, а строго по уставу, с полной отдачей сил, проявлять сметку, сообразительность.

— Это какой же Кулик? Неужели Маршал Советского Союза?

— Тот самый, — отвечал полковник. — Только теперь он не маршал, а генерал.

О грозном военачальнике ходили разные слухи. Будто бы он в первые дни войны попал в Белоруссии в окружение и там, сменив маршальский мундир на крестьянский кожух, с превеликим трудом добрался до Москвы, и его вид вызвал гнев у Сталина. Другие утверждали, что, будучи маршалом, Кулик командовал под Ленинградом армией. Тре-

тьи доказывали, что маршал Кулик был в Ростове, когда войска Южного фронта наносили там знаменитый контрудар по немецкой танковой армии Клейста. Словом, толковали о нем разное...

На учении рота, которой я командовал, находилась на марше впереди, составляла головную походную заставу. Скрипя тормозами, подкатил на «виллисе» командир дивизии полковник Блажевич, потребовал доложить ему обстановку. Я начал было говорить, как на дороге показался черный лимузин.

— Он! Кулик! — воскликнул полковник и топлоливо стал расправлять на шинели складки.

Из лимузина вышел высокий и тучный генерал. Шинель небрежно застегнута на пуговицы, чуть сдвинута на затылок папаха.

— Товарищ генерал-лейтенант... — bravo козырнув, начал полковник.

Тот небрежно махнул рукой.

Так впервые и единственный раз мне довелось увидеть разжалованного маршала.

Очередное заседание Главного Военного совета состоялось, как всегда, в кабинете наркома. За большим столом восседал председатель совета Ворошилов, остальные члены заняли места за приставным длинным столом. Раньше всем места за ним не хватало и поэтому сидели на стульях вдоль стен. Однако на этот раз совет был немногочисленным. После проведенной в армии чистки его состав сильно сократился. Не стало Тухачевского, Якира, Уборевича.

ча, Гамарника, Алксниса и других военачальников. Их расстреляли как «врагов народа», а вместо них избрали новых членов.

Ближе к председательскому столу сидел Буденный, рядом — армейский комиссар Мехлис, начальник Главного политического управления РККА; напротив — первый заместитель наркома, командарм Федыко; с ним рядом командарм 1-го ранга Кулик, начальник Главного артиллерийского управления. Был здесь Щаденко, ведавший делами укомплектования и формирования Красной Армии, начальник Генерального штаба Шапошников.

В стороне от председательского стола в кресле устроился Сталин. Он тоже входил в состав совета. Не выпуская из рук трубки, генсек наблюдал за всеми со стороны. Но все знали, что именно он, а не председатель совета здесь главный, его слово решающее.

— Ну, что ж, не будем терять время, пожалуй, начнем, — сказал Ворошилов и посмотрел на Сталина.

Это был ареопаг — высший орган военной власти. Исходя из разработанной доктрины, он определял характер предстоящей войны, намечал перспективу развития вооруженных сил, стратегию и тактику, что, естественно, не могло не влиять на экономику страны. Задача под силу мудрейшим из мудрых, проницательным взглядом проникающих вглубь времени.

В недавнем прошлом армейское руководство незримо делилось на две непримиримые стороны с

противоположными взглядами на перспективу развития и строительства вооруженных сил страны. Те, которых ныне нет, признавали будущую войну как войну моторов, тяготели ко взглядам буржуазных военных деятелей, невольно являясь проводниками вредной и не признаваемой в стране капиталистической науки. Они, по сути, отвергали приобретенный дорогой ценой опыт гражданской войны, недооценивали мощь красной кавалерии, являвшейся главной ударной силой в современных операциях.

Теперь тех нет, они растоптаны, уничтожены, а их теория отвергнута, восторжествовал взгляд конармейцев, которых в совете большинство: Буденный, Щаденко, Кулик, сам нарком Ворошилов. Их молчаливо поддерживает генсек Сталин, и, конечно же, Мехлис.

Тактично сдержан и уклончив в своих суждениях начальник Генштаба Шапошников. Это вполне объяснимо, поскольку следователи дотошно выискивают против него улики. Подозрение, а вместе с ним и опасность ареста, кружит и над недавно назначенным в наркомат Федько.

— Повестка заседания вам известна, — оглядывая присутствующих продолжал Ворошилов, — мы должны принять решение относительно механизированных и танковых формирований, я имею в виду корпусов и дивизий. Как показал опыт войны в Испании, применение их в современных боевых условиях нецелесообразно.

Не искушенный в военном деле, нарком не стал распространяться, округло говоря, делал упор на политическую значимость вопроса. Исход рассматриваемого дела был предрешен, и проект решения лежал перед ним на столе, однако необходимо было заслушать мнение присутствующих и запротоколировать.

Ворошилов посмотрел на Буденного, хотел что-то сказать, но тут же отвел взгляд от черноусого маршала. Знал, что Семен Михайлович плохой оратор и далек от дел теории. Однажды на расширенном заседании тот осмелился вступить в спор с Тухачевским и попал впросак.

— Что-то я вас не пойму, Михаил Николаевич? — попытался возразить коллеге маршал.

Тухачевский вздернул в недовольстве бровью и сдержанно в ответ произнес:

— Так вам, Семен Михайлович, не все можно и объяснить. — И в зале прошелестел смешок.

— Кто желает высказаться? — спросил Ворошилов и остановил взгляд на Щаденко. — Может ты, Ефим?

Щаденко, как и Ворошилов, в прошлом партийный руководитель на Дону, ныне армейский комиссар, выступать привык, поднялся.

— Я раньше и теперь утверждаю, что сбрасывать со счетов коня в пользу металла не подошло еще время. И не только потому, что в стране не развита промышленность, совсем нет! Партия и лично товарищ Сталин делают все, чтобы в бли-

жайшие годы страна смогла догнать и перегнать промышленность Америки, не говоря уже о Германии и Японии. И не потому, что танки с их грохотом и лязгом потребуют многочисленный конский состав, чтобы подтаскивать эти тяжелые машины ближе к позициям врага. Если этого не делать, танки преждевременно обнаружат себя грохотом, и враг сумеет подтянуть орудия и их расстрелять. Не только в этом неоправданность машин. — Щаденко краем глаза посмотрел на Сталина. Тот, сощурившись от сизого дыма трубки, уставился в окно, словно бы и не слышал выступающего. — Озабоченность вызывает то обстоятельство, что для танковых и механизированных корпусов нужно подготовить тысячные кадры технически образованных людей...

— Позвольте мне, — зычно пророкотал Кулик, обращаясь к председателю. Поднявшись над столом, массивный, широкогрудый, он погладил большую бритую голову, откашлялся.

Ворошилов знал Кулика еще с гражданской войны. Тот служил под его началом, командовал артиллерией, потом возглавлял артиллерию Первой Конной армии.

— Докладывайте, товарищ Кулик. — Обычно Ворошилов обращался к нему по имени, но теперь соблюдал официальность.

— Я хотел бы продолжить доводы Ефима... то есть комиссара Щаденко. Ежели формировать танковые и механизированные соединения, тогда волей-неволей придется переводить большую часть

артиллерии с конной на механическую тягу. Это тоже потребует не только дополнительное и немалое количество автомобилей, тракторов, но и механизаторов для них. А где их взять?..

— А дальнобойную и большой мощности артиллерию тоже надо перевести на конную тягу? — вдруг подал голос Сталин.

Кулик замешкался, но тут же уверенно ответил:

— Никак нет. Ее поставить на мехтягу.

— Понятно, — произнес генсек и было непонятно — согласен ли он с главным артиллерийским начальником или имеет другое мнение. — Продолжайте, товарищ Кулик.

— Исходя из сказанного, я предлагаю новые механизированные и танковые корпуса не создавать, а имеющиеся ликвидировать. Их личный состав обратить на формирование кавалерийских дивизий. Сокращение выпуска танков повлечет сокращение выпуска и орудий к ним. По-видимому, повлечет сохранение и противотанковой артиллерии.

— А это почему же? — спросил Федыко. — Немцы, пожалуй, и не намерены сокращать производство танков.

И снова подал голос генсек:

— А как смотрит товарищ Кулик на производство автоматического стрелкового оружия?

— Отрицательно на это смотрю, товарищ Сталин. Автомат создает много треска, но меткость его низка. Чтобы поразить цель из винтовки, нужно один-два патрона, а из автомата нужно выпустить

десяток-полтора. Автомат — это бесполезное оружие в нашей стране.

Главным военным событием 1939 года были бои в Монголии, на Халхин-Голе. Командующим туда был назначен малоизвестный тогда комдив Жуков. Для контроля и оказания помощи к нему из Москвы прилетело немало начальства. Каждый считал своей обязанностью навязать командующему свои предложения.

Появился и Кулик. Перед отлетом он имел разговор с Ворошиловым.

— Направляйся, Григорий, в Монголию. Как бы там молодой комдив не наломал дров. Помоги навести порядок, ты это можешь.

Тот попробовал отказаться от далекой поездки, да еще в сухую жаркую степь, но Ворошилов пояснил:

— Отказываться нельзя. Сам Сталин назвал тебя. — И командарм поспешил на аэродром.

14 июля главный артиллерийский начальник прибыл на Халхин-Гол. Заслушав Жукова, выехал за реку, на плацдарм, где держали оборону стрелки и артиллеристы. Побывав в окопах и на оружейных позициях, командарм пришел к неожиданному выводу: если японцы атакуют, то орудия вряд ли смогут переправить на западный берег.

— Товарищ Жуков, распорядитесь отвести артиллерию на этот берег, — потребовал он приказным тоном.

— Снять артиллерию? Увести? Это значит оставить пехоту без огневой поддержки! Да ее же немед-

ленно сомнут! — возмутился горячий Жуков. — Артиллерия составляет костяк обороны...

— Я приказываю!

— Ваш приказ я отказываюсь выполнять. И об этом немедленно донесу наркому.

Жуков связался с Ворошиловым, доложил о несостоятельности требования Кулика, попросил отозвать его. В Москве вняли просьбе Георгия Константиновича. Последовало распоряжение об отзыве артиллерийского начальника.

Через месяц, когда завершив разгром японской армии на Халхин-Голе, Жуков прибыл в Москву, Сталин спросил:

— Как вам помог Кулик?

— Какую-либо полезную работу с его стороны я не могу отметить, — отрубил тот.

Потом была финская война, и Кулик находился на ней в качестве представителя Ставки. По завершении ее он, однако, удостоился звания Героя Советского Союза, а немного позже стал маршалом.

С самых первых дней Великой Отечественной войны судьба ему изменила. Не поняв природы современной войны и не обретя навыков управления войсками, он руководствовался устаревшими методами гражданской войны, которые оказались неприемлемыми и вредными. Однако наделенный властью, широкими полномочиями, новоиспеченный маршал не считал нужным использовать новые формы и методы вооруженной борьбы.

Выехав на Западный фронт, он попал в окружение и вместо того, чтобы руководить войсками, оказывать врагу сопротивление, он позаботился, прежде всего, о своем спасении. Узнав, что Кулик прибыл в Москву в рубище, Сталин пришел в бешенство, грозил расправой.

Через несколько дней, а точнее — 17 июля 1941 года, на Кулика уже была составлена справка о служебной и общественно-политической деятельности. Адресована Маленкову, гриф — «Совершенно секретно». В справке перечислялись «враждебные» дела заместителя наркома. В частности, указывалось: «По агентурным и официальным данным установлено, что Кулик проводил вредительскую деятельность, направленную на срыв обеспечения Красной Армии всеми видами вооружения...» «Окружение Кулика Г.И. по линии его бывшей жены явно шпионское...» «Кулик неоднократно нарушал правила соблюдения государственной тайны...» «Метод работы Кулика — разнос и распекание всевозможными нецензурными словами. Непривычные люди падают в обморок...» Приводились многочисленные факты и высказывания свидетелей. В заключение составитель справки начальник 3-го управления НКО СССР майор госбезопасности считал необходимым Кулика арестовать.

Но его не арестовали, а в августе направили под Ленинград, где находился Ворошилов, командовать армией. Никогда еще в истории советских Вооруженных Сил не было случая, чтобы во главе армии

находился маршал. Обычно этот пост занимал генерал, даже полковник. Кулик был исключением, но и прокомандовал он всего 23 дня, когда в Ленинград прибыл Жуков, а с ним генералы Хозин и Федюнинский. Побывав в 54-й армии, Георгий Константинович вернулся оттуда недовольный увиденным.

— Михаил Семенович, — обратился он к Хозину, — вам придется принять командование армией.

— Слушаюсь, — ответит тот. — Кому отдать штаб фронта?

— Никому. Будете работать в двух должностях: начальником штаба и командующим 54-й армией. Кулику нельзя доверять армию. Он погубит людей и себя. Его сегодня же откомандировать в распоряжение Ставки.

Но в Москву Кулик не поехал: отправился на Волховский фронт, где находился Ворошилов. Но там ему на сей раз места не нашлось. В столь трудный для родины час, когда народ из последних сил вел неравную борьбу со смертельным врагом, блиставший орденами и маршальскими звездами военачальник был не у дел.

Меж тем серьезная обстановка возникла в Крыму. 18 октября крупные силы 11-й немецкой армии, возглавляемой небезызвестным Манштейном, нанесли удар по ослабленной 51-й армии, защищавшей Перекоп. Советские войска стойко оборонялись, отражали яростный натиск превосходящих неприятельских сил, однако сдержать их не смогли. Фа-

шистские дивизии ворвались на полуостров. Тесня Отдельную Приморскую армию, они наступали на Севастополь, другая часть немецкой армии вела бои с 51-й армией, отходившей к Керчи.

В Ставку вызвали маршала Кулика.

— Делайте все возможное и невозможное, но Керчь надо удержать! С полуострова нельзя уходить.

Кулик вылетел в этот приморский город. Части 51-й армии героически сражались на Керченском полуострове с мотопехотой и танками врага. Удалось на время их сдержать у акмонайских позиций, кое-где даже потеснить.

Кулик рвал и метал, чтобы оправдать доверие Ставки, но слишком не равны были силы. 16 ноября советские войска оставили Крым, эвакуировались через пролив на Таманский полуостров.

Кулик находился в Краснодаре, когда его потребовали к Ростову, где 56-я армия Ремизова отражала яростные удары частей 1-й немецкой танковой армии генерала Клейста.

18 ноября Кулик прибыл в город в качестве представителя Ставки. Шли уже уличные бои. Не разобравшись в обстановке, он обрушился на командарма, упрекая его в бездеятельности. Это был его привычный стиль. Стуча кулаком, требовал устранить недостатки, ликвидировать прорвавшегося в город противника, упорно обороняться, контратаковать... Но все это были слова, слова...

Не засиживаясь на командном пункте, он метался из дивизии в дивизию, требуя, чтобы его со-

проводил командарм и член Военного совета, отвлекая их от дела, от управления войсками.

После изгнания немцев из Ростова глубокой ночью 1 декабря на имя секретаря Ростовского обкома партии Двинского поступила телеграмма из Москвы. Сталин спрашивал: «Мы хотели также выяснить, какую роль играл во всей этой истории сдачи Ростова Кулик. Как он вел себя — помогал защите Ростова или мешал? Мы хотели бы знать и о роли Ремизова и Мельникова».

В ответе Двинский сообщал: «...Маршал Кулик руководил всей операцией, для чего мы и считали его призванным, рассматривая, как безусловный военный авторитет. Я считаю, что он несколько суматошный человек, работает вразброс. В дальнейшем, в случае необходимости, следует послать другого, поспокойнее и рассудительней».

Не трудно было понять, что в последних словах дается оценка маршалу как военачальнику, организатору и руководителю боевыми действиями больших войсковых объединений. «Руководил... но он... суматошный человек... работает вразброс... следует послать другого, поспокойнее и рассудительней...» В этом смысл его «кипучей деятельности».

Тогда же пошла телеграмма в Москву и от командующего 56-й армией генерала Ремизова. Она явно с оттенком подобострастия: «Очень нехорошо, с нашей точки зрения, ведет себя Григорий Иванович, сегодня его жизнь неоднократно была на волоске». Комментарии, как говорят, излишни.

Несмотря на успех боев под Ростовом, где врага удалось выбить из города и отбросить назад к Миусу, последовал вызов Кулика в Москву. Там потребовали отчета за поражение и оставление войсками Крыма. Расправа была суровой, жесткой. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 февраля 1942 года Кулик был лишен воинского звания маршала, а также всех боевых наград.

Но не таков был этот человек, чтобы пасть духом и смириться с уготованной ролью неудачника. Ко всему боевые соратники по гражданской войне еще не утратили в Москве своего влияния. Он просит их о помощи, пишет пространное письмо Сталину, в котором скрупулезно доказывает правомерность своего решения по эвакуации войск из Крыма и тем спасения их. В письме осторожно просит, умоляет «Великого Вождя и учителя, выдающегося стратега нашего времени» вернуть его в армейский строй. Поддерживает просьбу и начальник Главного управления формирования и укомплектования войск Красной Армии, его старый приятель Щаденко. Просьбу удовлетворили. Он снова в мундире, но... генерал-майор и без наград.

Почти год Кулик находился в резерве в Ставке, терпеливо ожидая своего часа. В марте 1943 года уже в звании генерал-лейтенанта он вступает в командование 4-й гвардейской армией, ведет ее в Курское сражение. И снова его преследует неудача.

В своих мемуарах Г.К. Жуков пишет: «18 августа противник нанес контрудар из района Ахтырки.

Для его отражения в сражение была дополнительно введена 4-я гвардейская армия, прибывшая из резерва Ставки. Командовал ею Г.И. Кулик. К сожалению, он плохо справлялся со своими обязанностями, и вскоре его пришлось освободить от командования».

Злые превратности судьбы. Они неотступно преследовали, напоминали о себе неудачами, перечеркивая прошлые его заслуги... Впрочем, какие заслуги? Может быть, гибель 60 тысяч человек в 1918 году под Царицыным, о которых отнюдь не милосердный Ленин вспоминал с ужасом, осуждая дела Ворошилова и его приближенных? Или расстрелянные картечью орудий Кулика деникинцы, врангелевцы, белополяки? А может, тысячи замерзших в карельских лесах в суровую зиму, когда он там был представителем Ставки?

Нет, он никак не хотел трезво оценить свои возможности, определить их совсем невысокий потолок, притормозить свой бег по служебной лестнице, потому что каждая его ступенька была горестной для тех, кто находился у него в подчинении.

Первым, кто подметил и оценил его сомнительные способности, был Жуков. Еще в 39-м году на Халхин-Голе он понял его опасную самовластность, не дал подмять себя катком бездарности. Столкнувшись с ним под Ленинградом, он поспешил отстранить от командования незадачливого маршала. Не позволил стажироваться в неудачах и в Курской битве. Крут был Георгий Константинович в делах,

но проявлять эту жестокою неумолимость требова-ли обстановка, интересы победы.

А между тем, Кулик вновь пребывал в распоряжении Ставки, пока ему не нашли место в Главном управлении формирования и комплектования. Вместо ушедшего на фронт Щаденко, управление возглавлял генерал-полковник Смородинов. Не столь давно тот был всего лишь генерал-майором, когда Кулик носил маршальские звезды, теперь бывший маршал становился его заместителем. Иметь под боком такого зама — ох, как трудно!

Вот тогда-то, в весну 1944 года Кулик и выехал к Щелково и Ногинску на учение в дивизию, чтобы воочию поглядеть перед спланированной уже отправкой на фронт на гвардейское соединение...

Через полгода Кулику возвратили награды: два ордена Ленина, три Красного Знамени. В том же году он был удостоен еще одного боевого ордена. Но еще через полгода последовала следующая характеристика: «Генерал-лейтенант Кулик совершенно не работает над собой, не изучает опыт войны, потерял вкус, остроту и интерес к работе, вследствие чего не может обеспечить перестройку боевой подготовки запасных дивизий в соответствии с требованиями фронта и эффективно руководить ими... Поэтому считаю совершенно нецелесообразным и ненужным пребывание тов. Кулика в Главупраформе. Бытовая распушенность, нечистоплотность и ба-рахолизм тов. Кулика компрометирует его в глазах офицеров и генералов».

Прежде чем принять решение по данному рапорту, в Главное управление была направлена комиссия. Она подтвердила факты. Кулик был понижен в воинском звании, опять стал генерал-майором. Его назначили помощником командующего Приволжского военного округа к генерал-полковнику Гордову.

— Тот мужик крут, не станет церемониться и с бывшим маршалом.

Так начался новый круг служебного марафона, на этот раз в Самаре, в штабе военного округа. Но в январе 1947 года на стол Сталину легла справка от председателя Комитета Государственной безопасности Абакумова. В ней сообщалось о зафиксированном оперативной техникой разговоре должностных лиц, имевших явно враждебную направленность против государственного строя и руководства страной. Указывались их фамилии, в числе которых был командующий округом Гордов, его жена, заместитель командующего Кулик. Такого Сталин никак не ожидал от боевого соратника по гражданской войне. Последовала команда: арестовать! 11 января 1947 года Кулик оказался в заключении по обвинению в антисоветской враждебной деятельности.

Суд состоялся 24 августа 1950 года. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила бывшего маршала к высшей мере наказания. В ту же ночь его расстреляли.

А.А. Новиков

1900—1976

Александр Александрович Новиков — крупнейший военачальник, возглавлявший в годы Великой Отечественной войны Военно-Воздушные Силы СССР. Начав войну в звании генерал-майора, он закончил ее Главным маршалом авиации, получив это звание первым. В разработке важнейших операций он принимал самое непосредственное участие. Дважды за личное мужество при проведении операций был удостоен звания Героя Советского Союза.

В июне 1944 года, награждая его высшим американским орденом, президент США Франклин Рузвельт отмечал: «Маршал Новиков проявил выдающиеся способности, усердие и принципиальность в деле руководства успешными операциями Красной Армии. Его гибкий подход к разрешению сложных вопросов в сочетании с редким качеством руководителя и большим умением использовать воздушные силы дали ему возможность внести выдающийся вклад в дело союзников».

Новиков был назначен командующим ВВС в трудное время — в апреле 1942 года. Он осознавал техническую отсталость советских самолетов и полную несостоятельность организационной структуры военной авиации, не отвечающей требованиям войны. По его инициативе в ходе непрекращающихся

ся сражений началась коренная организационная перестройка, выразившаяся в создании крупных авиационных объединений. А в следующую весну 1943 года в сражениях было завоевано стратегическое господство в воздухе советской авиации.

И вот война кончилась. Вдруг в апреле 1946 года Главного маршала Новикова арестовывают. И не только его, но и членов Военного совета ВВС: Н. Шиманова, А. Шахурина, А. Репина и многих других. Началась новая волна репрессий.

Для Новикова это было второе судебное испытание. Первое в 1937 году, когда в авиабригаде, где он служил, за короткий срок было арестовано более 70 человек. Тогда ему объявили об отстранении от должности и увольнении из армии. Решение об исключении его из партии коммунисты организации отклонили. С этим решением был согласен и член Военного совета. Но его самого вскоре забрали и расстреляли. Лишь случай спас молодого талантливого командира от увольнения из армии и ареста.

Теперь его обвиняли «за злоупотребление властью и халатное отношение к службе». Но это было ширмой. Позже Александр Александрович писал: «Арестовали “по делу ВВС”, а допрашивали в основном о другом. Им нужен был компрометирующий материал на одного из маршалов (Жукова. — А.К.). Допрос шел с 22 по 30 апреля ежедневно. Потом с 4 по 8 мая. Был я у Абакумова не менее семи раз как днем, так и ночью. Присутствовавший при этом следователь Лихачев любил повторять: «Был бы человек, статейка

найдется». Методы допроса Абакумова: оскорбления, провокации, угрозы, доведение человека до полного изнеможения, морально и физически...»

Почти шесть лет по сфабрикованным обвинениям провел разжалованный маршал в строгой изоляции. Путем явных фальсификаций, подтасовок фактов от него добились нужных показаний против маршала Жукова.

А меж тем, время шло, авиация развивалась, она настойчиво требовала крупных знающих руководителей. И в 1952 году Сталин вспомнил о маршале Новикове: «Где он?» — «В заключении». — «Хватит ему сидеть! Делом нужно заниматься!»

Его полностью реабилитировали, назначили командующим Дальней авиацией, приказали наверстать упущенное в ее развитии. Но время-то было упущено.

Такова была судьба первого Главного маршала авиации.

С.А. Худяков

1901—1950

Дом, который я искал, находился на широком столичном проспекте. Огромный, серый, многоэтажный, он занимал едва ли не весь квартал. Завернув за угол, я увидел на стене мемориальную доску: «Здесь жил маршал авиации С.А. Худяков».

В 1945 году этот военачальник бесследно канул в неизвестность. Говорили о нем разное и недоброе. И вдруг — мемориальная доска...

Впервые о маршале, а тогда еще генерал-майоре, мне довелось услышать от генерала Н.Л. Солдатова. Зимой 1942 года он командовал десантным полком, и по приказу Жукова полк высаживался в немецкий тыл.

— Ответственность за организацию переброски полка по воздуху Георгий Константинович возложил на Худякова, — рассказывал Николай Лаврентьевич. — Это был энергичный, лет сорока человек, с хваткой делового и опытного начальника. С ним мне пришлось решать многие вопросы по подготовке личного состава, его вооружения, снабжения. И потом, когда мы действовали во вражеском тылу на Западном фронте, он поддерживал с полком постоянную связь. Однажды объявив мне боевую задачу, генерал Жуков спросил: «Есть ли какие вопросы? Может, просьбы?» И тут находив-

шийся в кабинете командующий авиацией, генерал Науменко сказал, что разыгралась непогода, метель и что выброска десанта может сорваться. «Тогда вы полетите с полком, — резко ответил Жуков. — А здесь за вас останется начальник штаба». Генерал, конечно, не полетел, но вскоре получил новое назначение. Его же место занял Худяков.

Подлинное имя Сергея Александровича Худякова — Арменак Артемович Ханферянц. Родился он в селе Нагорного Карабаха. Шестнадцати лет вступил в Красную гвардию. Был рядовым, потом командовал взводом, эскадронам, полковой школой. В 30-е годы перешел в авиацию.

В 1943 году Худяков занял высокий пост начальника штаба Военно-Воздушных Сил. Тогда же координировал боевые действия авиации Воронежского и Степного фронтов в Курской битве и в битве за Днепр.

В 1944 году Сергей Александрович удостоился звания маршала авиации. Командуя воздушной армией, участвовал в разгроме японских милитаристов на Дальнем Востоке. В ее составе находились тринадцать авиадивизий, которые поддерживали наступление войск фронта в Хингано-Мукденской операции. В период военных действий летчики 12-й воздушной армии совершили свыше 5 тысяч самолето-вылетов. Действиям воздушной армии и ее командующего маршалу Худякову дал высокую оценку главнокомандующий войсками Дальнего Востока Маршал Советского Союза А.М. Василевский.

А потом был арест и многосуточные допросы.

— Рассказывайте о связях с английской разведкой! Какие вели разговоры с маршалом Жуковым?

Сам на допросы он ходить не мог и его волоком доставляли в тюремный кабинет.

В тот 1946 год арестовали не только Худякова, но и других руководителей авиации страны во главе с наркомом авиационной промышленности А. Шахуриным и командующим Военно-Воздушными Силами Главным маршалом авиации А.А. Новиковым.

Против них в кадрах военной контрразведки «Смерш» сфальсифицировали так называемое «авиационное дело», обвинив арестованных в антигосударственной деятельности. Будто бы они по сговору выпускали и протаскивали на вооружение моторы с браком или с серьезными конструкторскими и производственными недоделками.

Это обвинение, однако, явилось ширмой, которой подручные Берии пытались прикрыть фальсификацию дела против Жукова и набравшего силу секретаря ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкова, отвечавшего за авиапромышленность. На него сфабриковали не одно, а целых три «заявления». Он был выведен из секретариата ЦК партии и отправлен из Москвы в Среднюю Азию для восстановления сельского хозяйства. Возвратился из командировки лишь через два года.

Вспоминается эпизод из «авиационного дела», рассказанный известным конструктором самолетов А.С. Яковлевым.

Проводя совещание с руководством авиации страны, Сталин посетовал на отсутствие нужных кадров. Дементьев (замнаркома авиационной промышленности. — А.К.) шепнул мне:

— Давай попросим за Баландина...

— Товарищ Сталин, вот уже больше месяца, как арестован наш замнаркома по двигателям Баландин. Мы не знаем, за что он сидит, но не представляем себе, чтобы он был врагом. Он нужен в наркомате, — руководство двигателестроением очень ослаблено. Просим вас рассмотреть это дело, мы в нем не сомневаемся.

— Да, сидит уже дней сорок, а никаких показаний не дает. Может, за ним и нет ничего... Очень возможно... И так бывает... — ответил Сталин.

На другой день Василий Петрович Баландин, осунувшийся, остриженный наголо, уже занял свой кабинет...

С того дня, как я увидел ту мемориальную доску, прошло немало лет, но в памяти сохранилось свежее сентябрьское утро, шелест позолоченной листвы близкого бульвара, перезвон недалекой церквушки, сохранившейся от московских «сорока сороков». Вижу литую синеву металла с навечно высеченным текстом, посвященным тому, кто в суровые годы войны завоевывал в небе Великую Победу. Доска на доме № 13 столичного Ленинского проспекта словно легендарные скрижали немеркнущей торжественной и печальной военной российской истории.

Н.Г. Кузнецов

1902—1974

Николай Герасимович Кузнецов — выдающийся советский флотоводец, Герой Советского Союза. Начав флотскую службу матросом, он дослужился до высшего воинского звания адмирала флота СССР. Этого звания он удостоился трижды, потому что судьба его была нелегкой, и не раз он испытывал ее превратности.

Наделенный недюжинным талантом военачальника и мощным интеллектом, Кузнецов рассказал о своей жизни в четырех книгах, десятках статей. Предлагаемый отрывок — из его последней неопубликованной повести.

«Как варится кухня...»

В деле «крутых поворотов» моим злым гением как в первом случае (отдача под суд), так и во втором (уход в отставку) был Н.А. Булганин. Почему? Когда он замещал фактически наркома обороны при Сталине, у меня произошел с ним довольно неприятный разговор из-за помещения для Наркомата ВМФ. Он беспардонно приказал выселить из одного дома несколько управлений флота. Я попросил замену — отказал. Согласиться я не мог и доложил Сталину. Сталин встал на мою сторону и сделал упрек Булгани-

ну: как же выселяете, не предоставляя ничего взамен? Булганин взбесился и, придя в свой кабинет, пообещал при случае вспомнить. Вскоре проходила кампания о космополитах, и ряд дел разбирался в наркоматах. Некий В. Алферов, чуя обстановку (конъюнктуру), написал доклад, что вот где у Кузнецова было преклонение перед иностранцами, и привел случай с парашютной торпедой. Булганин подхватил это и, воодушевившись, сделал все возможное, чтобы «раздуть кадило». В тех условиях было нетрудно это сделать. Действовали и решали дело не логика, факты или правосудие, а личные мнения. Булганин был к тому же человеком, мало разбирающимся в военном деле, но хорошо усвоившим полезность слушаться. Он и выполнял все указания, не имея своей государственной позиции, — был плохой политик, но хороший политикан.

...Вызванный из Ленинграда вместе с Л.М. Галлером, я не знал, в чем дело. Помнится, в поезде мы с Львом Михайловичем гадали о причинах вызова и не угадали. Оказалось, нам предстоит дать объяснение, почему было дано разрешение передать чертежи парашютной торпеды англичанам. Чертежи не были секретными...

Было решено судить нас «судом чести». Во главе суда был поставлен маршал Л.А. Говоров. Порядочный человек, но «свое суждение иметь» не решился и по указке Булганина, где можно, сгущал краски. Нашли врагов народа! Все четыре адмирала честно отвоевали — и вот, пожалуйста, на «суд чести». Но и на этом дело не кончилось. Было вынесено решение передать дело в Военную коллегия Верховного Суда. Это уже поразило не только нас, «преступ-

ников», но и всех присутствующих. До сих пор звучит в ушах голос обвинителя Н.М. Кулакова, который, уже называя нас всякими непристойными словами, требовал как можно более строго наказать.

Мы вышли из зала с мыслями о возможном аресте нас тут же, и, помнится, всю ночь я прислушивался к подъему лифта. Нервы были напряжены. Однако не арестовали. Через несколько дней состоялся суд Военной коллегии под председательством Ульриха. Ульрих — слепое орудие в руках вышестоящих органов — ничего вразумительного нам не предъявил, и коллегия быстро ушла на совещание. Я понимал, что совещаться-то нет нужды: доложат Сталину, и будет сказано, как поступить с нами.

Томительное ожидание до двух часов ночи. Нас поили и кормили за счет Наркомата ВМФ и носили оттуда бутерброды, но уже на улицу не выпускали. «Это плохой признак», — поделился со мной В.А. Алафузов, стараясь сохранить чувство юмора. Смех сквозь слезы! Курили непрерывно. Закурил и я, до этого бросивший вредную привычку.

Поистине как после затишья перед бурей началось оживление в коридоре. Появились часовые, затем ранее не известные нам люди. Я увидел медсестру с ящиком «скорой помощи». «Пахнет порохом», — подумал я, но положение старшего обязывало меня сдерживаться и даже приободрять своих адмиралов.

Почему-то думалось, что «идет охота за мной» — именно так выразился Алафузов накануне у меня на квартире, и я имел основания полагать, что приговор начнется с меня.

Если до этого мы неорганизованно входили в зал и занимали места на скамьях подсудимых, то теперь нас вызы-

вали и с часовыми сопровождали на свои места по старшинству. Я был в первом ряду. Со мной Галлер. Во втором ряду стояли адмиралы Алафузов и Степанов. «Сесть на скамью подсудимых» уже было пройденным этапом. Теперь мы стояли между скамьями подсудимых, а на флангах — часовые с винтовками. До сих пор не знаю как, но в зале оказались какие-то человек 5—6, которых раньше не было. Видимо, им было положено присутствовать на этом заключительном «представлении».

Первым читалось дело Алафузова. Обтекаемое обвинение и приговор — 10 лет. У меня пронеслось в голове, что если пойдет по восходящей, то мне возможна «высшая мера наказания». Терпи, казак! Следующим был Степанов — ему также дали 10 лет. Ребус еще не был разгадан. На очереди был Галлер, ему вынесен приговор — 4 года. Ну, значит, двоим по десять и двоим по 4 года, решил я. Итого 28 лет. Вот что сделала записка карьериста Алферова и пакость Булганина. Но я ошибся. Меня «освободили» от суда, но предложили снизить в звании до контр-адмирала.

После команды коменданту: «Исполнить» — меня оставили в зале суда, а остальных увели одеваться. Я было рванулся к ним проститься, но меня не пустили...

Среди весьма печальных воспоминаний из этого эпизода я был удовлетворен лишь тем, что всегда брал вину на себя и не обвинял никого из своих адмиралов. Об этом мы говорили с ними (Алафузовым и Степановым), когда они, выпущенные после реабилитации в 1953 году, обедали у меня на квартире и на мой вопрос, чем я повинен перед ними, адмиралы сказали: я вел себя не только достойно, но и в высшей степени отважно, рискуя своей головой.

Некоторое время я походил без дела на правах «нсприкасаемого» и стал просить использовать меня на какой-нибудь работе. Но сразу решил этот вопрос только лично Сталин. Он послал меня в Хабаровск заместителем главкома по Дальнему Востоку к Р.Я. Малиновскому. Встретивший меня случайно в Кремле Молотов (ведь я оставался членом ЦК) иносказательно произнес, что «придется на некоторое время съездить туда».

Несколько лет спустя, когда я был снова министром ВМФ Сталин однажды у него на ближней даче за столом как бы невзначай бросил: Абакумов предлагал ему арестовать меня — «дескать, тогда он докажет, что мы шпионы». Сталин не согласился и ответил: «Не верю, что Кузнецов враг народа». Я-то не знал, что был в такой опасности.

...Когда в 1951 году (летом) меня вновь назначили министром ВМФ, я стал думать о том, как выручить оставшихся в беде товарищей. Написал два письма. Как потом мне рассказывали Алафузов и Степанов, они знали о моих шагах, но, кажется, единственным облегчением был перевод их из одиночек в общую камеру. (Л.М. Галлер умер в тюрьме в 1950 г.).

Они благодарили меня, но я откровенно сказал, что события более высокого порядка не позволили им досидеть свой срок. Мы хорошо простились, но какая-то тоска одолевала меня, как будто я в чем-то виноват...

...И все-таки верю, что хороших людей больше, чем плохих. Если бы я пришел к другому выводу, то по логике рассуждения потерял бы основу, для чего стоит и нужно жить, за что стоит бороться. При этом должны быть грани, за которые не следует переходить, чтобы не оказаться про-

стаком, над которыми обычно смеются даже те, которым ты делаешь добро и которым веришь. Всякая крайность, говорят, граничит с глупостью.

Мне думается, человеку, соприкасающемуся с политикой, нужно быть особенно осмотрительным и осторожным. Политика дело безжалостное, и если, как говорят, даже война есть политика, лишь иными средствами, то тем более она не считается с отдельными людьми, коль этого требуют интересы политики.

Что кажется немного обидным, но, видимо, неизбежным в наш суровый и бурный век, так это то, что ушедшие быстро забываются: новое сменяет все старое, и то, над чем трудились люди честолюбивые и думавшие оставить о себе «завидный след», не оправдалось. Их след замело быстро, и в этом никого винить не следует — такова жизнь.

Послесловие

От той поры трагических довоенных и послевоенных лет нас, ныне живущих, отделяет более полувека. Но люди помнят о тех, кто безвинно пострадал, испытал и пережил те трудные годы.

В книге названы далеко не все имена тогда ушедших военачальников, цвет Красной Армии. Впрочем, рассказать обо всех в одной книге невозможно. Их тысячи и тысячи! По количеству пострадавших в той кровопролитной акции не может сравниться ни средневековая инквизиция, ни приснопамятная Варфоломеевская ночь.

Возьми, читатель, энциклопедический фолиант, полистай его и среди заметок о замечательных людях России часто встретишь траурный год ухода из жизни: 1937, 1938, 1939-й... Это означает, что они погибли в то страшное время. Погибли не своей смертью, не на больничной койке, а в подвалах тюрем от пули в затылок.

Сколько их было, этих выстрелов в глухих подземельях! И с каждым выстрелом угасала жизнь большого патриота и достойного военачальника. Да только ли военачальников!..

Им не воздавали почестей за прошлые их деяния, не вспоминали о них и в героическое время Великой Отечественной войны. А между тем, в каж-

дой нашей большой и малой победе незримым был их вклад, вклад военачальников, готовивших армию к суровым испытаниям, к большой войне и Великой Победе.

Лишь в 1957 году начался пересмотр всех тех сфальсифицированных дел «антисоветской троцкистской военной организации», по которой были обвинены и выбиты тысячи военачальников различных рангов. Все их обвинения были признаны незаконными, в действиях подсудимых отсутствовал состав преступления и потому все они, за немногим исключением, были полностью реабилитированы.

Свое повествование кончаю стихотворением поэта Бориса Слуцкого о людях, которым посвятил эту книгу. В скупых поэтических строчках он высказал боль за судьбу соотечественников.

Кадровую армию: Егорова,
Тухачевского и Примакова,
Отступавшую спокойно, здорово,
наступавшую толково, —
Я застал в июле сорок первого,
но на младшем офицерском уровне.
Кто постарше — были срублены года за три
с чем-нибудь до этого.
Кадровую армию, имевшую гордое
название Красная,
Лжа не замарала и напраслина, с кривдою
и клеветою смешанные.
Помню лето первое, военное.
Помню, как спокойные военные

Нас — зеленых, глупых, необстрелянных —
обучали воевать и выучили.
Помню их, железных и уверенных.
Помню тех, что всю Россию выручили.
Помню генералов, свежевывшедших
из тюрьмы и сразу в бой идущих,
Переживших Колыму и выживших,
почестей не ждущих —
Ждущих смерти или же Победы,
смерти для себя, победы для страны...
Помню как сильны и как умны были,
отложившие обиды
До конца войны,
этой самой РККА сыны.

Да вечно в памяти народной будут их имена!

Оглавление

<i>Об этой книге</i>	3
Глава первая. Заговор, которого не было	10
М.Н. Тухачевский	25
И.Э. Якир	88
И.П. Уборевич	101
Р.П. Эйдеман	111
В.К. Путна	125
А.И. Корк	139
Б.М. Фельдман	150
В.М. Примаков	151
Я.Б. Гамарник	162
Глава вторая. Расправа над теми, кто судил «врагов народа»	171
Н.Д. Каширин	178
Е.И. Горячев	185
П.Е. Дыбенко	188
И.П. Белов	204
Я.И. Алкснис	218
В.К. Блюхер	225
Б.М. Шапошников	241
Глава третья. Маршал Егоров и другие	253
А.И. Егоров	262
А.И. Седякин	269
Н.В. Куйбышев	270
Г.Д. Гай	272
И.С. Кутяков	286

В.И. Шорин	289
И.И. Вацетис	294
И.Ф. Федько	314
В.М. Орлов	319
И.Н. Дубовой	322
Л. Гавро	324
Д. Сердич	332
М.Д. Великанов	336
М.К. Левандовский	338
Е.И. Ковтюх	342
Глава четвертая. Воскресшие из выбитых	352
К.А. Мерецков	354
К.К. Рокоссовский	359
А.В. Горбатов	367
Л.Г. Петровский	375
И.И. Блажевич	378
Глава пятая. Была война	396
Д.Г. Павлов	398
В.Я. Качалов	408
П.В. Рычагов	425
Г.М. Штерн	439
А.Д. Локтионов	442
Я.В. Смушкевич	444
Глава шестая. И после войны	448
В.Н. Гордов	464
Г.И. Кулик	475
А.А. Новиков	492
С.А. Худяков	495
Н.Г. Кузнецов	499
Послесловие	505

Популярное издание

Корольченко Анатолий Филиппович

Выбитый генералитет

Историческое повествование

Ответственный редактор	<i>В.Д. Медведев</i>
Редактор и корректор	<i>Г.А. Бибикова</i>
Художник	<i>С.А. Каштанов</i>
Компьютерный набор и верстка	<i>И.А. Ковальчука</i>

ЛР № 065194 от 02.06.97.

Сдано в набор 30.11.99. Подписано в печать 26.12.99.
Формат 84×108 ¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура Школьная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,88. Уч.-изд. л. 14,8
Тираж 10 000 экз. Заказ № 12.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор
продукции ОК-00-93. Том 2: 953 000 — книги, брошюры.

Издательство «ФЕНИКС»
344007, г. Ростов-на-Дону, пер. Соборный, 17.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ЗАО «Книга»
344019, г. Ростов-на-Дону, ул. Советская, 57.

**Издательский клуб
«Книжный мир — почтой»**

*предлагает вашему вниманию лучшие книги
и книжные серии издательства «Феникс»*

**Мы выпускаем в свет книги
для всех слоев населения.**

**Любой человек с самым изысканным вкусом
найдет для себя интересную
и, главное, нужную книгу.**

**344010, г. Ростов-на-Дону, 10, а/я 515.
Каталог высылается БЕСПЛАТНО.**

Ждем ваших писем!

**Торгово-издательская фирма
«Феникс»**

**имеет представительство в г. Москве на территории
Издательского Торгового дома «КноРус»**

**Вы можете приобрести наши книги и получить
информацию о них:**

**Москва, Б. Переяславская, 46,
м. «Рижская», «Проспект Мира»,
тел./факс: (095) 280-02-07, 280-72-54,
280-90-06, 280-92-13
E-mail: office@knoirus.ru**

Мелкооптовый магазин «Литэк»

**Москва, ул. Николаямская, 45, под. 2, м. «Таганская».
Тел.: (095) 911-98-63, 911-97-42**

**Сервер в сети Интернет:
<http://www.book.ru>**

Торговая фирма «Феникс»

- Оптовая и розничная торговля книжной продукцией
- Быстро обновляемый разнообразный ассортимент
- Своевременная доставка книг контейнерами и/или автотранспортом в любую точку России
- Разумные цены и гибкая система скидок

Наш адрес:

344007, г. Ростов-на-Дону, пер. Соборный, 17.

Тел.: (8632) 62-44-72, 44-19-03, 44-19-04;

факс: 62-45-94, 62-38-11.

E-mail: phoenix@ic.ru

Web: <http://www.ic.ru/home/phoenix>

Издательство «Феникс»

**Приглашаем к сотрудничеству авторов
научно-популярной и научной литературы в области:**

- социальных и естественных наук,
- юриспруденции,
- медицины,
- программирования и вычислительной техники,
а также переводчиков хороших книг любой тематики.

**Все финансовые затраты берем на СЕБЯ,
высокие гонорары выплачиваем согласно договорам.**

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Наш адрес:

344007, г. Ростов-на-Дону, пер. Соборный, 17.

Тел.: (8632) 62-58-34, 62-51-94; факс: 62-38-11.

E-mail: phoenix@ic.ru

Web: <http://www.ic.ru/home/phoenix>

КОРОЛЬЧЕНКО АНАТОЛИЙ ФИЛИППОВИЧ –
военный писатель, полковник.

Автор известных произведений о знаменитых военачальниках России: «Атаман Платов», «Генерал Скобелев» и др.

Участник Великой Отечественной войны, десантник, командир боевой роты, он правдиво поведал о пережитом в книгах: «Жуков приказал!», «Маршал Рокоссовский», «Приготовиться... Пошел!», «Над старой картой», «Терский рубеж». Несколько книг посвящены событиям на родной ему Донщине.

Не прошли мимо его внимания жизнь и быт людей одной из «горячих точек» Африки, где ему довелось быть. Ранее вышло в свет семнадцать книг писателя.

ISBN 5-222-01052-X

9 785222 010525

